

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Попался, СВЕРЗОК!

французские
народные
сказки

Рисунки Т. Шинмаревой

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

Составление и пересказ с французского
В. Ф и н и к о в а

В нашу книгу французских народных сказок под названием «Попался, сверчок!» вошли лучшие сказки из семи французских сборников фольклора. Тут и мудрые притчи о животных, и весёлые бытовые сказки о фермерах, о сапожниках, плотниках и солдатах, язвительно насмешливые истории о жадных церковниках и богатеях, а также увлекательные волшебные сказки.

Любимый герой французских сказок — молодой отважный юноша из народа, который смело идёт к своей цели. Он очень находчив и остёр на язык. Насмешка над сильными мира сего — епископами, графами, королями — чувствуется во многих сказках. И во всех сказках, к удовольствию читателя, добро торжествует, а зло бывает наказано, либо посрамлено и осмеяно.

Такого полного собрания французских сказок для детей ещё не было на русском языке. Поэтому издательству интересно знать мнение читателей о нём. Отзывы о сборнике можно посылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

НЕУГОМОННЫЙ ПЕТУШОК

Давным-давно на краю одной бедной деревушки стояла ферма, такая же бедная, что и сама деревушка. И жил на этой ферме этаким тощий, но удивительно гордый петушок. Тощий он был потому, что не всякий день приходилось ему зоб набивать, ну а гордый — это уж от характера... Редко, очень редко удавалось ему проскочить в хозяйский сад и полакомиться там гусеницами, червями, улитками или просто зелёной травкой. Но едва замечала его в саду хозяйка, как гнала прочь. И возвращался тогда петушок снова во двор, обиженный, но не смирившийся.

Однако и во дворе у него была отрада — большая навозная куча, в которой отыскивал он для себя пропитание. Что же вы хотите? Кормиться-то ему приходилось самому. Вот и топтался он целыми днями на этой куче, разгребал, раскапывал, отыскивая, чего бы поклевать.

Как-то раз копался петушок в куче и нашёл вдруг под прелыми листьями туго набитый кошелёк. Смекнул он враз, что кошелёк этот — целое богатство, и, позабыв обо всём на свете, даже о голоде, тут же кинулся пересчитывать золотые экю. Оказалось в кошельке ровно сто монет. Не помня себя от радости, выгнул он горделиво грудь, загорланил на всю деревню и побежал со всех ног оповестить деревенских петухов и кур о привалившем ему счастье.

А в эту самую минуту проезжал по дороге король со свитой. Услыхал он звонко-заливистое пение петушка и спросил, что там приключилось. Рассказали ему слуги об удачливом петушке и о ста золотых экю. Призадумался король: как бы их выудить? Ведь был он в долгах как в шелках. Поразмыслив, подозвал он к себе петушка да и говорит:

— Послушай, приятель, одолжи мне свои сто экю. Верну их тебе ровно через три месяца.

— С радостью, ваше величество! — расшаркался петушок. — Только проценты заплатите.

— Ну какой может быть разговор! Получишь в назначенный срок и деньги и проценты. Даю тебе своё королевское слово, — уверил петушка король и, забрав сто золотых экю, покати́л дальше, в свой королевский за́мок.

Ну, а петушок вернулся во двор к своей навозной куче.

Прошло три месяца. Копаётся петушок по-прежнему в унылой куче, оглашает всю округу звонким «ку-ка-ре-ку» и всё ждёт не дождётся короля-должника. А от короля, как нарочно, ни слуху ни духу. «Должно быть, не до меня ему сейчас, — размышляет петушок. — Дел-то у него хватает. Погону немножко, мне пока не к спеху».

Но когда минуло четыре месяца, а король всё не подавал о себе вестей, забеспокоился петушок. Взял лист бумаги, выдернул самое хорошее перо из хвоста, зачинил его и написал королю письмо:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Верни, король, долг петуху!

Пробежали дни, промелькнули недели, а ответа от короля всё нет и нет. Написал петушок ещё одно письмо... и ещё, да только напрасно он старался: молчит король, молчат и его придворные.

И вот однажды утром взлетел наш неугомонный петушок на забор и важно заявил во всеуслышание:

— Отправляюсь я к королю за своими кровными денежками. Должен король вернуть их мне, да ещё с процентами. На то дал он мне своё королевское слово.

Вычистил петушок пёрышки, прополоскал в луже клюв, соскрёб грязь со шпор, мешок на спину закинул и двинулся напрямиком к королевскому замку.

Повстречал его по дороге волк и спрашивает:

— Куда это ты, кум, идёшь ни свет ни заря?

— Известно куда!

Иду я к королю
За своими сто экю.

— Может, ты и меня прихватишь? Дорога-то у тебя длинная, а я составлю тебе компанию.

— Что ж, я не прочь. Вдвоём веселей. Садись ко мне в мешок!

Влез волк в мешок, и двинулся петушок дальше. Вдруг попадается ему навстречу лиса.

— Здравствуй, петушок! Куда это ты спозаранку отправился?

— Здравствуй, кумушка-лиса!

Иду я к королю
За своими сто экю.

— Ой, как интересно! — заскулила лиса. — Счастливый ты, петушок, самого короля увидишь! А вот мне видать его не доводилось... Взял бы и меня с собой, дружок. Хоть полюбуюсь на его королевское величество.

— Если хочешь, полезай в мешок. Только учти: в мешке-то уже волк сидит. Как бы не подрались вы ненароком.

— Да что ты, дружок! Мы же с волком старые друзья-приятели. Делить нам нечего.

Пошёл петушок дальше. Идёт себе, песни распевает да побряхтывает: как-никак волк и лиса — ноша нелёгкая! Вдруг слышит:

— Каррр... Каррр... Куда это ты путь держишь, петушок?

Взглянул петушок наверх и увидел на ветке вяза старого вóрона. Ну как ему не ответить, коли собрат он по пернатому царству? И говорит петушок:

Да вот иду я к королю
За своими сто экю.

— Каррр, к корр...ролю, — прокаркал ворон. — Возьми и меня с собой. Может, я тебе там пригожусь.

— Коли не боишься волка и лису, полезай ко мне в мешок.

— Бояться мне их нечего, вместе в лесу-то живём, одну и ту же еду клюём.

Нырнул ворон в мешок, и раздался оттуда весёлый смех. Одному петушку было не до смеха. Шёл он с тяжёлым мешком на спине и всё думал-гадал: отдаст ему король денежки или не отдаст? Отдаст или не отдаст?

Подошёл петушок к королевскому замку и видит: распахнуты ворота настежь, а у ворот стража стоит. Выпятил петушок грудь, задрал вверх голову и прошагал важно мимо стражников. Ну, а тем и невдомёк расспросить его, зачем да почему идёт он к королю. Больно уж гордо он проществовал — и не подступишься!

Так петушок и дошёл до самых королевских покоев. Дошёл да как загорланит во всю петушину глотку:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Верни, король, долг петуху!

Услыхал король петушиный крик, рассердился и отдал скорей приказ:

— Эй, слуги, схватите негодяя и швырните его в курятник! Пусть он отъестся на королевских кормах, а потом зажарьте его и к моему столу подайте!

Вот вам и королевское честное слово! Ни денег, ни процентов, да и сама жизнь бедного петушка на волоске повисла.

Не успел петушок оглянуться, как набросились на него королевские слуги, схватили и вместе с мешком в курятник бросили. Однако не пал духом петушок: вскочил на ноги, отряхнулся, испустил боевой клич и принялся новых знакомцев разглядывать. Да что там разглядывать: были в курятнике одни важные королевские петухи да куры, не с кем и поговорить по душам. Посмотрели они с презреньем на тощего петушка, посоветовались меж собой о чём-то — знать, не ко двору пришёлся им наш петушок! — и давай его клевать

куда придётся. Света белого бедняга невзвидел! Терпел он, терпел, а когда пришёл конец его терпению, громко позвал:

Лиса, кумушка-кума,
Вылезай-ка из мешка!

Выскочила из мешка лиса, зубы у неё клацают, глаза голодным блеском светятся! Увидели петухи и куры страшную лису и вмиг разбежались кто куда.

Поутру открыли слуги курятник и ахнули: в курятнике — никого, кроме тощего петушка. Побежали они во дворец, рассказали королю про новость диковинную, а тот в ответ:

— Ах негодник петух! Бросьте его тут же в мою овчарню!

Поспешили слуги королевский приказ выполнять: схватили петушка и швырнули в овчарню. Увидали овцы петушка, рассердились, копытами застучали, совсем затолкали бед-

нягу. Решил петушок, что пришёл его смертный час, и с отчаяния крикнул:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Помоги, серый, другу-петуху!

Выскочил из мешка волк, встряхнулся и принялся за дело: миг всех овец распугал. Со страху вышибли они лбами ворота и разбежались кто куда.

Рано утром король сам поспешил в овчарню. Видит: ворота настежь распахнуты, а в овчарне — ни единой овцы! От злости плюнул король на землю, а петушок снова ему кричит:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Верни, король, долг петуху!

Вконец рассвирепел король и приказал:

— Эй, слуги, ощиплите петуха до единого пёрышка!

Тут уж не до шуток петушку стало. Взлетел он на самую высокую перекладину и закричал:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Помоги, ворон, другу-петуху!

Не заставил ворон себя долго ждать. Вылетел из мешка, взмахнул крыльями и опустился на королевскую макушку — того и гляди, клюнет короля прямо в темечко. Испугался король и давай просить:

— Не трогай меня, мошенник!

— Ах, это я мошенник? Кар...rrr! — рассердился ворон. — Отдавай петуху сто золотых эю! — и тюк короля в макушку.

— Ой, ой, ой! — завопил король. — Отдам, все отдам! — и велел своему казначею тут же отсчитать петушку сто золотых эю.

Получил петушок сто экю и от радости даже про проценты забыл. Ведь и так бывает!

Пронел петушок своё «ку-ка-ре-ку», зажал в клюве кошелёк с монетами и прошёл через ворота замка впереди своих друзей-помощников.

Когда же оказались все они на дороге, ворон вдруг и говорит:

— Кар...rrr! Послушай, приятель, не мешало бы тебе нас вознаградить. А потому дай мне за верную мою службу десять экю.

Однако не услышал его почему-то петушок. Шёл себе вперёд, а на ворона даже не обернулся. Посмотрел ворон на петушка ещё раз, усмехнулся про себя и прочь улетел.

Вы, конечно, недовольны; ведь обидел петушок ворона. И лису, и волка обидел. Эх, да что там говорить! Вы совершенно правы. Но скажите по совести: разве справедливость — такая уж частая наша гостья?

И вот что ещё интересно: а как бы вы сами поступили на его месте?

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

ил когда-то в наших краях один бедный крестьянин, и был у него сын. Сын как сын, мальчишка неглупый, да только не по сердцу ему была обычная крестьянская работа. Вот и надумал отец отвезти сына в город: пусть, мол, поглядит, поучится, да выберет себе какое-нибудь ремесло по душе.

Задумано — сделано. И в одно прекрасное утро пришли они вдвоём в город. Познакомил там отец сына с разными работающими людьми: с плотниками и каменщиками, с гончарами и кузнецами... Однако, глядя на них, мальчишка лишь уныло вздыхал:

— Нет, батюшка, не моё это призвание...

— Эх, горе ты моё горькое... — сокрушался отец.

Целый день провели они в поисках, да так ничего завидного и не нашли. А когда наступил вечер, двинулись в обратный путь. Тут-то и попался им на глаза большой мрачный дом на окраине города.

— Это что за домина? — поинтересовался сын.

— О! Дом этот все стороной обходят, потому живёт в нём сам чародей-волшебник... — со страхом прошептал отец.

— Чародей?! — воскликнул мальчик. — Вот бы мне научиться его ремеслу! Как раз подходящее для меня занятие.

— Хм... Может, и так... — задумчиво протянул отец. —

Только денег у меня маловато. Надо бы спросить, сколько запросит он за обучение.

Постучали они в дверь — никакого ответа. Ещё раз постучали — опять молчок. Лишь на третий раз распахнулась дверь, и предстал перед ними сам хозяин дома. Поглядел он на оробевшего крестьянина, потом на смышлёную рожицу мальчонки и всё понял. Не успел крестьянин рта раскрыть, как вскинул чародей вверх руку и говорит властно:

— Денег я с тебя не потребую, но поставлю одно условие: ровно через год и один день должен ты прийти сюда, в мой дом, и узнать своего собственного сына среди прочих моих учеников. Только учти: и твой сын и все ученики предстанут перед тобой в каком-нибудь ином облике — то ли зверя, то ли птицы. Ну-с... Коли узнаешь своего сына, заберишь его с собой, коли нет, останется он у меня.

Почесал крестьянин затылок. Что делать, как поступить? Больно уж заманчивое предложение, да сына боязно потерять. Долго он колебался, но всё-таки упросил его сын. Махнул крестьянин рукой — мол, будь что будет! — и согласился.

Вот так и остался мальчик в доме чародея.

А надо сказать, что за год и один день мог мальчик трижды навестить своего родителя. Когда приехал он к отцу в деревню в первый раз, спросил его крестьянин:

— Ну как, сынок? Нравится тебе будущее твоё ремесло?

— Очень нравится, да только боюсь я, батюшка, что не признаете вы меня во время испытания. Ведь я и сам ещё толком не знаю, чем и как можно вам помочь. Ну ничего, отчаиваться пока не след. Поживём — увидим.

Во второй приезд сказал сын отцу:

— Будем надеяться, батюшка, на лучшее. Сейчас я, конечно, не слишком-то силен во всяких там премудростях, но кое-что уже умею. Подождите ещё немного, и скажу я вам, как можно будет меня распознать.

Наконец в третий, и последний, его приезд объявил он отцу радостно:

— Вот теперь, батюшка, я так же силён в чародействе, как и мой учитель. Прочитал я все его книги, выведал все его секреты. И вот что я вам скажу: в день вашего приезда обратит он меня и всех моих товарищей в петухов — в красных и зелёных. Поначалу пройдут перед вами трижды по кругу красные петухи, а вслед за ними — зелёные. Знайте: я буду среди зелёных. И когда пойдём мы по кругу, спотыкнусь я, будто ненароком. По этому-то признаку вы меня и узнаете. Но помните: если не признаете меня, то навсегда потеряете. Придётся мне тогда, хочешь не хочешь, век служить своему хозяину.

И вот истёк назначенный срок, и явился крестьянин к чародею. Оглядел его чародей с ног до головы, усмехнулся недобро и говорит:

— Значит, пришёл ты ко мне за своим сынком... Ну ладно... Поглядим теперь, узнаешь ли ты его.

Хлопнул чародей в ладоши, и оказался тут крестьянин в середине большого круга, а по кругу важно и гордо расхаживали красные петухи. Поглядел на них крестьянин, поглядел и, памятуя наказ сына, сказал чародею:

— Нет, хозяин, не видать что-то среди них родного моего сыночка.

— Ах, не видать, говоришь... Хорошо. Смотри дальше. — И чародей снова хлопнул в ладоши.

Исчезли тут красные петухи, а на смену им появились зелёные и давай тоже по кругу прохаживаться. Раз прошли, второй...

— Ищи, папаша, лучше. А то недолго и сынка проморгать, — смеётся чародей.

Ничего ему не ответил крестьянин. Да и что отвечать-то, коли было ему не до смеха. Вглядывался он до боли в гла-

зах в этих петухов и никак не мог различить среди них своего родного сына.

— Тыфу, пропасть! Ведь они же как две капли воды друг на друга похожи! — растерялся крестьянин. — Гляди-ка, уж по третьему кругу пошли. Ну, пропал теперь мой сынок ни за понюшку табаку! Эх, дурья моя голова, зачем только отдал я его чародею!

Но вдруг заметил он, как зацепился шпорой один петух за холщовые его домотканые штаны.

— А...а...а!.. Вот он! — завопил во всю глотку крестьянин. — Вот он!

Удивился чародей несказанно, но вида не подал и, перестав смеяться, процедил сквозь зубы:

— Твоё счастье, образина деревенская... Забирай своё отродье и убирайся прочь, пока не передумал я!

Обезумев от радости, подхватил крестьянин на руки зе-

лёного петуха и бросился с ним на улицу, подальше от страшного хозяина.

Так и вернулся в свой родной дом бывший ученик чародея. Вернулся и, как ни странно, принялся отцу помогать в его нелёгкой крестьянской работе.

Прошло какое-то время, и однажды, когда ворошили они вдвоём сено, спросил отец у сына:

— Что ж не покажешь мне своё хитроумное искусство? Неужто оно тебе ни к чему?

— Охотно покажу вам, батюшка. Правда, до сей поры нужды в нём вроде и не было. Но коли хотите вы поглядеть, на что я способен, извольте. Завтра утром пойдёте вы в сарай и увидите там хорошо откормленную свинью. Киньте ей на шею верёвку и отведите на ярмарку. Там продайте её, возьмите деньги и возвращайтесь домой. Только не забудьте снять верёвку.

— Скажи на милость! — захохотал отец. — Ну и шутник ты, сынок! О какой это ты свинье твердишь, ежели нет её у нас и в помине.

— Нет, так будет. Словом, не ваша это забота. Требуется от вас только одно: сделать так, как я вам сказал.

Покачал головой отец, но возражать сыну не стал. А наутро заглянул в сарай и в самом деле увидел там откормленную свинью. «Ну и дела!» — изумился он — и, накинув свинье на шею верёвку, повёл её на ярмарку. Не прошло и часа, как продал он свою животину и, весело позвякивая золотыми эю, в обратный путь пустился.

Тем временем свинья семенила по лесной дороге впереди барышника, очень довольного своей покупкой. Шли они, шли, как вдруг свинья шмыг в кусты — и поминай как звали. Барышник туда, сюда, да разве в такой чащобе её отыщешь! Вот и остался он с носом, а свинья, не выходя из лесу, в сына крестьянина оборотилась.

Пришёл сын домой и спрашивает у отца:

— Ну как, батюшка, довольны ли вы моим искусством?

— Ещё бы! Да ты себе цены не знаешь!

— Знаю, батюшка, как не знать. Коли хотите, сделаем тот же фокус на ближайшей ярмарке.

— А что ж, я не прочь!

— Вот и хорошо. На сей раз продадите вы быка, только не забудьте забрать обратно верёвку.

— Ох и ловкач ты у меня! Ладно, не тревожься попусту: не забуду я про верёвку.

И в самом деле: продал отец на ярмарке барышнику быка, получил звонкие золотые эю и вернулся домой. А бык той порой от барышника убежал и в лесу скрылся. А потом недолго думая в дровосека превратился и давай деревья рубить. Услыхал барышник стук топора и поспешил к дровосеку:

— Приятель, не пробегал ли здесь, случайно, бык?

— Какой такой бык? Никакого быка и в глаза я не видел, — преспокойно ответил ему дровосек.

— Эх, беда, да и только! — в отчаянии всплеснул руками барышник и снова в чащобу бросился.

Рассмеялся ему вслед дровосек и, как только скрылся барышник из глаз, тут же в мальчишку преобразился и домой к отцу побежал.

Теперь уж окончательно поверил отец, что сын его — великий мастер своего дела. И подумал: а почему бы не воспользоваться ещё разок такими лёгкими денежками? Вот и завёл он однажды разговор:

— Послушай, сынок, будет в том месяце большая ярмарка. Можно на ней подработать неплохо.

— Подработать, говорите? Разве не осталось у нас денег?

— Деньги-то остались, — почесал за ухом отец, — да больно жалко такой случай упускать.

— Ну, если уж вам так хочется, пусть по-вашему будет. Продадите вы на ярмарке молодого коня, только не забудьте уздечку с него снять.

— Как можно, как можно, сынок! — обрадовался крестьянин. — Непременно сниму.

— Вот и хорошо. Значит, договорились.

Договорились-то они, договорились, да, как назло, позабыли начисто про своего старого знакомца, чародея-волшебника. А тот частенько своего лучшего ученика вспоминал: ведь досадно ему было, что потерял он его по собственной своей вине. Долго он раздумывал, как это удалось крестьянину своего сына распознать, и в конце концов уверовал в то, что обманул его ученик, обвёл вокруг пальца.

«Ну погоди, ученичок! Ты у меня ещё наплачешься! Отомщу я тебе за ловкий твой обман». И, не откладывая дела в долгий ящик, чародей пустился бродить по ярмаркам: а вдруг наткнётся там на него?

И действительно наткнулся. Бывают же такие чудеса! В тот день увидел чародей на ярмарке красивого коня, окружённого целой толпой зевак и бабышников. Смекнул чародей, что конь-то этот — не кто иной, как бывший его ученик. Изменив обличье, подошёл он к крестьянину и предложил ему за коня целый мешок золотых экю. От такой неожиданности у крестьянина даже челюсть отвисла, и, не торгуясь, объявил он громогласно:

— Конь за вами, сударь. Забирайте его, только сниму я с него уздечку.

— Э, приятель, так дело не пойдёт. Ведь купил-то я его вместе с уздечкой. Да и зачем она тебе, коль лошадь теперь моя?

— Лошадь, может, и ваша, да не отдам я вам уздечки. Вот и весь сказ, — заупрямился крестьянин.

— Ну и ну... И сколько же ты хочешь за уздечку?

— Пятьсот экую! — выпалил крестьянин, желая отделаться поскорее от назойливого покупателя.

— Дороговато, конечно, но делать нечего. Получай свои пятьсот экую, приятель!

Забыв обо всём на свете — и об уздечке, и о наказе сына, сгрёб крестьянин дрожащими руками деньги, отдал чародею коня вместе с уздечкой и, не чувствуя под собою ног от радости, заторопился домой.

Ну, а чародей время терять не стал, вскочил на коня и погнал его вперёд. Долго мчался чародей по дороге, пока не остановился на каком-то захудалом постоялом дворе. Подозвал он к себе работника и говорит ему:

— Слушай, парень, отведи моего коня в конюшню, но уздечку с него ни за что не снимай.

Поставил работник коня в стойло и принёс ему большую охапку душистого сена. Однако не притронулся к сему конь и всё стоял в своём стойле усталый и понурый. Пожалел его работник: больно уж хорош был конь!

— Ну что, красавец? — погладил он его по спине. — Может, пить хочешь? Давай-ка сведу я тебя к реке.

Отвёл его работник к реке, но и от воды конь отказался. Ещё пуще удивился работник:

— Ну и чудная ты животи́на! Что же ты хочешь, а? Должно быть, мешает тебе уздечка. Ладно уж, сниму я её.

Снял работник с коня уздечку, а конь-то — нырь прямо в реку и тут же в карпа превратился!

Обомлел от неожиданности работник и, не зная, что делать, помчался на постоялый двор. Примчался, отыскал хозяина коня, да и выложил ему всё по порядку. Взмеленился чародей не на шутку, отругал работника и побежал сломя голову к реке. А прибежав, тут же преобразился в щуку и давай гоняться за карпом. Однако выпрыгнул карп из воды и ласточкой оборотился. Ну, а чародей — ястребом. Налетел

он на ласточку и непременно бы её настиг, если бы не нырнула она в печную трубу. Проскользнула она в дымоход и, превратившись в золотое колечко, бряк прямо в золу!

Увидела золотое колечко девушка, что вместе с женихом возле печки сидела. Обрадовалась и на палец надела.

Но не сдался чародей. Не пожелал свою добычу из рук выпустить. Принял он облик бродячего музыканта и давай наигрывать на улице разные весёлые мелодии.

Услыхали невеста с женихом музыку и вышли из дома его послушать. Завидел их чародей, подошел поближе и будто невзначай воскликнул:

— Какое прелестное колечко! Продайте его мне или лучше поменяйтесь со мной.

И показал девушке другое колечко, да такое красивое, что не могла девушка глаз от него отвести. Сняла она с пальца золотое колечко и протянула уж было чародею, как выскользнуло оно вдруг из руки и, превратившись в льняное семечко, затерялось среди множества других, по всему двору разбросанных.

Крякнул чародей от досады и, обернувшись петухом, принялся живо клевать семечки. Но и ученик не зевал: вмиг лисой оборотился, бросился на петуха, задушил его и прочь убежал. А потом свернул на дорогу к родительскому дому. Пришёл и говорит отцу:

— Ну и задал мне жару чародей по вашей милости! Нет, батюшка, не по сердцу мне такая жизнь. Надоело хитрить, изворачиваться да морочить людям голову... Так что хватит мне в чародеях ходить!

Поведал он отцу про свои удивительные злоключения и с той поры забыл даже и думать о чародействе, разве что так, изредка, когда над соседом хотелось подшутить или, к примеру, приданое бедной девушке раздобыть. А в остальное время он усердно отцу в поле помогал.

или на свете муж с женой. Жили не тужили, да вот беда: не подарила им судьба ребёночка.

Как-то раз, когда была жена одна дома, постучалась к ней цыганка с двумя маленькими детьми и, не здороваясь, попросила:

— Дай нам что-нибудь поесть, а то, не ровён час, помрём с голода.

Была госпожа эта женщиной доброй, и поэтому упрашивать её не пришлось. Услыхав такие слова, всплеснула она руками, захохала и тут же дала всем троем по кружке молока и по ломтю хлеба.

Наелись цыганка и её цыганята, губы вытерли и, не поблагодарив, дальше отправились. Но на следующий день появилась снова цыганка с детьми и снова попросила добрую женщину их накормить. Не отказала та цыганке и угостила всех троих молоком и хлебом.

Так продолжалось целую неделю. Только на седьмой день поблагодарила цыганка женщину и, улыбнувшись, сказала:

— Вижу, красавица, гложет тебя тоска. Если хочешь ты от неё избавиться, иди к себе в сад, отыщи на стволе вишнёвого дерева каплю застывшего древесного сока и съешь его. И раньше чем через год исполнится твоё заветное желание.

Едва ушла цыганка, как побежала женщина в сад, отыс-

кала вишнёвое дерево и, в самом деле, увидала на стволе застывшую каплю древесного сока. Сняла она её со ствола кончиками пальцев и съела.

Прошло назначенное время, и родился у неё сыночек, Да такой хорошенький, что все только диву давались.

Время шло, чужие дети росли-подрастали, а её сыночек, не в пример прочим, никак не мог ростом похвастаться: подрос маленько, да таким же маленьким и остался. Но хоть и маленький он был, а страсть какой весёлый и хитрый. Недаром прозвали его Плут-Малыш.

Когда исполнилось ему двадцать лет, решил он на королевскую службу поступить. Задумано — сделано. Вот и отправился он в путь-дорогу.

Шёл он, шёл, много дорог исходил и как-то раз к ночи в глухом лесу заблудился. Долго блуждал он по лесу, пока не наткнулся на большущий дом с освещёнными окнами. Подошёл он к дому и в дверь постучал. Вышла на порог великанша, а Плут-Малыш у неё и спрашивает:

— Нельзя ли у вас переночевать, хозяйюшка? Иду я к королю, хочу на службу поступить, да вот в лесу заблудился.

— Эх, не повезло тебе, бедняжке, — вздохнула великанша. — Дом-то этот злому Великану-с-золотой-бородой принадлежит. Так что лучше уходи отсюда подобра-поздорову. Не то съест тебя Великан!

— Не могу я дальше идти, — признался Плут-Малыш, — устал я очень и заблудился. Так и так меня звери в лесу съедят. Уж лучше я здесь останусь, а вы спрячьте меня где-нибудь в укромном местечке, а поутру я уйду потихоньку.

— Ну что же, оставайся, коли так. Попробую я своего муженька перехитрить.

Отвела его великанша на кухню, где жарились на железном вертеле бык, поросёнок и барашек. Накормила его, напоила и спрятала в погребе за бочками с вином.

Вскоре услышал Плут-Малыш страшный шум — это вернулся домой Великан-с-золотой-бородой. Уселся Великан за стол и приказал жене жареного быка ему подать. Управившись с быком, съел он поросёнка и барана и решил в погреб спуститься, чтобы винцом там побаловаться. Поднял он со скамьи бочку с вином, осушил её одним глотком и хотел было уж наверх подняться, да заметил в углу юношу.

— Эге, — обрадовался Великан, — заботливая у меня жёнушка. Будет чем закусить мне напоследок. Жаль только, что мальчонка какой-то никудышный, совсем маленький. Э-э... да ничего!

Схватил он своей огромной лапищей юношу и приволок его на кухню.

— Спасибо тебе, жена, за заботу, — засмеялся Великан, приподняв юношу за ворот.

— Не тронь его, муженёк, — попросила жена Великана. — Я тебе к завтраку его припасла.

— К завтраку, говоришь? Ну хорошо, пусть тогда поживёт ещё ночку. А что ты делать-то умеешь козявка-малышка? Истории позанятнее знаешь?

Собрался с духом Плут-Малыш и давай Великану истории разные рассказывать, позабавней да посмешней. А Великан слушал их и со смеху так и покатывался. Когда Плут-Малыш замолк, он его спрашивает:

— Да как зовут-то тебя?

— Плут-Малыш!

— Ха-ха-ха... Славное имечко! Весёлый ты, я вижу, паренёк. С тобой от скуки не пропадёшь. Вот что, Плут-Малыш, съесть я тебя всегда успею, а пока будешь ты меня своими побасёнками забавлять. Согласен?

— Вы совершенно правы, — охотно согласился Плут-Малыш. — К чему спешить, я никуда от вас не убегу, а историй я знаю про всё на свете!

— Про всё, про всё?

— Решительно про всё! — ответил Плут-Малыш.

После ужина отвёл Великан юношу в соседнюю комнату и приказал ему ложиться спать, а сам на кухню вернулся и говорит жене:

— Слыхала, как расхвастался этот Плут-Малыш? Всё-то на свете он знает! А не ведает, что стоит в моей конюшне мул в золотых сапожках. Да не просто в золотых, а в сапогах-сороходах. Шаг сделает — и сорок лье позади. Ах плутишка-хвастунишка! Ну да ладно, я тоже спать пошёл.

Улёгся Великан на кровать, засопел уж, да вдруг как захохочет:

— Ха-ха-ха!.. Всё он знает! Ну и умора! Клянусь моей золотой бородой, не знает он, что лежит тут у меня в мешке за дверью месяц ясный, что освещает всё вокруг на сорок лье.

Прошло какое-то время, и опять захохотал Великан:

— Ха-ха-ха!.. Много знает этот Плут-Малыш, а не ведает, что припрятана под моей кроватью скрипка с серебряными струнами. И невдомёк ему, всезнайке, что скрипка эта волшебная. Едва услышат её люди, как волей-неволей в пляс пускаются. Ха-ха-ха!..

Насмеявшись всласть, зевнул Великан и вдруг так захрапел, что весь дом затрясся.

А Плут-Малыш не спал и всё слышал. Только Великан захрапел, вскочил он с постели и пробрался в конюшню, отвязал мула в золотых сапожках и хотел было его оседлать, как мул возьми да зареви на весь лес. Проснулся Великан, рассердился и как заорёт:

— Замолчи, осёл! Не мешай мне спать! — Это он на мула так.

А тем временем Плут-Малыш оседлал мула, вывел его из конюшни и вскочил верхом. Заревел мул во второй

раз, но и тут Великан поленился с кровати встать, а только крикнул:

— Замолчи, скотина! Не мешай спать! Не то встану с постели и отдубасю тебя палкой.

Когда же дёрнул Плут-Малыш за поводья, заревел мул в третий раз.

— Ах, так! — разъярился Великан. — Ну погоди! Получишь у меня сполна!

Вскочил Великан с постели, схватил палку и кинулся вон из спальни. А Плут-Малыш, как увидел его в дверях, весело крикнул:

— Эгей, Великан! Вот тебе моя первая шутка! Будешь помнить, каков Плут-Малыш. А теперь в дорогу, мой быстрый мул!

Шагнул мул вперёд и сразу же за сорок лье от этого страшного места оказался. Великан в одной рубахе вдогонку было бросился, да разве за мулом-сороходом угонишься? Вернулся он ни с чем домой и давай ругать свою жену. А за что её-то ругать?

Ранним утром приехал Плут-Малыш к королевскому замку и рассказал королю про ночное своё приключение. Слушал его король и со смеху покатывался, а потом, не раздумывая, принял его к себе на службу, в советники.

И всё бы обошлось хорошо, кабы не дочка короля. Ей тоже захотелось послушать весёлые истории, какие рассказывал Плут-Малыш. И вот однажды он возьми и расскажи ей, что живёт в дремучем лесу в большом доме Великан-с-золотой-бородой и прячет он в мешке ясный месяц, который освещает всё вокруг на сорок лье. Мало того, есть у него ещё волшебная скрипка с серебряными струнами, под которую все пускаются в пляс. И так захотелось принцессе получить эти диковинки, что совсем она покой потеряла. Есть и пить отказалась, в своих комнатах запер-

лась и никого к себе не впускала. Встревожился тут король.

— Что с тобой, доченька? — спрашивает. — Не больна ли?

— Ах, отец! — вздохнула принцесса. — Ничто мне не мило, пока нет у меня ясного месяца, что освещает всё вокруг на сорок лье. Прикажи, чтобы Плут-Малыш сходил к Великану и принёс мне светлый месяц. Если не принесёт, я умру с тоски.

И пришлось королю призвать к себе своего юного советника и поведать ему волю принцессы. Загрустил Плут-Малыш, очень не хотелось ему возвращаться в дом Великана. «Как бы и он не сыграл со мной одну из своих шуток», — со страхом думал Плут-Малыш. Но слово короля — закон, пришлось ему подчиниться. Только попросил он у короля на дорогу мешок соли, сел на мула и в два счёта оказался на поляне, где стоял дом Великана-с-золотой-бородой.

Дождавшись ночи, Плут-Малыш влез на крышу дома, заглянул в дымоход и увидал на плите огромный котёл с похлёбкой, под которым весело плясали языки пламени. Проделал он в мешке дыру и принялся осторожно сыпать соль прямо в котёл. Так и высыпал всю соль в похлёбку.

Немного погодя уселся Великан за стол, пододвинул к себе котёл с похлёбкой и проглотил первую ложку.

— Ну и насолила! — так и охнул он, однако похлёбку всю съел и решил пойти за водой, чтобы запить живую соль.

Вынул он из мешка ясный месяц, прицепил его на угол крыши, чтоб светло было, и, взвалив на плечи две пустые бочки, побежал к реке.

А Плут-Малыш тут как тут: подкрался к дому и хватъ месяц за рожек. Потом сунул его в пустой мешок из-под соли и крикнул погромче:

— Эй, Великан-с-золотой-бородой, вот тебе вторая моя шутка!

От неожиданности Великан даже споткнулся, но, опом-

нившись, бросился догонять маленького Плута. Однако далеко не убежал, потому что зацепился в темноте за корягу, грохнулся на землю и расшиб себе нос. Что ж, и так бывает. А Плут-Малыш вскочил на мула и в миг один оказался у королевского замка.

Обрадовались король и его дочка, получив ясный месяц, что освещал своим светом всё вокруг на сорок лье. Вечером приказал король прицепить месяц на самой высокой башне, и стало в городе светло, как днём. Прослышав про эту диковинку, повалил в город любопытный люд: надо же на такое чудо поглядеть!

И всё же не долго тешилась капризная принцесса забавной этой игрушкой и вот снова загрустила, есть отказалась и заперлась в своих покоях.

— Что с тобой, доченька? — встревожился опять король. — Уж не больна ли?

— Нет, отец, не больна, но очень уж мне хочется послушать волшебную скрипку с серебряными струнами.

— Будет тебе скрипка, не печалься! — сказал король.

И велел позвать к себе своего советника. Так и так, мол, хочет моя дочь, наследная принцесса, получить волшебную скрипку с серебряными струнами.

— А не принесёшь, голова твоя слетит с плеч!

Бедный Плут-Малыш! К Великану идти — тот его живым не отпустит, у короля остаться — голову потерять. Ну, что бы вы ему посоветовали? Подумал-подумал он и решил всё-таки ехать, только попросил он у короля бочонок сонной воды.

Выдали ему бочонок сонной воды. И к вечеру Плут-Малыш оказался на поляне близ дома Великана-с-золотой-бородой. Когда совсем стемнело, пробрался он через слуховое окошко в погреб, налил в початую бочку с вином сонной воды, а сам в уголке спрятался.

После ужина спустился в погреб сам Великан, выпил из бочки всё вино и вернулся наверх.

— Ох... Что-то клонит меня ко сну, — сказал он. — Постели мне, жена, скорей, а то я, кажется, на ходу засну.

Постелила ему жена, улёгся он и тут же захрапел на весь дом. А Плут-Малыш ещё немного обождал, потом поднялся в его комнату и вытащил из-под кровати скрипку с серебряными струнами. Но только ступил он через порог дома, чтобы бежать вместе со скрипкой к королю, как она сама собой заиграла. Что ж тут удивительного, ведь то была волшебная скрипка!

Услышав скрипку, Великан проснулся и волей-неволей в пляс пустился. Глаза у него слипаются, а ноги сами собой выплясывают.

— Ох, нет мочи... — закричал Великан. — Да замолчи ты! — кричит он, а сам, пританцовывая, из дома вон идёт.

Вышел он на поляну и видит: да это Плут-Малыш на его скрипке наигрывает!

— Перестань играть! — взмолился Великан. — Спать хочется!

— Если моя будет скрипка, я прикажу ей замолчать, а так она меня не послушается! — нашёлся что ответить Плут-Малыш.

— Твоя, твоя! — согласился Великан-с-золотой-бородой. — Отдаю её тебе навсегда! И пусть это будет твоя третья шутка. Но, чур, последняя!

Охотно согласился на это Плут-Малыш, подхватил скрипку, сел на мула и был таков.

Получив волшебную скрипку, король устроил пышный бал. Гостей он созвал со всей Франции. И день плясали гости, и другой, и третий, а скрипка всё играла и играла. Надолго запомнился им этот праздник!

А принцесса через какое-то время опять на скуку стала жаловаться. И еда ей не мила, и разговоры противны, и скрипка надоела.

— Хочу, — говорит, — золотую бороду Великана. Пусть достанет её Плут-Малыш, не то умру с тоски.

Тут уж не на шутку рассердился сам король.

— Это опасно! — говорит он. — Великан его живым не отпустит. Из-за твоей прихоти я лишусь лучшего своего советника!

Но принцесса от своего не отступилась, слегла в постель, есть отказалась, ни с кем не говорит, никого видеть не хочет. Не выдержал король и отдал приказ, чтобы на другой же день Плут-Малыш отправился за золотой бородой Великана.

«Поделом мне, — подумал Плут-Малыш. — Не ту службу я выбрал. Не того хозяина. Но хочешь не хочешь, а ехать надо».

Сел он на мула в золотых сапожках и вмиг оказался на поляне возле дома Великана-с-золотой-бородой. А тот его уже ждёт не дождётся.

Так и так, всё откровенно рассказал ему Плут-Малыш. Ну и посмеялся над его бедой Великан! Так смеялся, что про все старые обиды забыл и говорит:

— Вот тебе моя борода! Режь её! У меня новая отрасли. Будешь помнить, каков Великан-с-золотой-бородой.

Да, выходит, великаны бывают получше иных людей.

Вернулся Плут-Малыш к королю с золотой бородой Великана и, не дожидаясь новых поручений капризной принцессы, сел на своего быстрого мула и в два счёта дома оказался в родной деревне.

Давно бы так, скажете? Так-то оно так, да кабы наперёд всё знать, никто бы в яму не падал и шишек себе не набивал. Словом, поумнел Плут-Малыш за свою нелёгкую службу.

Ну, а его матушка и отец так ему обрадовались, так обрадовались, что устроили праздник на всю деревню. Лучший скрипач играл им, хоть и на простой скрипке, но гости танцевали всю ночь. И светила им полная луна, так-то вот. Я и сам на том празднике был, но, как на грех, закружилась у меня под утро голова и пошёл я домой. Шёл, шёл, да так и не дошёл — свалился от усталости на длинной нашей улице Мулён.

СОБАКА ПОНОМАРЯ

ослушайте-ка одну любопытную историю, приключившуюся однажды в маленькой деревушке близ Рэймса. Вы небось поинтересуетесь, как называлась эта деревушка? Право, не знаю, ведь прошли с той поры годы и годы, многие десятилетия и даже века. Может, стала теперь эта деревушка городом, а может, и вообще исчезла с лица земли. Кто знает? Впрочем, дело не в названии.

Так вот, стояла когда-то в этой деревне старая церковь, в которой отправлял службу дряхлый кюре, то есть священник. Помощников у него не было, если не считать преданного ему всей душой старенького пономаря. Несмотря на свой почтенный возраст, успевал пономарь всюду: звонил в колокол, был сторожем, могильщиком, певчим, а кроме прочего, помогал кюре по хозяйству, потому что, по бедности, служанки у того не было. Да и откуда бы ей взяться, коли приход у него был пустынный, а прихожане — сплошь беднота. Но суть-то не в том, однако...

Жили так кюре и пономарь неторопливо, не сетуя на безотрадную свою судьбу. Да и правду сказать: чему радоваться-то? День прошёл — и слава богу... Впрочем, чтоб не сокрушаться, было у пономаря в жизни одно великое утешение: любимая собака. Ну посудите сами: можно ли его упрекнуть в этакой слабости? Разумеется, нет. Тем более, собака-то его была лучшей в мире.

Как ни странно, но слушалась собака пономаря беспрекословно. Будила его спозаранку, чтобы успел он отзвонить к утренней службе, стерегла ночью, облаивала добросовестно всех нищих и прохожих, радостно виляла хвостом и всё такое прочее. Больше того, иногда отправлялась она в лес по собственному почину и приносила оттуда своему пономарю, а значит и кюре, что-нибудь из дичи. Оба они, понятное дело, души не чаяли в этой удивительной собаке и в благодарность бросали ей во время обеда кость, а то и две. Добряки, что и говорить.

Как-то раз принесла собака домой большущего зайца, из которого пономарь и кюре сделали отменное рагу. Сели они за стол и давай жаркое уписывать. Однако и о собаке не забыли: бросили ей мозговую кость. Схватила она кость и тут же подавилась ею. Подавилась и померла в одночасье. Взыл пономарь от горя, рвёт на себе волосы, о стену головой колотится, но делать нечего: лежит у порога собака бездыханная. Словом, поплакал пономарь, поплакал, да и утешился: попала, дескать, душа его собаки прямо в собачий рай, не иначе.

Н-да... Попала-то она попала, но тело её всё равно предать земле надо было. Однако где ж её схоронить? Ведь не простая она была собака, а из всех собак лучшая.

— Эх, ваше преподобие, — вздохнул пономарь, — не хочется мне навек расставаться с нею.

— Что верно, то верно, — согласился с ним кюре, — преданный был пёс. Давай-ка что-нибудь придумаем.

Думали они, думали и, наконец придумали. И знаете что? Нипочём не догадаетесь! Решили они похоронить собаку на том клочке кладбища, где разводил пономарь капусту и сельдерей. Пусть, мол, покоится она неподалёку от любимого хозяина. Вот так и заняла собака пономаря своё достойное место на кладбище.

Прошло какое-то время, и весть о необычайных похоронах достигла ушей господина епископа. Возмущился епископ:

— Как! Похоронить какую-то паршивую собаку рядом с людьми! Да ведь это же кощунство! Эй, пошлите за этим богохульником кюре. Уж я ему растолкую, что к чему!

Что и говорить! Был епископ человеком крутого нрава и следил неукоснительно за поведением своих учеников и помощников. И не было у него никаких недостатков, кроме одного-единственного: одолевала господина епископа великая жадность.

Прискакал посланец епископа к бедному кюре и приказывает:

— Чтоб были вы утром у господина епископа непременно!

— А вы не знаете, в чём я провинился? — побледнел от страха кюре.

— Точно не скажу, — отвечает посланец. — Говорят, будто похоронили вы собаку в святом месте, где хоронят лишь людей.

— О, горе мне! А ведь верно! — ужаснулся кюре. — Передайте господину епископу, что завтра же утром припаду я к его стопам.

Уехал посланец, и только тогда понял кюре, что он натворил.

— Вот напасть! — ужаснулся старик. — Да ведь он может бросить меня в темницу за моё великое прегрешение! Где найти спасение?

Целый день провёл кюре в молитвах, каялся, плакал...

А тем временем пономарь, ничего не ведавший о случившемся, копался в кладбищенском огороде, неподалёку от могилы собаки, и вдруг... Какая неожиданность!

Словно ветер, ворвался пономарь без стука в комнату кюре.

— Господин кюре! Господин кюре! — чуть не задохнувшись от радости, завопил пономарь и протянул кюре старую, замшелую шкатулку, которую только что вырыл на капустной грядке. — Поглядите, господин кюре, поглядите, что я нашёл в земле!

Встал с колен кюре и с тоскою спросил:

— Ну что там ещё?

— Да вы поглядите только!

Открыл кюре шкатулку и тут же на стул сел от неожиданности: в шкатулке было полным-полно золотых эю. Забыв на миг обо всех своих бедах и грехах, расплылся старый кюре в довольной улыбке и даже глаза закрыл. Закрыл и слышит вдруг голос пономаря:

— Господин кюре, все эти эю принадлежат вам.

— Нет, нет... — открыл наконец глаза кюре. — Они твои. Ведь нашёл их ты, а не я.

— Коли так, я вам их дарю.

— Нет, друг мой, сохрани их для себя.

— Да зачем они мне нужны? Подумайте сами.

— Ладно. Так и быть: поделим их поровну.

Поделили они золотые эю поровну. После этого разложил кюре свои эю на две равные кучки: одну положил в шкаф, а вторую в мешочек высыпал. На следующее утро двинулся он спозаранку в город, к грозному епископу.

Тот уже ждал его и, даже не пригласив сесть, обрушил на голову бедного кюре грома и молнии. Отчитывал он его с таким жаром и красноречием, что понял кюре только одно: совершил он, бедняга, сто смертных грехов, а потому предстоит ему провести остаток дней своих в темнице. Однако не забыл наш кюре о великой слабости господина епископа — о его жадности. И потому сказал ему смиренно:

— Господин епископ, я виноват. Совершил я ужасную ошибку, но... но простите меня, грешного. Ведь собака эта

была лучшей из собак, и я думал, что не будет большого греха, если похороню её в святой земле. О, господин епископ, если бы вы знали её, то непременно полюбили и сами бы сказали: нет, эту собаку хоронить невесть где нельзя.

— Это почему же? — удивился епископ.

— А потому, что перед смертью сделала собака завещание.

— Что за ерунда! — снова было рассердился епископ.

— Не ерунда это, господин епископ, а истинная правда. Сами посудите: отказала она вам в своём завещании сто золотых экю. Вот они!

И высыпал кюре из мешочка прямо на епископский стол сто блестящих золотых экю.

— Хм... — глубокомысленно произнёс епископ и погладил дрожащей рукой золотые монеты.

Потом, повернувшись к кюре, милостиво сказал:

— Пожалуй, вы правы... Это была и в самом деле разумная собака. Что ж, пусть покоится она там, где зарыта. Она, конечно, ничем не осквернит святого места. Аминь.

Вот так и кончилась эта удивительная история о собаке, которая завещала отцу церкви сто золотых экю.

По правде говоря, я тоже искал вот такую же собаку, но так и не нашёл.

ДОЧЬ ДРОВОСЕКА

Жил-был на свете добрый дровосек. Целые дни проводил он в лесу, с раннего утра и до поздней ночи дрова рубил. Были у него три дочки, одна другой краше, и каждый день на обед приносили они ему в лес по очереди большой котелок горячей похлёбки.

Однажды, когда работал отец в лесу, вышел из чащобы страшный зверь; не зверь даже, а настоящее чудовище — и шасть прямо к дровосеку! Побледнел от страха старик, топор из рук выронил, а зверь ухватил его за руку и говорит:

— Если не отдашь мне в жёны одну из своих дочерей, худо будет, съем я тебя!

Сказал и скрылся в дремучей чаще.

В этот день принесла похлёбку отцу старшая его дочь. Вышла она на поляну и видит: сидит отец на земле, опершись о топориче, а на глазах у него слёзы. Встревожилась дочка, бросилась к отцу:

— Что с тобой, батюшка? Отчего ты такой печальный? Откройся мне! Не пожалею я для тебя ничего, даже собственной жизни!

— Эх, доченька, знала бы, что у меня приключилось... — отвечает ей отец. — Рублю я дрова и вдруг вижу: выскакивает из-за деревьев лохматое чудовище — и прямо ко мне. Ухватило меня за руку и говорит: «Если не отдашь мне в жёны одну из своих дочерей, съем я тебя».

— Батюшка, милый, не боюсь я его и, коли надо, выйду за него замуж.

Едва успела она произнести эти слова, как зашуршали-затрещали кусты и выскочил на поляну зверь-страшилище. Выскочил да как заревёт на весь лес:

— Ага, попалась, красавица! Заберу я тебя сейчас!

Увидала девушка лохматое страшилище, задрожала от страха и, забыв про своё обещание, закричала:

— Нет, нет, батюшка, нипочём не пойду я за него!

И бегом домой бросилась. А зверь говорит дровосеку:

— Не убивайся, старик, ведь есть у тебя ещё две дочки.

На другой день принесла отцу обед средняя дочь. Увидела, что сидит отец опечаленный, всполошилась она и давай у него допытываться, что с ним такое приключилось. Долго она его расспрашивала, а отец всё молчит и молчит.

— Да скажи мне наконец, что тебя мучает? — взмолилась девушка.

Поднял отец голову, посмотрел на дочь, вздохнул тяжело и поведал ей свою беду.

— Из-за этого ты и убиваешься? — рассмеялась дочка. — Не тревожься, батюшка! Не боюсь я его и, раз надо, пусть забирает меня в жёны.

Только сказала так, а страшилище тут как тут. Подскочило, зубами заскрежетало, заревело:

— Ага, попалась, красавица! Заберу я тебя сейчас!

Попятилась девушка в страхе, замахала руками:

— Нет, нет, не пойду я за тебя! Очень уж ты страшный!

И так же, как старшая сестра, домой убежала.

Взглянул зверь на старика и говорит:

— Не падай духом, старик! Ведь есть у тебя ещё третья дочка, самая младшая да красивая.

— Что верно, то верно, есть у меня ещё Мариён, — опустил голову дровосек.

Назавтра пришла к отцу Марион, младшая его дочь. Поставила на пень котелок с похлёбкой и тут только заметила, что отец-то сам не свой. Стала она его расспрашивать, что да как. Не удержался старик и рассказал ей про страшное чудовище. Утешила она отца:

— Не боюсь я его, батюшка, и, коли надобно, пойду к нему в жёны.

Проговорила она так и видит: чудовище-то лохматое уже тут как тут, на поляне. Подскочило оно к ней, дёрнуло за руку и заревело на весь лес:

— Заберу я тебя! Будешь моей женой, красавица!

Выслушала его девушка и говорит в ответ:

— Поступай как знаешь, только не терзай попусту моего бедного батюшку.

Расхохоталось тут чудовище, подпрыгнуло от радости и недолго думая уволокло Марион в дебри лесные. Увидав это, упал отец наземь, заплакал горячими слезами:

— Ах, доченька моя любимая, знать, не увижу я тебя больше!

А чудовище завело Марион в самую чащобу, где стоял среди высоких елей и рябин зелёных богатый дом, и превратилось вдруг в красивого юношу. Обрадовалась Марион — да и как не радоваться, — однако спрашивать его ни о чём не стала: время, мол, покажет, что к чему.

И со временем они поженились и стали жить дружно и счастливо.

Пролетело лето, миновала зима, настала осень. И вот однажды пошли сёстры Марион в лес коров пасти. Вдруг слышат — далеко-далеко кто-то поёт.

— Стой! — насторожилась старшая сестра. — Похоже, это голос пропавшей нашей сестрички. Давай пойдём туда, посмотрим!

Двинулись сёстры в глубь леса. Шли, шли и пришли на-

конец к красивому дому. Видят, а у окна сидит их сестра Марион и распевает весёлую песенку. Узнала она сестёр, обрадовалась, привела их в дом и принялась разными яствами потчевать. А потом про отца с матерью расспросила и послала за ними, чтобы приехали они погостить к ней недельку-другую.

А надо вам сказать, что сразу после свадьбы вручил муж Марион тяжёлую связку ключей от всех комнат и решил любую комнату открывать, кроме одной-единственной.

— Если не хочешь на нас беду навлечь, не входи в эту комнату! — сказал он ей.

Закивала она тогда головой: всё, дескать, поняла, запрета не нарушу. Может, так бы и обошлось, если бы не её сёстры. Повела их Марион замок показывать. Осмотрели сёстры все комнаты, кроме той, что запретил муж открывать. Сёстры-то, конечно, ничего не знали об этом и давай упрашивать Марион: открой да открой. А вдруг это самая красивая комната во всём доме? Долго колебалась она, а потом всё-таки открыла заветную комнату.

Ох, недаром говорится: нет ничего страшнее женского любопытства. А ведь и верно! Едва отперла она дверь, как ключ возьми да и упади на пол! Подняла Марион ключ и видит: проступило на нём красное пятно, на кровь похожее. «Откуда это пятно взялось? — испугалась она. — Уж не хранит ли эта комната следы преступлений? О горе!» И принялась Марион оттирать красное пятно. Тёрла, тёрла, но так и не оттёрла. Напротив, стало пятно ещё краснее, ещё ярче.

Заплакала Марион, а тут, откуда ни возмись, муж явился. Посмотрел он на красное пятно, поник головой и говорит жене:

— Просил я тебя: не открывай эту комнату, да не послушалась ты меня. Ведь тебе невдомёк, что повздорил я когда-то с одним злым колдуном, и по злобе своей превратил

он меня в чудовище на семь долгих лет. Только твоя любовь спасла меня от его заклятья. Ещё бы один день, и я навсегда был бы свободен. А теперь я нарушил уговор, и придётся нам расстаться на семь лет. Снова приму я облик зверя и стану бродить неведомо где без отдыха и без пристанища... А ты здесь одна останешься.

— Нет, так не будет, — возразила Марион. — Раз повинна я в твоём несчастье, то не расстанусь с тобой. Куда ты, туда и я!

— Значит, не бросишь ты меня в беде? — обрадовался муж.

— Ни за что не брошу, милый!

Покинули они замок и пустились в дальние странствия. Долго бродили они по белу свету и вот однажды разминулись в лесу, потеряли друг друга. Осталась Марион одна.

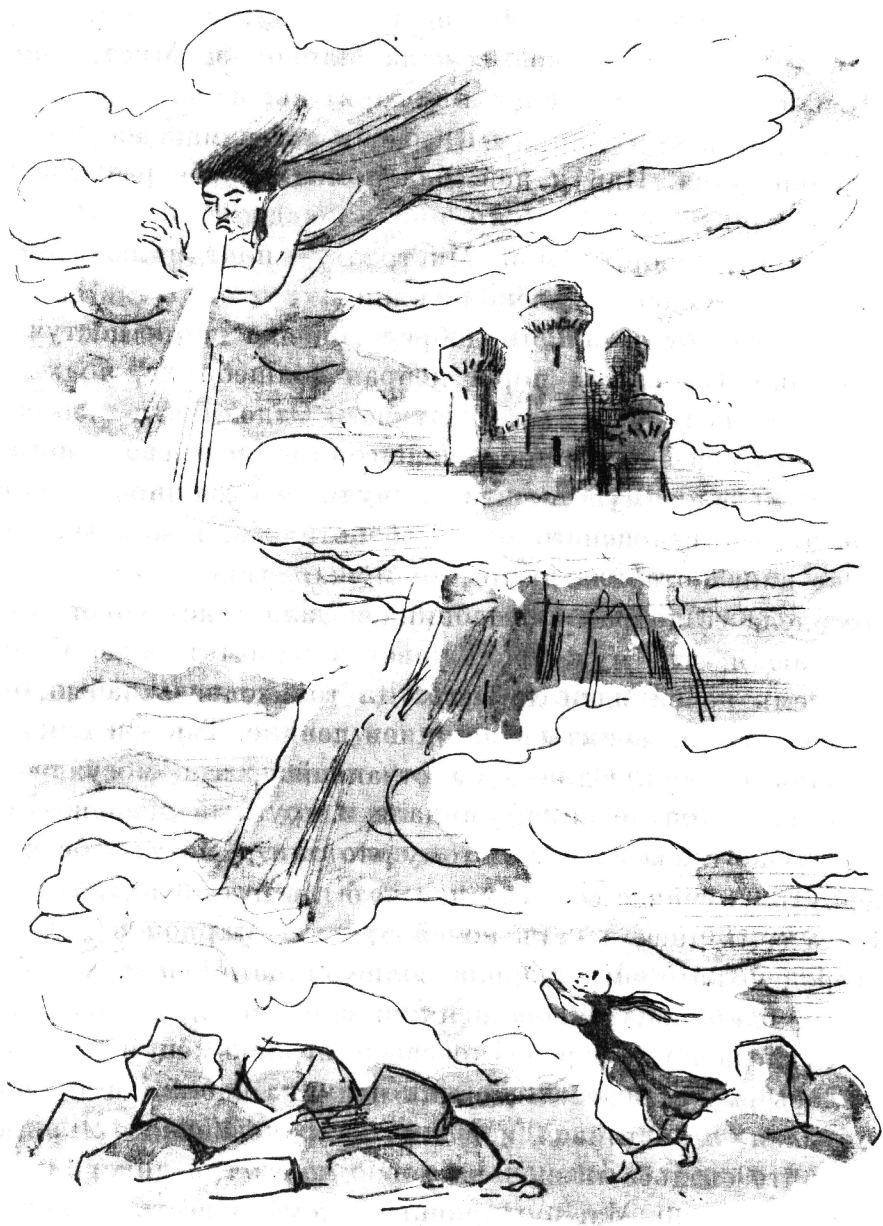
Поплакала она, погоревала, но слезами горю не поможешь — и пошла искать своего мужа. Да только не суждено ей было найти его. Не иначе, как и тут не обошлось без злого колдуна.

Так пробежали семь долгих лет, и пришёл срок, когда муж её снова мог превратиться в человека. Да, но только с одним условием: как только станет он снова человеком, то совсем забудет свою жену Марион, словно и не знал её никогда, — такова была месть злого колдуна.

А Марион в поисках мужа забрела однажды в каменистую пустыню. Где-то вдаль виднелась неприступная скала. Марион поднялась на самую вершину и увидала там большой мрачный замок. То был замок четырёх Ветров.

— Ветры свободные! — в отчаянии протянула она к ним руки. — Вы всюду летаете и всё видите. Скажите мне, как выбраться из этой пустыни?

— А куда ты идёшь. Марион? — спросил у неё ветер по имени Мистраль.

— Хочу я найти своего мужа, добрый Мистраль.

— Хорошо, покажу я тебе дорогу. Следуй за мной.

Семь дней и семь ночей бежала Марион за Мистралем, а на восьмой день ветер сник и говорит ей:

— Видишь вдали хижину? Живёт в ней самая добрая на свете волшебница. Иди к ней, она поможет тебе разыскать мужа.

— Спасибо, добрый мой Мистраль, — поклонилась ему Марион и двинулась к далёкой хижине.

Чуть живая от усталости, добрела она до неё и постучала в окошко. Вышла на порог добрая волшебница, подхватила Марион под руку и отвела в дом. Отдохнув и подкрепившись, рассказала Марион волшебнице всю свою историю: и как она замуж пошла за чудище страшное, и как чудище это в прекрасного мужа оборотилось, и как она по своей же вине потеряла любимого мужа.

Пожалела её добрая волшебница и дала такой совет:

— Знаю я, что муж твой живёт в одном городе. Семь дней и семь ночей идти до него. Да только ведь забыл он тебя и собирается жениться на одной девице. Так уж наколдовал злой колдун. Однако не отчаивайся, я помогу тебе. Вот тебе косточки персика, миндаля и круглый орешек. Береги их пуще глаза своего, потому что они помогут тебе мужа вернуть. А сейчас отдохни немного и в путь отправляйся.

Через семь дней и семь ночей пришла Марион в тот самый город, о котором говорила волшебница. Познакомилась она тут с одной болтливой женщиной и узнала от неё, что появился недавно в городе красавец незнакомец и тут же отыскалась ему и невеста. Девица недурна собой, да только нравом злая, завистливая и очень жадная. Узнала Марион и о том, что свадьба назначена ровно через три дня.

На другой день Марион пришла к дому невесты и, когда та показалась на пороге, расколола скорей косточку пер-

сика. Произошло тут чудо: из косточки вылетела серебряная карета, запряжённая двумя белыми рысаками. Увидала невеста богатую карету, и так захотелось ей её получить. Подошла она к молодой женщине и спрашивает:

— Не продашь ли мне свою карету и рысаков?

А в ответ слышит:

— Нет, не продаются они ни за какие деньги, а лишь за услугу дарятся.

— Какую же услугу тебе оказать?

— Позвольте мне провести ночь у изголовья вашего жениха.

— Ну нет! Не нужна мне твоя карета! Да и не так уж она мне нравится.

И невеста пошла было прочь, но матушка остановила её:

— Что ты, доченька, разве можно упустить такую удачу! Пусть посидит одну ночь у изголовья твоего жениха, а мы ему сонного порошка подсыплем, он и знать ничего не будет.

Подумала-подумала невеста и согласилась.

Поздним вечером слуга принёс жениху питьё с сонным порошком. Жених выпил его и тут же заснул. Тогда только впустили к нему в спальню молодую женщину.

Села Марион у изголовья своего мужа и начала было рассказывать ему про все свои горести и злоключения. Но, заметив, что напрасно старается, принялась она его звать, будить, тормошить... Да всё впустую. Так и провела она ночь в слезах, а утром, едва занялась заря, выгнали её на улицу.

И всё-таки днём она опять пришла к дому невесты и, когда та собралась на прогулку, ударила камнем по косточке миндаля, и тут же оказалось у неё в руках нарядное свадебное платье. Увидела богатое платье невеста и пожелала его купить:

— За сколько продашь это платье?

Но в ответ услышала знакомые слова:

— Не продаётся оно ни за какие деньги, а лишь за услугу дарится.

— Какую же услугу тебе оказать?

— Позвольте мне провести ночь у изголовья вашего жениха.

— Опять ты за старое! — рассердилась невеста и пошла было дальше, но остановила её мать и шепнула:

— Такой случай упускать не надо, что ты, дочка! Не куплено, не плачено, а платье будет твоё.

Согласилась невеста и на этот раз.

И случилось всё так же, как накануне: выпил жених сонное зелье и заснул. Марион его так и не добудилась, а всю ночь безутешно лила слёзы и звала:

— Пробудись ты от крепкого сна, погляди ты на меня... Может, не свидимся мы больше с тобой... Вымолви хоть словечко!

Но он её не слышал, а едва рассвело, её выставили за дверь.

Но днём она снова пришла и, как собралась невеста на прогулку, Марион расколола последний орешек и вынула из него золотую цепочку, серьги и браслет, усыпанные бриллиантами. Увидала невеста это диво-дивное, и разгорелись у неё глаза. Бросилась она к Марион и стала просить: продай да продай бриллиантовые украшения. Но в ответ услышала прежнее — не продаются они, а меняются. И невеста согласилась, обменяла своего жениха на серёжки да браслет с камушками.

А в ту самую пору, когда вела она торги с Марион, подошёл к жениху старый слуга и говорит потихоньку:

— Знайте, сударь, что каждую ночь проводят в вашу спальню молодую женщину. Сидит она всю ночь у вашей кро-

вати, горько плачет и о чём-то вас умоляет. Однако спите вы крепко и ничего не слышите, а всё потому, что подсыпают вам в питье сонного порошка.

— Спасибо, друг, за известие, — сказал жених, а сам глубоко задумался.

«Чую я, здесь что-то нечисто», — рассудил он и решил сам всё хорошенько проверить. Когда поздним вечером принесли ему питье, приказал он слуге:

— Поставьте чашку на столик. Сейчас занят я, выпью позднее.

Но пить сонное зелье не стал, а выплеснул его в окно, улёгся на кровать и прикинулся спящим. Не прошло и минуты, как ввели в спальню молодую женщину. Села она у изголовья кровати и давай слёзы лить, бывшие счастливые дни вспоминать... Слушал он её, слушал и вдруг всё вспомнил. Да это же его любимая жена Марион! Вскочил он с кровати и заключил её в объятия. А утром он первым делом поспешил в дом невесты и попросил мать с дочерью выйти к нему. Когда они вышли, он им и говорит:

— Сударыни, нуждаюсь я в вашем совете. Если бы заказали вы, например, новый ключ к шкатулке взамен потерянного, а потом отыскали бы прежний, каким ключом стали бы вы пользоваться: старым или новым?

— Разумеется, старым, — ответили мать и дочь разом.

— Вот и я так же думаю! А теперь слушайте. Семь лет назад была у меня любимая жена, но по воле судеб потерял я её и отыскал лишь сейчас. Вот она, жена моя!

И он представил им Марион. Мать и дочь только рот открыли от удивления: сказать-то им было нечего. Ну, а Марион с мужем вернулись в свой лесной дом и жили там долго и счастливо. Я сам в гостях у них побывал, с добрым дровосеком познакомился. Он меня научил деревья рубить и на поленья пилить. Не верите, приходите, я и вас научу!

ХИТРЕЦ- МОЛОДЕЦ

В давние времена жила в одной маленькой деревушке бедная вдова. Жила она вместе с сыном, которому уж не знаю сколько было лет — может, тринадцать, а может, и пятнадцать. Помогал он ей в поле, но работал, признаться, с прохладцей.

И вот как-то раз говорит она сыну:

— Сынок, надо бы тебе поусерднее на поле трудиться, а то так и прослывёшь лодырем.

— Не лодырь я, матушка. Просто охота мне другим делом заняться.

— Каким же это?

— Буду я поначалу хитрецом. Видать, таким я уродился.

— Кем-кем? Хитрецом?

— Ну да, хитрецом-молодцом... Очень уж хочется мне надо всеми нашими богатеями посмеяться.

— Ох боже мой, боже мой! — всплеснула руками вдова. — Пойду-ка я лучше в церковь, спрошу у господ бога совета.

Сказала она так и в самом деле в церковь отправилась. А сынок-то её, не теряя времени, тоже побежал к церкви, но только другой дорогой. Прибежал он первым, спрятался за алтарь и принялся мать ждать-поджидать. Через минуту и вдова к алтарю подошла. Подошла, опустилась на колени и давай к богу взывать:

— Скажи мне, господи, кем должен стать родимый мой сыночек?

— Хитрецом-молодцом, — донеслось из-за алтаря.

Не поверила вдова своим ушам, переспросила снова и тот же ответ получила. Хотя и удивилась она, но перечить богу не стала и, стукнувшись лбом о каменные плиты, прошептала:

— Спасибо тебе, господи, за совет!

Потом поднялась с колен и к дому пошла, приговаривая:

— Ах боже мой, боже мой! Хитрецом-молодцом!

Но пока брела она по дороге, обогнал её сыночек и, встретив мать на пороге, спрашивает как ни в чём не бывало:

— Ну как, матушка? Что сказал господь бог?

— Ох, сынок, и не спрашивай! Сказал он мне, что быть тебе хитрецом-молодцом.

— Ну и правильно... Так я и думал. Сегодня же и возьмусь за дело.

И он в самом деле взялся за дело.

Неподалёку от их лачуги жил один богатый и жадный крестьянин. Пробрался мальчишка к нему во двор, переловил всех его кур и спрятал их в лесу.

Утром ворвался богач в лачугу вдовы и заорал:

— Это твой сынок всех моих кур утащил! Кроме него некому!

— Ах... ах... ах...

— Нечего тебе ахать. Вот позову жандармов, тогда и узнаете, почём фунт лиха!

— Жандармов? Ну уж нет, здесь жандармы совсем ни при чём. Ведь мой сын не вор какой-нибудь, а хитрец-молодец! Так и знайте.

— Что? — удивлённо вытаращил глаза богатей. — Хит-

рец-молодец? Коли так, пусть попробует забрать ночью моих коней из конюшни. Поглядим, какой он хитрец-молодец!

— Хорошо, соседushка, передам я ему твои слова.

Пошёл богатей домой, призвал к себе трёх мальчиков-конюхов и говорит им:

— Сегодня вечером пойдёте вы на конюшню, сядете верхом на моих коней и просидите так всю ночь. И не вздумайте слезать! Тогда не уведёт их никакой хитрец-молодец.

Вечером взобрались мальчишки на хозяйских коней и слушают: не крадётся ли хитрец-молодец? Долго они так сидели, но ничего не слышали. Тихо было кругом, одни только собаки лаяли. Вдруг о́коло полуночи раздался рядом чей-то весёлый голос:

— Эй, ребята, что это вы здесь, в конюшне, делаете?

— А, это ты! — обрадовались струхнувшие было мальчишки, узнав сына вдовы. — Да вот велел нам хозяин приглядеть за конями, а то, говорит, вдруг придёт какой-то хитрец-молодец и утащит коней.

— Ха-ха-ха! — расхохотался тот. — Вот бы на этого хитреца-молодца поглазеть!

— Хочешь поглазеть, оставайся с нами.

— А чего ж, посижу, пожалуй... Ведь торопиться мне некуда.

Остался хитрец. Посидел, посидел немножко, зевнул и говорит ребятам:

— Что-то спать охота, да и скучно здесь. Пойду водички попью, а за компанию и вам принесу.

Вышел сын вдовы из конюшни и вскоре принёс флягу воды, да не простой, а сонной.

— Попейте, друзья, а то от безделья и впрямь уснёте.

Выпили воду мальчишки и тут же заснули. А хитрец-

молодец снял их осторожно с сёдел, уложил на солому, вывел коней из конюшни и спрятал в лесу: пусть-ка, мол, поищет хозяин своих коней.

А поутру, пока мальчик был ещё в лесу, снова прибежал к вдове рассерженный богатей:

— Это твой сынок увёл у меня ночью коней! Пойду позову жандармов, пусть засадят его в тюрьму!

— Да я же говорила вам ещё раньше, что ни при чём здесь жандармы, коли не вор мой сынок, а хитрец-молодец. А помимо прочего, вы же сами его испытать предложили. Разве забыли?

— А ведь верно... Ну ладно. Раз уж он хитрец-молодец, пусть покажет мне своё искусство ещё раз — пусть снимет простыню с моей кровати, на которой я сплю.

Передала вдова сыну слова богатей. Усмехнулся он и молвил:

— Хорошо.

Вечером сделал он из соломы большую куклу в рост человека, привязал к ней длинную верёвку, а ночью, забравшись на крышу богатей, просунул это соломенное чучело в трубу. Сам же за дом спрятался и начал дёргать чучело за верёвку.

Зашуршало чучело в дымоходе. Услыхал богатей шорох и подумал, что это хитрец-молодец через трубу лезет. Схватил он ружьё, да как пальнёт прямо в чучело!

Бах!.. Перебила пуля верёвку, и упало чучело прямо в кухонный очаг. Выскочил богатей из спальни и к очагу.

— Попался, мошенник! Попался, хитрец-молодец! — во весь голос закричал он.

Когда же разглядел он в очаге соломенное чучело, чуть не лопнул от досады. А пока богатей разглядывал в кухне чучело, хитрец-молодец проскользнул в спальню через окно, схватил простыню и мигом скрылся.

Вернулся богатей в спальню, глянул на кровать и рот раскрыл от изумления: простыни-то и след простыл!

А надо вам сказать, что был у богатей брат, и не какой-нибудь там простолюдин, а сам господин кюре. Кстати, знаете вы небось, что господа эти куда хитрее своих прихожан?

Так вот, когда рассказал ему богатей о проделках сына вдовы, изумился кюре до крайности, расхохотался и, будучи человеком азартным, тут же велел передать хитрецу-молодцу своё настоятельное желание: пусть он попробует личные его денежки стащить.

— Так ему и скажи! — несколько раз повторил он своему брату. — Но предупреди: если не удастся его проделка, задам я ему хорошенькую трёпку!

— Ладно, скажу, — согласился богатей и в тот же вечер передал мальчишке слова брата.

— Что ж, поглядим... Утро вечера мудренее, — отозвался сын вдовы и спать пошёл.

На следующий день пришёл кюре в церковь и стал утреннюю мессу служить.

А тем временем спрятался сын вдовы за алтарь — хорошо хоть, народу в церкви мало было — и, едва кюре начал богослужение, произнёс зловещим шёпотом:

— Если ты не отдашь все свои сбережения мне, господу богу, то проклят будешь и от сана отлучён!

— О господи! — обмер от страха кюре. — Если ты так хочешь, побегу домой за своими сбережениями.

И в самом деле побежал господин кюре домой. Не заметил, однако, кюре, как следом за ним побежал и сын вдовы.

Подкрался мальчишка к дому кюре, приложил к двери ухо и слышит, как служанка спрашивает у кюре:

— Что это с вами стряслось, ваше преподобие? Что вы делаете?

— Отвяжись от меня, презренная! Благословил меня господь бог! Вот и отдаю я ему все свои деньги.

— Как это отдаете? А мне? Вы же задолжали мне за целый месяц!

— Не бойся, под тюфяком у меня припрятаны ещё сто золотых эку.

«Ага, вот мошенник! — подумал сын вдовы, прислушиваясь к их разговору. — Ну погоди!»

И, разузнав, что ему было нужно, помчался опять в церковь, спрятался за алтарём и стал ждать кюре. Пришёл кюре, положил на алтарь туго набитый мешочек с золотыми эку и произнёс вполголоса:

— Вот мои деньги. О господи, прими их от чистого сердца и даруй мне райское блаженство!

Кюре склонил смиренно голову и вдруг слышит:

— Ах ты нечестивец! Решил часть добра от меня утаить? У тебя же под тюфяком ещё сто эку припрятаны!

— О святой отец! — рухнул на колени кюре. — Забыл я про них. Поистине, ничего не укроется от твоего всевидящего ока!

Крути не крути, а пришлось господину кюре ещё разок домой сбегать и «забытые» сто эку принести. Ну, а пока он бежал, положил мальчишка рядом с мешочком, набитым деньгами, другой мешок, большой и прочный, и, когда кюре принёс утаённые сто эку, произнёс утробным голосом:

— Ты правильно поступил, сын мой. За это перенесу я тебя в рай прямо живым. Полезай в мешок головой вперёд.

Обрадовался кюре и забрался в мешок, а мальчишка сгрёб деньги к себе в карман, завязал мешок крепко-накрепко, вскинул его на плечо и двинулся в путь.

По дороге кюре и говорит:

— Нельзя ли поосторожнее? А то обломал ты мне, господи, все бока.

— Терпи, сын мой. Не на прогулку ты собрался, а в рай. Дорога-то туда трудная и тернистая. Так что терпи.

Притащил хитрец-молодец мешок к курятнику богатея, опустил на землю возле двери и произнёс строго:

— Когда услышишь, что открывается дверь, кричи как можно громче: «Я в раю! Я в раю!»

Сказал так, поставил на землю мешочек с деньгами — знай, мол, наших! — и отправился домой, посмеиваясь.

А бедный кюре всю ночь прислушивался к воркованию голубей, притаившихся под крышей курятника, и время от времени блаженно вздыхал:

— Ах боже мой, боже мой, это ведь ангелы в раю толкуют!

Рано утром открыл богатея дверь курятника, а его брат-кюре как заорёт:

Я в раю! Я в раю!

Выпучил глаза богатей в изумлении, разинул рот да и застыл как вкопанный.

Тем временем сбежался к курятнику народ, а кюре-то всё кричит да кричит:

— Я в раю! Я в раю!

Развязали крестьяне мешок и чуть не лопнули от смеха: вылез из мешка сам господин кюре. Глядит кюре по сторонам и ничего не понимает. А когда понял, подхватил свой мешочек с деньгами и припустился домой под весёлое улюлюканье.

Вот видите, какую шутку сыграл лукавый мальчишка. Дело-то здесь не в деньгах — не нужны они были ему. Просто хотел он показать кюре и его братцу, кто из них глупее. И показал. Ну и ловкий он паренёк! Весь в меня.

«ОВЕЧИЙ КОМАНДИР»

вали его Бездельник-Жак. И звали не ради красного словца, а потому, что привык он с самого рождения баклуши бить. Любил без дела сидеть да из пустого в порожнее переливать.

Когда подрос он, отдали его родители — люди они были богатые — в школу. Ума-разума набираться. Однако не понравилось ему в школе — там ведь учиться надо было, а не гонять лодыря.

— Ни к чему мне эта школа, — говорил Жак товарищам. — Очень надо над книжками голову ломать! Я и без ученья не пропаду. Найду себе работёнку полегче и заживу в своё удовольствие.

Словом, решил он убежать из школы. И что вы думаете? Убежал всё-таки. Узнал отец о глупой его выходке и, покачав головой, молвил:

— Должно быть, ум-то для него — лишняя обуза. Ну погоди, паршивец! Вернись только домой!

Однако не вернулся Жак домой, а пошёл куда глаза глядят. Вскоре увидел он большую ферму. Отыскал он хозяина и предложил свои услуги: не хотите ли, мол, нанять меня в работники? Оглядел Жака хозяин с ног до головы да и говорит:

— Что ж, возьму тебя в пастухи, овец пасти. Управишься?

— Как не управиться, мне не впервой, — соврал Жак.

Договорились они с хозяином, ударили по рукам, и стал Бездельник-Жак овец пасти. Работёнка была и впрямь нетрудная, да и не очень-то он приглядывал за овцами. Выгонит стадо на луг, а сам уляжется на зелёной травке и лежит-полёживается до самого вечера... Так и проходили дни один за другим.

Как-то раз надумал Жак сделать из ивового прута дудочку, чтоб легче было овец созывать. Очистил он ветку, проделал в ней дырочку и едва заиграл, как все овцы к нему сбежались. Посмеялся Жак над послушными овцами и вдруг подумал: а нельзя ли выдрессировать овец на манер солдат? Пусть-ка научатся они маршировать, строиться в колонну, стоять по стойке «смирно» — словом, проделывать те же немудрёные упражнения, которым обучают солдат-новобранцев.

На другое утро захватил он из дома двадцать верёвок, а придя на луг, отобрал двадцать овец, привязал каждую из них к дереву, чтоб не убежала, и построил овец в ряд. Потом поглядел на них строго, да как крикнет:

— Смирно!

Уставились овцы на него и застыли как вкопанные. «Ай да овцы! Ай да молодцы!» — порадовался Жак и тут же дружную команду подал:

— Рав-няйсь!

А овцы-то словно и не слышат: пялят на него глаза — и только. Подошёл тогда Жак к первой овце и, обхватив овечью голову крепкими руками, повернул её направо. Замерла овца в полуобороте, а Жак и доволен:

— Молодчина! Умница!

Потом наступила очередь второй овцы, потом третьей, четвёртой...

— Вот теперь всё в порядке! — воскликнул он, вытирая

со лба пот. — Давайте-ка новую команду разучим! — И, откашлявшись, гаркнул командирским голосом: — Эй, овцы, слушай мою команду! Рав-няйсь!..

Целое утро звенели над лугом отрывистые военные команды: «Смирно!», «Равняйсь!», «Смирно!» И, как ни странно, стали овцы слушаться своего командира.

— Ай да овцы! Ай да молодцы! — похваливал их Жак.

Обучив первых овец, отвязал он их от дерева и пустил пастись, а вместо них набрал новых. Так и пошло: выучит, отпустит, новых наберёт...

Целую неделю оттачивал Жак своё командирское искусство и добился наконец, что стали овцы его слушаться беспрекословно. Вот тогда-то и прозвали его окрестные крестьяне «овечьим командиром». Не обижался Жак на это прозвище. Больше того, гордился им. «Вот здорово! — размышлял он. — Ведь чтобы командовать, не требуется ни труда особого, ни умения. Сиди себе в тени под деревом да покрикивай. Уж не прирождённый ли я командир?..»

И тут произошло одно событие, которое перевернуло всю его беззаботную жизнь.

Как-то днём проезжал по лугу командир пеших егерей. Увидал он Жака в самый разгар его занятий, подъехал к нему и спрашивает:

— Это ты, приятель, так ловко своих овец выдрессировал?

— Ну я, а что?

— Как что? Ты же прирождённый командир. Хочешь послужить в армии?

— А то нет! — обрадовался Жак. — Я и сам об этом думал.

— Ну, если так, быть тебе солдатом, — улыбнулся командир и сказал Жаку, куда надлежало ему явиться.

Кивнул Жак головой: явится, мол, непременно, а про

себя подумал: «Если уж я с овцами управился, то с солдатами-то и вовсе управлюсь».

Пришёл Жак к солдатскому вербовщику, а тот его и спрашивает:

— Ты, случаем, не Жак — «овечий командир»?

— Стало быть, я.

— Подпиши бумагу, что обязуешься прослужить в армии пять лет.

Подписал Бездельник-Жак бумагу, и забрили его в солдаты на целых пять лет.

— Теперь ты не какой-нибудь пастух захудалый, а бравый солдат! — торжественно говорит ему вербовщик. — Эй, ребята, выдайте солдату Жаку полное обмундирование и отведите в казарму!

Вот так и заделался Бездельник-Жак пешим егерем.

В первый же день стали его учить вместе с товарищами, как нужно в сомкнутом строю биться. Понравились Жаку эти занятия — весело и нетрудно. Только вот после занятий пришлось скучным делом заниматься — ружьё, мундир да сапоги чистить. А чистить да наводить блеск Жак до смерти не любил. Лучше уж поваляться где-нибудь на травке, на жарком солнышке погреться. Не прошло и недели, как ружьё у Жака заржавело, мундир грязными пятнами покрылся, а сапоги из чёрных рыжими стали. Увидал командир такой беспорядок и сказал:

— Учти, Жак: если не приведёшь форму и оружие в порядок, сядешь под арест. Так и заруби себе на носу!

Пропустил Жак мимо ушей слова командира.

— Очень мне надо! — бахвалился он перед товарищами. — Я и без того командиром стану!

Ясное дело, на другой же день посадили его под арест. На хлеб и на воду.

Лишь через неделю вышел он на волю. Отощал, бедняга,

живот ввалился, лицо осунулось. Приплёлся он в казарму, а товарищи ему и говорят:

— Жак, а Жак, надо тебе ружьё вычистить, очень уж оно грязное.

— А ну его! Не люблю я всякую такую работу. Как начну что-нибудь делать, так одолевает меня лень.

— Что ж, со временем будешь и командовать. А пока подкинь нам деньжонок, мы и вычистим твоё ружьишко.

Обрадовался было Жак, но тут же спохватился: денег-то у него — ни единого су. Заметил его смущение один солдат да и спрашивает:

— Неужто сидишь ты без гроша в кармане?

— Сам посуди, ну откуда у меня деньги возьмутся?

— А родители у тебя есть? Кто они — люди богатые или так, голь перекатная?

— Деньжонки у них водятся.

— Вот чудак! Чего же ты раньше молчал? Ты хоть написал им, что на военную службу поступил?

— Нет... Я вообще никогда им не пишу.

— Тогда сделай так: напиши родителям, что завербовался ты на военную службу и скоро нашивки капрала получишь, а чтоб отметить это событие, требуется тебе сто франков.

— Вот голова! — восхищённо воскликнул Жак и, хлопнув по плечу товарища, побежал писать первое в своей жизни письмо.

Само собой разумеется, был отец Жака большим патриотом и до страсти любил армию. Так что, получив от сына приятное известие, расплакался старик от радости, отправил ему сто франков и сказал жене:

— Видишь, вроде поумнел наш Жак, начал в люди выбиваться. Хотя и наделила его судьба ленью, одолел он её, проклятую...

А тем временем получил Жак отцовские денежки и выставил товарищам угощение. Теперь его ружьё было всегда вычищено, мундир отглажен, сапоги блестели...

Но не долго длилось это раздолье. Растаяли денежки, как снег под весенним солнышком. И опять стал Жак ходить грязный, опять покрылись ржавчиной его ружьё и сабля... Удивляться не приходится, что не избежал он и на этот раз наказания: целую неделю под арестом просидел. А когда вернулся в казарму, стали его друзья-приятели на прежнее подбивать:

— Пошли отцу весточку, будто получаешь ты сержантские нашивки, и проси две сотни франков. Кто знает, может, ты и впрямь из «овечьих командиров» в настоящие выйдешь.

И на этот раз не отказал ему отец, прислал деньги. И снова загулял Жак, и ружьё его заблестело, и мундир стал как новенький... Но сколько верёвочке ни виться, а конец будет. Вот и с Жаком так получилось: вскоре не осталось у него ничего, кроме одной-единственной монеты. Загрустил Бездельник-Жак, однако за ум так и не взялся. А друзья-приятели опять за своё:

— Напиши, Жак, отцу, будто посылают тебя в школу на офицера учиться, но для этого надобно тысячу франков.

Поддался Жак на уговоры, написал отцу. И удивительное дело: получил вскорости деньги. Должно быть, потому получил, что очень уж гордился отец быстрой карьерой сына.

Вот так и продолжалось до поры до времени: превратился Жак из сержанта в унтер-офицера, из унтер-офицера в лейтенанта, а когда добрался до капитана, потребовал от отца целых десять тысяч франков.

— Ого! Сынок-то мой капитаном стал! — возрадовался старик, получив от Жака такое известие. — Эх, отвалю я ему

десять тысяч, но. деньги сам отвезу, а заодно и на него погляжу.

Приехал старик в город, где служил его сын, отыскал казарму и попросил дневального вызвать к нему капитана Жака. Удивился дневальный:

— Нет в нашем батальоне такого капитана, папаша.

— Как же нет, коли сам написал он мне, что получил капитанское звание! — раскричался старик.

— Что-то ты, папаша, путаешь. Нет у нас такого капитана. Правда, Жак есть, но никакой он не капитан, а самый обыкновенный солдат, да и то никудышный. Недаром прозвали его «овечьим командиром». Сидит он сейчас под арестом.

— Говоришь, «овечьим командиром»? Это за что же?

— А вот за что... — И рассказал дневальный старику историю со злополучными овцами, над которой не раз потешался весь батальон.

— Хм... Занятно... — задумчиво протянул старик. — А ты, солдатик, не сведёшь меня к нему?

— Это можно, — согласился дневальный и привёл его к дому, где сидел под арестом Жак...

— Эй, Жак! — крикнул он. — Здесь один старик тебя спрашивает.

Выглянул Жак из окна за железной решёткой, да так и обмер:

— Батюшка!

— Я, сынок, я... Угадал ты. Ну как поживаешь, капитан в солдатском мундире? Эх ты, сы-но-ок... Был «овечьим командиром», таким и остался. И не стыдно тебе?

Повернулся отец и ушёл, а Жак так и остался до поры до времени сидеть под арестом на воде и на хлебе. А я бы посоветовал ему над своей судьбой задуматься. Но, может, он и сам догадался это сделать?

КАК НЕ УБЕРЕГЛИ ЗВЕРИ СВОИ ТАИНЫ

или когда-то с отцом два сына. Старший сын был зрячий, а младший — слепой. И вот пришёл к отцу его смертный час. Позвал он старшего сына и говорит:

— Умираю я, сынок, и, кроме долгов, ничего вам в наследство не оставляю. Потому и прошу тебя, мой сын, как ни трудно тебе будет, не бросай на произвол судьбы своего слепого брата.

Выслушал отцовское напутствие старший сын и поклялся со слезами на глазах, что выполнит его последнюю волю.

— Теперь я спокоен, — с облегчением вздохнул отец, закрыл глаза и умер.

Похоронили его братья, заперли окна и двери своей жалкой лачуги и отправились в путь-дорогу. Как-никак, а жалели их люди и давали кто хлеба, кто мяса, а кто и деньги. Однако слепому от этого проку было мало, потому что зрячий брат оказался человеком жестокосердным и всё лучшее забирал себе.

Прошло немного времени, и совсем забыл старший брат про свою священную клятву отцу. Накопив немного денег, решил он совсем отделаться от младшего брата. Завёл он его в глухой лес и, сказав, что скоро вернётся, ушёл.

Ничего не подозревая, брат лёг на травку под дерево

и крепко заснул. Когда же проснулся и принялся звать старшего брата, никто на его зов не откликнулся. Что было делать? Ждал он, ждал, да все попусту. Вот тогда-то и понял он, бедный, что бросил его брат и больше уж никогда не вернётся. Понял и горько заплакал.

Тем временем наступила тёмная ночь. Только ему-то было всё равно, что ночь, что день: ведь был он слепой и не мог этого видеть. Вдруг услышал он неподалёку звериный вой и со страху залез на самую макушку могучего дуба.

И как раз вовремя! Едва успел он там наверху затаиться, как раздался под дубом львиный рык. Вслед за львом появился волк, за ним приковылял медведь, а потом кабан, лиса и, наконец, заяц. Расселись звери рядом и принялись расспрашивать друг у друга о разных новостях.

Первым заговорил лев:

— Где это ты пропадал, волчище? Что у тебя новенького?

— О, братец лев, был я в далёких краях. И там проведal я об одной великой тайне. Теперь я знаю целебное средство, какое сделает слепого зрячим.

— Что же это за средство? — спросил лев.

— Средство простое. Если человек или зверь родился слепой, ему надобно приложить к глазам кору вот этого самого дуба, и он сразу прозреет.

— Вот чудо! — зашумели звери.

— Чудо, чудо, — согласился лев. — Но и у меня есть новость не хуже твоей. Как-то бродил я по Франции и случайно попал в город, где нет воды и люди страдают от жажды. А никто и не знает, что на главной площади города стоит громадный камень, и если сдвинуть его да копнуть на этом месте землю, забьёт там чистый родник. И тогда воды хватит на всех!

— Новость хорошая! — заревели все звери разом. —

Только вот как ею воспользоваться? Что ты думаешь, косолапый? — спросили они медведя.

— Этого я ещё не знаю, — отвечал медведь. — Но вот послушайте и мою новость! Я только что вернулся из далёкого города Труа́. Правит там граф. И есть у него одна-единственная дочка. Как-то пошла она с подругами гулять, и вдруг выскочил из леса страшный зверь. Она так испугалась, что замертво упала на землю. С тех пор она болеет, с постели не встаёт и день ото дня худеет. Граф созвал всех знаменитых докторов, но ни один не может её вылечить. А секрет-то простой: надо вытащить из-под её подушки зелёную жабу. Всего и дел-то! И обещал граф тому, кто вылечит его дочку, любую награду.

— Вот это новость так новость! — развеселились звери. — Надо бы нам побывать в городе Труа. Будет там славная добыча!

Долго ещё беседовали звери о своих тайнах, а когда засветило утро, разбежались кто куда. Тогда-то наконец спустился слепой брат с дуба вниз и скорей отрезал кусочек дубовой коры. Потёр ею глаза. И — о чудо! — увидел он и синее небо, и золотое солнце, и зелёные лесные дали, и могучий дуб, в ветвях которого он прятался всю ночь.

Погладил он с нежностью могучий ствол дуба и, счастливый, пошёл скорее в тот самый город, где люди страдали от жажды. Долго он искал этот город, но всё-таки нашёл.

Постучал он в окошко одного бедного дома. Высунулась из окошка старуха и спрашивает:

— Чего тебе, добрый молодец?

— Объясни мне, бабушка, что тут у вас случилось? Отчего на ваших улицах я не встретил ни души?

— О, горе нам, странник! Нет в городе ни капли воды. Вот и начался у нас мор: мрут жители как мухи. И за какие такие грехи карает нас судьба?

— За какие грехи, мне, конечно, неизвестно... Но могу я ваш город спасти от этой беды.

— А что для этого сделать? — спрашивает старушка.

— Надо созвать на главную площадь всех горожан, тогда я скажу, что делать.

Поспешила старушка к соседям, а те к своим соседям, и, наконец, направились они вместе к тому самому камню, что стоял посредине главной площади города. Взялись все дружно и сдвинули камень. Тогда юноша попросил лопату, копнул в том месте, и в тот же миг брызнула вверх струя прозрачной воды. Набежали тут горожане — кто с ведром, кто с бадьёй, кто с кувшином — и понесли домой холодную прозрачную воду. Весь город ликовал! Да и как тут было не ликовать, если спасён был город от лихой беды, — значит, не будет больше никто страдать от жажды.

А юноша, как только забил источник, скрылся незаметно и спрятался в лачуге у знакомой старушки. Не привык он, чтобы его хвалили и поздравляли, и был очень смущён.

Долго искали горожане своего спасителя и наконец отыскали в жалкой лачуге. Они предложили ему целый мешок золота. Посмотрел юноша на мешок, отодвинул его ногой и сказал:

— Я не из-за корысти дал вам воду, а посочувствовал вашей беде. И золота мне не нужно. Но если вы хотите мне что-нибудь подарить, дайте лучше карету с шестью быстрыми лошадьми.

Удивились горожане, что отказался он от золота, но перечить незнакомцу не стали и, как просил, подарили ему карету, запряжённую быстрыми лошадьми.

Распрощался юноша с горожанами, поблагодарил за подарок и поскакал скорее в тот самый город Труа, где страдала от неизвестной болезни графская дочь.

Прибыл он в Труа и остановился в захудалой гостинице. А за ужином расспросил хозяина, какие новости у них в городе. Хозяин тут же поведал юноше историю про графскую дочку и сказал, что все жалеют её, потому что она девушка добрая и красивая.

— Отчего же она заболела? — поинтересовался юноша.

— Вот этого-то никто и не знает, — развёл руками хозяин. — Многих знаменитых врачей приглашал граф, да всё без толку. Дочке его всё хуже и хуже. Говорят, она может вот-вот умереть, бедняжка.

— Ну нет, — сказал юноша, — это несправедливо. Мне кажется, я знаю, как её спасти. Сходи-ка, друг, к графу и скажи, что приехал в город известный врач и может, мол, излечить его дочь от смертельного недуга.

Само собой, побежал хозяин скорее к графу, чтобы передать радостную весть. Безутешный отец уж и не надеялся увидеть свою дочь снова здоровой, а тут такая счастливая новость!

Пригласил он юношу к себе и познакомил его со всеми знаменитыми докторами, какие пытались лечить его дочь, но так ничего и не добились. Доктора неласково встретили молодого человека.

— Зачем ты пришёл сюда, оборванец? — спросили они.

— Да вот хочу излечить графскую дочку от неминуемой смерти.

— Излечить?! Да знаешь ли ты, несчастный, что даже мы не в силах её спасти!

Ничего не ответил им юноша, молча поклонился графу и вошёл в покои графской дочери. А когда двери за ним закрылись, юноша приблизился к кровати, приподнял подушку и вытащил из-под неё зелёную жабу.

И тут же девушка открыла глаза, села и как ни в чём не бывало спрашивает:

— Почему я здесь лежу?

— Потому, что была больна, — отвечает юноша. — Но теперь опасность миновала, так что можете встать и пойти гулять.

И юноша рассказал ей всё, как было.

— Ах, это волшебная история! — воскликнула девушка. — А вы, наверное, волшебный принц.

— Да нет, — отвечал юноша, — я бедняк из бедняков и ещё совсем недавно был бродячим слепцом. — И он поведал ей свою историю.

— Ах, это так интересно, что я непременно должна выйти за вас замуж!

И она отвела юношу к отцу. Как увидал граф свою дочку здоровой и весёлой, так и просиял от счастья. Конечно, ему не очень-то по сердцу пришлось известие, что его дочка собирается замуж за какого-то незнакомца. Но спорить он не стал, да и что было толку? И вскоре сыграли пышную свадьбу.

Стал юноша жить в графском доме и как-то раз, гуляя в лесу, повстречал какого-то нищего. Пригляделся он к нищему и узнал в нём своего старшего брата. Подозвал он его к себе и спрашивает:

— И давно ты нищенствуешь?

— Давненько, сударь. Раньше-то мы вдвоём с братом нищенствовали, да потом он меня бросил.

— Почему же?

— Да был он человек жадный и завистливый и, видно, боялся, что мне перепадёт лишний кусок, а ему меньше достанется. Вот и завёл он меня однажды в густой лес и там бросил...

— Неужто всё так и было? А не наоборот ли, припомни-ка? Приглядишь ко мне, не узнаёшь разве?

Пригляделся нищий попристальнее к богато одетому гос-

подину и вдруг узнал в нём родного брата. Узнал и попятился в страх:

— Не может того быть! Ты же слепой был, да ещё нищий...

— Верно, был, но по твоей милости стал другим.

Упал тут нищий на колени и давай просить у брата прощения. Что ж, прощение он получил, и даже чистосердечное, потому что был младший из братьев человеком добрым, отходчивым. И на том бы дело кончилось ко всеобщей радости, если бы не мучила бывшего нищего одна тайна: как же прозрел его брат? Нет, даже не это, — а как он разбогател? Долго думал он над этой загадкой, да так ничего и не придумал. А когда стало ему невмоготу, подошёл он однажды к брату и спрашивает:

— Не можешь ли мне сказать, как ты обрёл зрение и богатство?

Не хотел брат ему всё рассказывать, но старший так его упрашивал, что сдался он и поведал ему всю историю. Но тут же строго-настрого предупредил:

— Не вздумай, глупец, к тому дубу отправляться! Ведь такой случай раз в жизни бывает. Разве плохо тебе живётся теперь? Так что не испытывай судьбы понапрасну!

Долго он отговаривал старшего брата от глупой его затеи, но, видно, зависть заела брата. А зависть, как известно, плохой советчик! Вот и отправился старший брат в далёкий путь. Отыскал знакомый лес, а в нём дуб заветный. Залез он на самую верхушку и притаился под ветками. В полночь услышал он вой и рёв звериный, и вскоре сошлись под дубом все знакомые звери и повели беседу.

— Скажи-ка, лев, — начал волк, — что новенького ты узнал за это время?

— Э, нет, друзья, — проворчал лев, — нынче ничего я вам не скажу. Ведь то, о чём мы говорили в прошлый раз, ста-

ло кому-то известно, потому что кто-то вылечил уже графскую дочку, а в том городе, где люди страдали от жажды, забил вдруг чистый источник.

— Не иначе, кто-то выдал людям наши тайны! — рассердился медведь.

— Во всяком случае это не я! — оскалился волк.

— И не я! — сказал кабан.

— И уж не я! — отозвалась лиса.

— Ну, и не я, — прошептал заяц.

— Тише, тише, — успокоил их лев. — Должно быть, кто-нибудь сидел на дереве и подслушал нас.

Тут заяц вскинул голову и среди тёмной дубовой листвы заметил человека.

— Ай! — протянул он. — Он и сейчас нас подслушивает. Полезай-ка, миша, наверх и сбрось воришку на землю.

— Нипочём не полезу! — сказал медведь. — Ведь пока сброшу я его с дерева, пока спущусь на землю, останутся от него рожки да ножки.

— Как тебе не стыдно! — возмутились звери. — Неужели ты в нашу честность не веришь? Мы, разумеется, тебя пождём.

— Ну, коли так, полезу...

Залез медведь на дуб, ухватил жадного брата за пояс и сбросил на землю. А когда сам вниз спустился, глядь — ни человека, ни зверей. Обиделся медведь на своих друзей и в лесной чаще скрылся.

Так с тех пор он из лесу и не выходит.

«ПОПАЛСЯ,
СВЕРЧОК!»

давние времена не приходилось детям, как сейчас, каждый день ходить в школу, впрочем, тогда и школ-то не было. А вместо школы обучал детей деревенский староста, который умел с грехом пополам немного читать, немного писать и немного считать. Вот и собирал староста в своём доме всех, кто хотел учиться. Учились дети только зимой, потому что ранней весной принимался староста вместе с крестьянами за посевные работы — тут уж не до учёбы. Кстати, и детям занятие находилось: одевали они одежонку попроще и пасли на лугу стадо или хворост в лесу собирали. А иногда сходились все вместе на какой-нибудь поляне, разжигали костёр и веселились до самого утра.

Вот в эти-то времена, о которых рассказываю я вам, жил-был в деревне маленький пастух. Звали его Венсáн, а по прозвищу Сверчок.

Как-то раз подошёл он к своему отцу и говорит:

— Знаешь, батюшка, чтобы заработать себе на жизнь, стану я провидцем.

— Провидцем? Ты? — рассмеялся отец. — Выйдет из тебя провидец, только липовый.

— А вот увидишь! — сказал Венсан и побежал на луг к ребятам, чтобы рассказать о своём намерении.

— Устроим ему экзамен! — решили ребята. — Должен ты

три вещи угадать, — сказали они Венсану. — Если угадаешь, будем считать тебя провидцем, а нет — получишь на орехи!

Собрались ребята все вместе, взяли оловянную тарелку, положили что-то в неё, прикрыли большим лопухом и перед Венсаном поставили.

— Говори, что в тарелке?

Почесал мальчишка за ухом, подумал-подумал и, ничего не придумав, сказал с досадой:

— Эх, недаром отец говорил мне, что буду я провидцем, да только липовым!

Сбросили ребята лопух с тарелки, а в ней листья липы лежат.

— Молодец! — похвалили его. — Разгадал первую загадку. Теперь вторая.

Написали они что-то на клочке бумаги, сложили его вчетверо и спрашивают у Венсана:

— Что написали мы на этой бумажке?

Снова стал Венсан в тупик и, пожалев уж, что похвастался раньше времени, пробормотал словно про себя:

— Эх, Венсан, Венсан!

Развернули ребята бумажку и показали написанное на ней слово «венсан», что означало в те далёкие времена цифру «две тысячи»¹.

— Опять ты угадал! — похвалили его ребята. — Теперь последняя, третья загадка. Ну, подожди нас немного!

Ушли куда-то и скоро вернулись, держа в руках закрытую коробку.

— Угадай, что в ней?

Ломал, ломал себе голову Венсан, думал, думал и, решив, наконец, что взбучки ему не миновать, воскликнул:

---

¹ Здесь игра слов: «Венсан» и «две тысячи» произносятся по-французски одинаково, но пишутся по-разному.

— Ну, попался, Сверчок!

Открыли коробку, а в ней самый настоящий сверчок сидит. Вот тогда-то и признали Венсана-Сверчка провидцем. Да он и сам в это поверил и решил в далёкий путь пуститься, чтобы на людей поглядеть да заодно и своё великое искусство показать.

Шёл, шёл Венсан и дошёл до большого города. Как раз в те дни была ярмарка и народу там собралось видимо-невидимо. Не побоялся Венсан и объявил во всеуслышание, что он — великий провидец и готов показать своё искусство любому, кто пожелает.

Ну и отчаянная голова!

Тут подбежала к нему какая-то женщина и в сомнении спросила, разглядывая плохонькую его одежку:

— Это вы провидец?

— Да, я, Венсан-Сверчок собственной персоной, истинный провидец.

— Тогда пойдёте за мной. У моей госпожи украли дорогое кольцо с бриллиантами. Если отыщете вора, она вознаградит вас по-королевски.

Последовал Венсан за служанкой в дом её госпожи и там узнал, что произошло. Оказывается, когда она подрезала в саду розы, то сняла кольцо и положила его на край фонтана. И забыла его там. Потом спохватилась, а кольца-то и след простыл.

— Сударыня, я найду вора, — уверенно заявил Венсан. — Дайте мне на это три дня!

— О! Живите у нас сколько захотите! — сказала госпожа. — Я прикажу отвести для вас лучшую комнату, и подавать вам будут самые изысканные кушанья!

«И то неплохо, — подумал про себя Венсан. — По крайней мере, будет у меня целых три дня добрая постель и вкусная еда. Ну, а там посмотрим».

Вечером подал ему слуга в комнату обед. Ни разу в жизни не ел Венсан таких вкусных кушаний. Наелся он на славу, вышел из-за стола и, подумав, что один из трёх обедов уже съеден, воскликнул:

— Ну вот, один уже позади!

Услыхал эти слова стоявший позади Венсана слуга, побледнел и бросился на кухню, где поджидали его с нетерпением двое других слуг. А поджидали потому, что это они, сговорившись, украли кольцо.

— Он настоящий провидец! — крикнул слуга, ворвавшись в кухню. — Увидел он меня и говорит: «Ну вот, один уже позади!» Больше нипочём к нему не пойду.

А наш Венсан провёл ночь в мягкой постели, прекрасно выспался и утром в сад вышел. Полюбовался он цветами, осмотрел фонтан и с довольным видом к себе в комнату вернулся.

В тот день принёс ему обед другой слуга. Наелся, напился провидец, встал из-за стола и сказал:

— Ну вот, и второй позади!

Передал слуга его слова своим сообщникам, и тут уж они не на шутку струхнули.

На третий день обслуживал Венсана третий слуга. Когда обед был закончен, услышал слуга, как говорит провидец:

— Вот и третий позади. Пожалуй, пора с этим кончать!

Сказал и отправился спать. Однако заснуть не мог, а всё думал, как бы ранним утром незаметно из дома улизнуть.

Тем временем собрались на кухне трое слуг и давай совет держать.

— Лучше открыться нам, — решили они, — а не то завтра утром бросят нас в тюрьму. Сделаем так: вернём кольцо провидцу, уговорим его, чтобы он нас не выдавал, а за это отдадим ему все наши сбережения.

Пришли они все трое к Венсану и бросились перед ним на колени:

— Господин провидец, угадали вы: это мы украли зло-
счастное кольцо. Вот оно, возьмите. Но не выдавайте нас,
иначе не миновать нам тюрьмы. Скажите лучше госпоже, что
нашли вы кольцо в саду, а за это отдадим мы вам все наши
сбережения.

Окинул Венсан воров суровым взглядом и говорит:

— Подлые воришки! Заслуживаете вы виселицы! Но, так
и быть, не выдам я вас... впрочем, и денег ваших не возьму.

Потом, подумав, спросил:

— Скажите, нет ли на птичьем дворе гуся?

— Ну как же, как же! У нас на дворе пятнадцать гусынь
и один белый гусак.

— Тогда идите за гусаком и заставьте проглотить его
это кольцо.

Закатали слуги кольцо в комочек сладкого теста и подсунули его белому гусаку. Схватил клювом гусак сладкий комочек и проглотил его мигом.

На следующее утро попросил Венсан-Сверчок проводить его к госпоже.

— Сударыня, — важно проговорил он, — отыскал я виновника. Проглотил ваше кольцо белый гусак. Прикажите его зарезать, и в зобу у него найдёте ваше кольцо.

Приказала госпожа кухарке зарезать белого гусака, и в зобу у него в самом деле нашли кольцо.

— Сударь! — воскликнула восхищённая госпожа. — Поистине, вы великий провидец. Получайте из моих рук щедрую награду!

И протянула Венсану большой кошелёк, набитый золотыми монетами.

Двинулся Венсан в обратный путь и вскорости дома оказался. Купил он себе хорошую ферму и зажил славно и весело. Никому не отказывал в совете, ну, а про то, что был он когда-то провидцем, не любил вспоминать.

Узнали об этой истории лишь спустя много лет, но, как бы то ни было, обошла она всю Францию. И теперь, к примеру, когда задерживает полицейский воришку, или хватает солдат за шиворот браконьера, или же находит мальчишка спрятавшегося от него товарища, все — и полицейский, и солдат, и мальчишка — всегда говорят: «Попался, сверчок!»

ОБИДЧИВЫЙ КЭРБЕЛИ

Когда-то в давние времена жил в окрестностях Кербувуа один маленький весёлый гном. Звали его Кэрбели. Носил Кэрбели опрятный синий кафтанчик, чёрные лаковые сапожки, а на голове ярко-красный колпачок, всегда чуть сдвинутый набок. Нрава он был покладистого, никогда не унывал и не чуждался никакой работы. Правда, имелся у него один недостаток: слишком уж Кэрбели был обидчив и нанесённую ему обиду долго не прощал...

Но всё это присказка, а сама сказка-то ещё впереди.

Так вот, повадился Кэрбели ходить каждую ночь в дом дядюшки Пуркуэна, у которого служила в стряпухах старая и добрая Ключерё. И до того она ему нравилась, что каждую ночь выполнял Кэрбели за неё разную домашнюю работу: подметал кухню, мыл посуду, чистил сковороды и чугуны, наводил блеск на медные тазы и кастрюли и тщательно стирал пыль со старых дубовых шкафов, буфетов и стульев.

Бывало, заберётся Кэрбели в спящий дом, скинет свой синий кафтанчик и давай трудиться не покладая рук. А закончив работу, присядет на тёплый камень-голыш у самого очага, попьёт тёплого молочка из горшка и, подперев голову рукой, слушает, будто зачарованный, нескончаемую песню своего приятеля — сверчка.

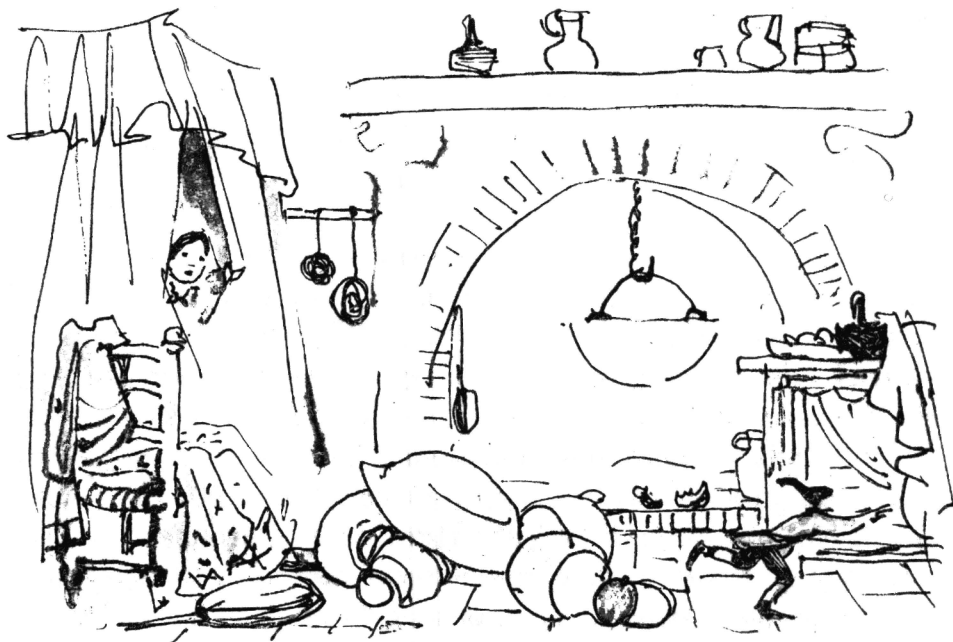
Понятное дело, души не чаяла старая Ключере в маленьком Кэрбели и потому заботилась о нём как только могла: укладываясь спать, непременно оставляла в очаге чуточку жара, чтоб и в комнатах было тепло да и камень-голыш не остывал. А на столе припасала для него горшок свежего молока с густыми сливками.

Каждую ночь поджидала старая стряпуха своего заботливого помощника, и, когда он приходил, Ключере любовалась его аккуратной работой. Одно было досадно: не довелось ей ни разу увидеть в полутёмной кухне его лица. Очень уж маленький он был — с ладонь, не больше, — да и свисавший на лоб колпачок мешал его разглядеть.

Так и жили они в мире и согласии. Но вот беда: умерла от старости Ключере. Погоревал, погоревал хозяин да и взял в дом вместо неё новую стряпуху — хохотушку и проказницу Агнесу. И опять всё пошло по-прежнему. Снова приходил Кэрбели к дядюшке Пуркуэну и принимался за свои обычные дела. И надо сказать, полюбил он новую стряпуху не меньше, чем любил когда-то добрую Ключере. Нравились Кэрбели и её звонкий смех, и задорные песни. Казалось ему, будто даже старые кастрюли и медные тазы звенят в её руках куда веселее, чем прежде.

Всё бы хорошо, если б не вздумалось однажды Агнесе сыграть над своим добрым приятелем вроде бы безобидную шутку. Накалила она в очаге камень-голыш, положила его на место, а сама, юркнув в постель, стала подглядывать за малюткой Кэрбели.

Переделал Кэрбели всю работу, натянул свой синий кафтанчик и, взяв горшок с молоком, направился к камню-голышу. Сел он было на него, да как вдруг подскочит! Выскользнул у него из рук горшок — и вдребезги, а сам Кэрбели к двери бросился, опрокидывая на ходу тазы, кастрюли, сковороды и всю прочую кухонную утварь.

Увидела тут Агнеса, что она натворила, вскочила с кровати и давай звать Кэрбели:

— Вернись, Кэрбели! Прости меня, неразумную, что так неловко подшутила я над тобой. Вернись, Кэрбели! Прости меня, если можешь!

Но было уже поздно. Не пожелал Кэрбели простить ей глупую шутку и исчез неизвестно куда.

И пошло всё в доме дядюшки Пуркуэна вверх дном: в комнатах — пыль и паутина, на кухне — грязная посуда, ржавые тазы, нечищенные сковородки... Как ни старалась Агнеса навести порядок, ничего у неё не получалось. Вот тогда-то и поняла она, что такое обидеть доброго гнома! Невесело ей стало на душе. Разучилась она петь и смеяться и всё больше помалкивала да хмурилась. И дядюшка Пуркуэн начал поглядывать на служанку искоса: почему это, мол, всё кувыркот у неё идёт?

Промолчала Агнеса, ничего не сказала хозяину о своей глупой выходке, а потом забрала свои вещи и совсем ушла из деревни... Что ж, сама виновата!

А как только ушла она, снова вернулся к дядюшке Пуркуэну маленький Кэрбели. Правда, в доме он уже не показывался и домашней работой не занимался, но зато приохотился за лошадьми ухаживать. Каждую ночь приходил он на конюшню к дядюшке Пуркуэну и брался за дело: засыпал коням корм, поил их, чистил, расчёсывал хвосты и гривы. А потом, полюбовавшись на свою работу, тут же исчезал в ночной темноте.

Догадывался, конечно, дядюшка Пуркуэн, что всё это — дело рук того же Кэрбели. Вот и решил он отблагодарить малютку за его заботу и преданность. Но как это сделать, коли не видал он его ни разу? Думал он, думал и, наконец, придумал.

Позвал он к себе конюха и наказал выследить ночью маленького Кэрбели:

— Как только появится он в конюшне, тут же меня зови, понял? Да смотри не спугни его ненароком.

Выслушал конюх хозяйское наставление и в полночь возле конюшни затаился. Долго ждать ему не пришлось. Как раз в полночь скрипнули в конюшне ворота, и в тусклом свете луны появился крохотный гном в синем кафтанчике, в чёрных лаковых сапожках и в красном колпачке. Не успел гном и шага ступить, как конюх хватъ его за колпачок и сорвал с головы. Подпрыгнул Кэрбели да как закричит на конюха:

— Сейчас же отдай колпачок, а то не миновать тебе беды: в осла превращу!

— Это за что же? — расхохотался конюх. — Не отдам я его тебе, пока не прибежит хозяин и не отблагодарит тебя за усердие...

— Отдай колпачок! Слышишь? — ещё пуще рассердился Кэрбели.

Но не внял его просьбе конюх, а пока бегал за хозяином, Кэрбели и след простыл. Расспросил дядюшка Пуркуэн конюха, как и что произошло. Рассказал тот всё по порядку. Рассердился дядюшка Пуркуэн, отругал конюха за глупое его усердие и, раздосадованный, спать пошёл.

На следующее утро вышел дядюшка Пуркуэн во двор и видит — стоит у конюшни какой-то колченогий осёл. Удивился он несказанно, оглядел осла со всех сторон и сразу вспомнил:

— Да ведь это же проделки Кэрбели! Осёл-то не кто иной, как мой конюх. Н-да, отомстил Кэрбели за свой красный колпачок... Надо бы его разыскать и возвратить хозяину.

Долго он искал колпачок, но тот словно в воду канул. И лишь через много дней отыскал он его на ветке высокого дерева — видать, забросил его туда сам конюх по нечаянности.

Взял дядюшка Пуркуэн колпачок, почистил щёткой и на видное место положил. А когда наутро вошёл в конюшню, увидал, что исчез красный колпачок, а возле лошадей конюх стоит. Усмехнулся тут дядюшка Пуркуэн, но, ничего не сказав, оглядел вычищенных, лоснившихся коней и вышел во двор...

Вот видите: разве можно обижать добрых и трудолюбивых помощников?

ЛИСА И КУРОПАТКА

Как-то раз повстречала лиса на опушке серую куропатку и спрашивает:

— Скажи, голубушка, как это ты умудришься днём спать?

— Как? Да очень просто. Спрячу голову под крылышко и сплю спокойно. Вот погляди!

И, чтобы лучше лиса её поняла, спрятала она под крылышко голову. Разгорелись тут у лисы глаза. Метнулась она к куропатке, ухватила её за крыло и помчалась прочь.

Бежит мимо реки, увидали её прачки и давай кричать:

— Глядите-ка! Глядите! Вон тащит лиса в зубах куропатку!

Услыхала куропатка женские крики и говорит лисе потихоньку:

— Ну и нахальный народ здесь! И не стыдно им в чужие дела нос совать?

«А ведь верно, — подумала лиса. — Какое им дело?» и разжала на миг зубы, чтобы хорошенько отчитать прачек. Но не успела она слово вымолвить, как куропатка вырвалась от неё и на ветку дуба вспорхнула.

Взглянула лиса на куропатку и процедила сквозь зубы:

— Эх! Никогда не надо болтать попусту!

А куропатка, усмехнувшись, ей и вторит:

— Да! И спать ложиться не вовремя тоже не след.

«СВЯТОЙ» ГРАМЭР

В давние-давние времена стояла на одном из холмов Гаскони маленькая деревушка Сен-Грамэр, названная так в честь святого Грамэра. Каждый год весело справляли крестьяне день своего «покровителя». Да и в самом деле: почему бы лишний раз не повеселиться? Ещё за неделю до праздника начинали убирать прихожане свою захудалую церквушку: мыли, скребли, чистили и украшали её гирляндами бумажных цветов.

И вот однажды, вытирая пыль, задел пономарь статую святого Грамэра и отбил ей случайно руку. Что тут делать? Решили тогда кюре и пономарь снять статую, спрятать её на краю деревни у бобового поля, а в день праздника поставить в церкви вместо статуи деревенского кузнеца, похожего как две капли воды на святого Грамэра.

За десять золотых эку согласился кузнец забраться в нишу, где находилась обычно статуя святого, и простоять, не шелохнувшись, всю утреннюю службу.

Утром набилось в церквушку тьма-тьмущая народу. Стоит кузнец в нише, не шелохнётся. Но, как на беду, угостился он утром мёдом, а губы-то забыл вытереть. И вот, откуда ни возьмись, подлетела к нему муха: вьётся, жужжит, кусает — ну просто сил нет! Стал тогда кузнец потихоньку губами шевелить, чтоб отогнать настырную муху.

Может, этого никто бы и не заметил, не будь среди прихожан одной старенькой бабушки с внучкой. Бабушка-то подслеповата была, а внучка сразу заприметила, что шевелит почему-то губами святой Грамэр. Удивилась она несказанно да и толкает бабушку локтем:

— Бабушка, а бабушка! Гляди, святой-то губами шлёпает!

— Помолчи, глупенькая! Сама не знаешь, что языком мелешь, — зашикала на неё бабушка.

Замолчала внучка, однако по-прежнему глаз со святого не сводила... Так и есть: шевелит губами святой!

— Глянь, бабушка... — зашептала она снова. — Ведь и впрямь шлёпает он губами...

На этот раз ничего не сказала старушка, а только приляделась к святому попристальнее. И вдруг показалось ей, будто и впрямь шевелятся у него губы.

— Свят, свят!.. Уж не мерещится ли мне, старой? Дай-ка уколою я его в ногу иголкой...

Подошла она к «Грамэру» поближе, да как кольнёт его иголкой! Взвыл тут кузнец от боли, выпрыгнул из ниши и, пробившись сквозь толпу, помчался домой во всём святом облачении. Увидали прихожане такое удивительное чудо и застыли с раскрытыми ртами: был святой, да сплыл!

А когда очнулись, принялись они перешёптываться, переглядываться и перемигиваться. Ну, а что же кюре? Поначалу-то он растерялся, поняв, что не удалась его проделка, и даже рассердился не на шутку. Но сердись не сердись, а выход-то искать надо. И что вы думаете? Всё-таки нашёл он выход, хитрец!

Оглядел он взволнованных прихожан, прищурился и обрушил на их головы громы небесные. Вспомнил он все их грехи и прегрешения за целые десять лет и объяснил, что убежал святой Грамэр из-за богомерзких их поступков. Притихли тут крестьяне, а кюре и говорит:

— Пропадём мы без его помощи, ежели покинет он нас. Поэтому идёмте, братья, его разыскивать, а разыскав, упросим вернуться.

— Идёмте, идёмте!.. — зашумели прихожане и кинулись к двери.

Но тут вскинул кюре вверх руки и крикнул во весь голос:

— Где же найдём мы тебя, святой Грамэр?

И в ответ послышался певучий тенорок пономаря, притаившегося за алтарём:

— На бобовом поле ищите меня! На бобовом поле!

Бросились прихожане на бобовое поле и в самом деле нашли там статую святого, но, увы, с отбитой рукой.

— А рука-то его куда делась? — робко спросил у кюре какой-то крестьянин.

Посмотрел кюре на крестьянина строго:

— Ну и глуп же ты, братец! — говорит. -- Ведь не просто он ушёл от нас, а побежал с другими святыми драться, чтоб отстоять вас, грешных, от их нападок. Вот и отбили ему в драке руку. Понятно?..

Что спорить, только глупому это непонятно.

АНРИ-ПЬЕР
И
ПРИНЦЕССА-ЛЯГУШКА

или когда-то во Франции король и королева, и родилась у них дочка, прехорошенькая. По такому случаю устроил король весёлый пир и пригласил во дворец множество гостей. Но самыми почётными среди них были добрые феи. Вы, конечно, знаете, что добрые феи всегда дарят новорождённой самые лучшие подарки.

Ну ладно. Усадил король всех за стол и приказал поставить перед каждой феей золотое блюдо. Но вдруг в самый разгар пиршества отворились двери, и вошла в залу ещё одна фея, которую забыли пригласить на праздник. А забыли потому, что не выходила она из дремучего леса лет десять, а может, и двадцать. Вот и решили все, что умерла давно она.

Увидал король старую фею, выскочил из-за стола, усадил её на своё место и приказал слугам подать ей золотое блюдо. Послушные слуги тут же принесли блюдо, только не золотое, а серебряное: золотых-то во дворце больше не было.

Обиделась старая фея, отодвинула в сторону серебряное блюдо, к яствам не притронулась и пробормотала что-то сердито. Только самая юная фея, что сидела с ней рядом, всё слышала.

Долго веселились гости да пировали, а когда настало время, вошли феи в детскую, чтобы одарить маленькую принцессу своими волшебными дарами. Самая юная фея поже-

лала принцессе быть прекраснее всех на свете. Вторая подарила ей доброе сердце. Третья сказала, что будет она петь и танцевать лучше всех. И все прочие в долгу не остались и наградили крошку кто остроумием, кто весёлым характером, а кто долгой и счастливой жизнью.

Дошла наконец очередь и до старой феи. Наклонилась она над колыбелью и, тряся от досады головой, молвила:

— Превратись ты в лягушку и будешь прыгать по лужам до скончания дней своих!

Не успели гости и ахнуть, как обернулась малютка в лягушку и давай квакать: «Ку-ак! Ку-ак! Ку-ак!» Король с королевой пришли в такое отчаяние, что и сказать нельзя.

И вот тут-то подошла к злой колдунье юная волшебница и попросила её сменить гнев на милость. Долго молчала старуха — должно быть, размышляла, как ей поступить, — а потом и говорит:

— Ладно, снизойду я к твоей просьбе. Пусть прыгает она не в лужах, а в чистом пруду. А когда пройдёт время, выйдет она замуж за прекрасного принца.

Вздохнули тут с облегчением король и королева и бросились было к лягушке-принцессе, а лягушки-то и нет как нет.

Прошли годы, но принцессу-лягушку так больше никто и не видел.

А неподалёку, в соседнем королевстве, жил в ту пору король с тремя сыновьями. Старшего звали Анри-Пьер. Был он юношей добрым и весёлым.

И вот в один прекрасный день отправился он на охоту. Вдали увидел он ряд могучих дубов, а возле них прозрачный пруд. Подошёл он поближе и вдруг слышит:

— Ку-ак! Ку-ак! Ку-ак!

Удивился Анри-Пьер и спрашивает у егерей:

— Кто это там в пруду будто стонет?

Рассмеялись егеря:

— Стонет? Да это вам почудилось. Просто квакает в пруду лягушка.

— А ведь и верно! Обознался я, видно, — улыбнулся принц. И тут пришла ему в голову забавная мысль: вот бы приручить эту лягушку.

Не раздумывая, подбежал принц к самому берегу да как крикнет:

— Лягушка-квакушка, прыгни ко мне на плечо, станешь тогда моей женой!

Откуда ему было знать, что лягушка-то эта — заколдованная принцесса. Да и крикнул он просто так, чтобы посмеяться. И вдруг видит, выпрыгнула лягушка из пруда и — скок ему на плечо! Удивился Анри-Пьер несказанно, а потом махнул рукой — сам же позвал её! — и отнёс к себе. Устроил он у самого камина чан с чистой водой и выпустил в него лягушку.

Прошла неделя, другая, и привык Анри-Пьер к новой своей подруге: говорил с нею, рассказывал забавные истории, пел старинные песенки... А подружка его внимательно слушала и всякий раз отвечала:

— Ку-ак! Ку-ак!

Больше того, так он к ней привязался, что в весёлую минуту приговаривал шутливо:

— Хорошую я выбрал себе жену! Никто на неё не позарится, никто её у меня не отнимет. Прекрасная у меня жена!

Тем временем состарился король-отец и решил отдать корону одному из трёх сыновей. Но кому из них, ежели любил он их одинаково? Задача и впрямь нелёгкая. А надо сказать, что старый король — не в пример многим королям — был человеком справедливым и от данного им слова никогда

не отступался. Вот и порешил он устроить сыновьям три испытания: тот, кто выйдет из них победителем, получит в наследство корону.

Однажды позвал он к себе сыновей и объявил им свою волю: получит корону тот, кто сумеет куском полотна обернуть башню королевского замка семь раз. Выслушали сыновья отцовский наказ и тут же покинули замок.

Что делали младшие братья, неизвестно: должно быть, искали подходящее полотно. Ну, а Анри-Пьер, вернувшись домой, уселся в кресло у камина и задумался.

Заметила это принцесса-лягушка и вдруг спрашивает: — Что с тобой, милый? Какая печаль тебя гложет?

Подскочил Анри-Пьер от неожиданности:

— Ну и чудеса! Значит, ты и говорить умеешь! — воскликнул он.

Долго он не мог в себя прийти от удивления и всё расхаживал по комнате, то и дело повторяя:

— Ну и чудеса! Ну и чудеса!

А потом остановился перед лягушкой, поглядел на неё внимательно и говорит:

— Что в том проку, если и расскажу? Всё равно не в силах ты мне помочь.

Лягушка же ему в ответ: расскажи да расскажи. Подивился Анри-Пьер её настойчивости и поведал тогда про состязание. А под конец добавил:

— Не нужна мне корона, а вот с братьями потягаться я не прочь... Но нет у меня такого полотна...

— Не расстраивайся, милый, раньше срока, — сказала ему лягушка. — Подожди меня, я скоро вернусь.

Выпрыгнула она из чана с водой и скрылась. А Анри-Пьер, усмехнувшись, опять в кресло сел и задумался.

Тем временем добралась лягушка до домика той самой юной феи, что когда-то подарила ей красоту и заступилась

за неё перед старой злой феей. Рассказала ей лягушка про всё, что с нею приключилось, не преминула и про состязание упомянуть.

Выслушала её внимательно добрая фея и задумалась. Потом вынула из красивого ларца маленькую серебряную коробочку и протянула её лягушке:

— Вот, возьми! Пусть отнесёт твой муж эту коробочку королю и попросит её открыть.

Обрадовалась принцесса-лягушка, поблагодарила добрую фею и поскакала домой. Ну, а дома отдала она коробочку мужу и говорит:

— Эту коробочку, дружок, отнеси завтра отцу и попроси её открыть.

Повертел Анри-Пьер в руках коробочку, улыбнулся ласково, да и говорит:

— Спасибо тебе, милая, за заботу, но ведь таких безделушек у отца видимо-невидимо.

— Прошу тебя, сделай так, как я говорю.

— Что ж, пусть по-твоему будет.

На другое утро пришёл Анри-Пьер в отцовские покои и тут же своих младших братьев увидел.

— А вот и Анри-Пьер! — воскликнул король. — Но погоди, где ж твоё полотно?

— В коробочке... — улыбнулся сын.

— Ай да шутник! — рассмеялся король. — Ну ладно. Начнём, пожалуй, с младшего брата.

Спустился он с сыновьями во двор, подошёл к башне замка и распорядился:

— Теперь за дело!

Развернул своё полотно младший сын, и все замерли в восхищении: ну и красота! Принялись тут же обёртывать полотном башню и в конце концов определили: хватило его лишь на два с половиной оборота.

Пришёл черёд среднего брата. Полотно-то у него было ещё лучше, да хватило его всего на три оборота.

Почесал тут затылок король, повернулся к старшему сыну и говорит:

— Что-то не вижу я твоего полотна.

— Возьмите эту серебряную коробочку и откройте её.

Взял король коробочку, подбросил на ладони и недоверчиво покачал головой:

— Пошутить надо мной захотел, сынок?

Однако коробочку открыл и увидел в ней серебряное яйцо. Открыл яйцо, а в нём серебряный орешек лежит. Раскрыл орешек, а там — тончайшее полотно. Дёрнул король за край полотна и давай тянуть. Тянул, тянул, а конца всё не видно. Обернули башню полотном семь раз, а в куске ещё добрая половина осталась.

Посмотрел король на старшего сына, хлопнул его по плечу и говорит:

— Молодец! — А потом добавил: — Вот вам второе испытание: кто принесёт мне самую красивую птицу, тот и получит корону.

Приободрились сыновья — младший и средний — и тут же отправились за красивой птицей. Один Анри-Пьер никуда не пошёл, а вернулся домой, сел в кресло у камина, подпер голову рукой и опять задумался.

Заметила лягушка, что снова он невесел, и спрашивает:

— Что ты такой грустный, дружок? Разве не помогла тебе коробочка?

— Помогла, спасибо тебе, да только придумал отец новое испытание: победит тот, кто принесёт ему самую красивую птицу на свете.

— Не тужи, милый. Попробуем и мы такую птицу отыскать. Подожди меня немного.

И снова отправилась лягушка в путь.

Прискакала она к доброй фее и рассказала ей про птицу. Выслушала её фея и говорит задумчиво:

— Дело это не простое, но и на этот раз я помогу тебе. Возьми у меня этот орешек, и пусть король его расколёт.

Поблагодарила лягушка добрую фею и, подхватив орешек, домой вернулась...

На следующий день вновь пришли братья к отцу. Младший принёс красивого павлина с хвостом-веером, средний — говорящего изумрудного попугая. Ну, а Анри-Пьер протянул отцу орешек и попросил его расколоть.

Едва расколол король орешек, как выпорхнула из него маленькая сверкающая птичка. И до того хороша она была, так сверкала и горела, что все даже зажмурились. Взвилась птичка до самого потолка, а потом уселась на плечо к королю и залилась звонкой трелью.

Замер король от восторга, а когда пришёл в себя, воскликнул:

— Ну и порадовал ты меня на старости лет, Анри-Пьер! Отроду не видал я такой диковинной птицы! Однако ждёт вас всех третье — и последнее — испытание. Приведите ко мне во дворец своих жён. У кого самая красивая жена, тот и победит, а коли победит, то и корону получит.

Обрадовались тут двое младших сыновей. Кто знает, может, и выиграют они последнее испытание?

Вскочили они на коней и умчались за своими жёнами. Ну, а Анри-Пьер не торопясь домой вернулся. Да вы и сами посудите: разве мог он идти во дворец со своей безобразной женой-лягушкой?

Вернулся он домой, уселся в кресло и подпёр голову рукой.

А лягушка молчала-молчала, потом вдруг и спрашивает: — Ну что ты голову повесил, мой добрый принц?

Но Анри-Пьер уверил её, что ничем он, мол, не рас-

строен. Не поверила ему лягушка и опять спросила, чем всё-таки он расстроен. Только на третий раз рассказал ей принц, какое испытание придумал король напоследок.

Призадумалась лягушка, а потом прыг из чана и прямо в сад. Там сорвала она большую тыкву, выскоблила лапками сердцевину и сделала из неё экипаж. Затем выпустила из мышеловки шесть мышей и запрягла их в экипаж. После этого поймала крысу, ящерицу и шесть пчёл. Крыса стала кучером, ящерица — лакеем на запятках, а пчёлы — камеристками. Рассадила лягушка всех зверюшек по своим местам, прыгнула в тыкву-экипаж и приказала трогать. Понеслась во весь дух по дороге эта странная упряжка.

Проезжая мимо своего дома, крикнула принцесса-лягушка погромче:

— Анри-Пьер! Догоняй меня! Поедем к твоему батюшке-королю.

Услыхал Анри-Пьер её голос, выглянул из окошка и, увидев летевший по дороге экипаж, только раскрыл рот от изумления: ну и диковинка! Но всё-таки вскочил на коня и помчался догонять свою лягушку.

Тем временем мчался экипаж во весь дух к домику юной феи: должно быть, спешила к ней лягушка за помощью. Но, как назло, зазевался кучер и на всём ходу влетел прямо в грязную лужу. Вот и застрял экипаж в грязи: ни туда ни сюда. Что тут поднялось! Запищали, зашумели зверюшки на весь лес, а сама лягушка тревожно заквакала: «Ку-ак, ку-ак, ку-ак...»

Услыхала юная фея этот шум и выбежала на порог.

— Боже мой! — всплеснула она руками, увидев принцессу-лягушку в столь плачевном положении. — Как это ты застряла в луже со своей свитой? погоди, однако... У меня в гостях та старая фея, что превратила тебя в лягушку.

Бросилась она домой и стала тормошить старуху:

— Пойди, погляди на твою принцессу-лягушку! Неужто и теперь ты ей не поможешь?

Поморщилась старуха, припомнив былую обиду, но не отказала юной волшебнице. А когда увидела застрявший в луже экипаж, рассмеялась от всего сердца. Долго смеялась она, и в этом смехе растаяла старая её обида. Вытерла она наконец выступившие от смеха слёзы, да и говорит:

— Больше я на неё зла не держу... А раз так, пусть превратится тыква в золочёную карету, мыши — в красавцев коней, ящерица — в лакея на запятках, крыса — в вышколенного кучера, а сама лягушка — в прекрасную принцессу.

Едва успела она так сказать, как вмиг всё исполнилось. И вот мчится уже по дороге к королевскому замку роскошная карета, и сидит в ней прекрасная, как день, принцесса.

Вскоре попридержал кучер горячих своих коней, высунулась из окошка кареты принцесса и принялась смотреть на дорогу, где должен был появиться Анри-Пьер. Завидела она его наконец и крикнула:

— Анри-Пьер! Догоняй меня!

Увидев красивую девушку и услышав странные её слова, опешил от неожиданности Анри-Пьер: откуда взялась золочёная карета с прекрасной незнакомкой и куда это вдруг исчезла его жена-лягушка?

Однако пришпорил он коня и тут же у кареты оказался. Улыбнулась ему красавица и говорит ласково:

— Привяжи коня к карете и садись со мной рядом.

Соскочил Анри-Пьер с коня, привязал его к карете, а сам с красавицей сел. Тряхнула она головой, рассмеялась и приказала кучеру:

— Трогай! Да побыстрее!

И помчалась сверкающая карета вперёд, прямо к королевскому замку. Хотел было Анри-Пьер расспросить девушку

о таинственном её появлении, но она за всю дорогу и слова не проронила.

Едва остановил кучер упряжку во дворе, как выбежали из замка придворные. Очень уж разобрало их любопытство: кто это пожаловал к королю нежданно-негаданно? Но когда вышел из кареты Анри-Пьер вместе с очаровательной девушкой, ахнули придворные и застыли в изумлении. Один только король мигом сообразил, что привёз к нему Анри-Пьер свою жену. Улыбнулся он красавице, а потом поглядел на других сыновей и молвил:

— Красивые у вас жёны, ничего не скажешь, но сами видите, что прекраснее жены Анри-Пьера во всём свете не сыщешь. А коли так, получит он мою корону.

Но тут выступил вперёд Анри-Пьер, вскинул гордо голову и говорит отцу:

— Прости меня, отец, но красавица эта — не моя жена... Конечно, и у меня жена есть, да только она — лягушка. Так что проиграл я состязание.

Услыхав столь удивительные речи, король так и вскипел:

— Жена — лягушка? Что ж ты раньше мне не сказал?!

— Ваше величество! — неожиданно заговорила красавица. — Хотя и не по своей воле, но ошибся Анри-Пьер. Я и есть его жена. Только не знал он того, что превратила меня злая фея в лягушку и предсказала, будто выйду я замуж за прекрасного принца. Так что всё сбылось как по писаному.

— Возможно ль такое? — изумился Анри-Пьер.

— Значит, возможно для тех, кто в чудеса верит, — засмеялась принцесса.

Вот и всё. А не верите, мы вам больше ничего и рассказывать не станем!

БИРОН

или да был на свете человек по имени Бирон. Целыми днями разгуливал он по городу в высоком цилиндре. И все ему завидовали, потому что думали, будто сделан его цилиндр из чистого серебра.

Как-то раз пригласил Бирон в трактир двух незнакомых ему щёголей. А надо сказать, что трактирщик этот частенько кормил Бирона в долг и даже ссуживал его деньгами. Ну ладно. Посидели они втроем за столом, пообедали сытно, а когда пришло время с хозяином рассчитываться, снял с головы Бирон свой знаменитый цилиндр и давай его в руке вертеть. Вертит он его, вертит и приговаривает:

— Всё сполна заплачено! Всё сполна заплачено!

— Всё сполна заплачено? Не может того быть! — удивились щёголи.

— Почему же не может? Мой цилиндр уже заплатил за угощение. Если не верите, спросите у хозяина. Верно, хозяин? — обратился Бирон к тому.

— Конечно, верно, — не моргнув глазом, подтвердил его слова трактирщик.

— Вот видите, а вы ещё сомневались! — рассмеялся Бирон и вышел на улицу вместе со щёголями.

Перемигнулись те незаметно — не мешало бы, мол, эту штуку купить — и принялись Бирона упрашивать: продай да продай свой цилиндр.

— Нет, нет, друзья, — отнекивался Бирон, — об этом и речи быть не может. Он и сам мне нужен.

— Послушай, Бирон, ну что ты упрямисься! Соглашайся лучше. Мы хорошо тебе заплатим.

— Ох, друзья, до чего ж мне жаль с цилиндром расставаться! — словно расстроившись, заохал Бирон. — Но так и быть, уступлю его вам по-приятельски за сто пистолей.

Обрадовались щёголи, отдали Бирону сто пистолей не торгуясь и получили взамен цилиндр. Недолго думая решили они на радостях испытать его магическую силу и зашли в соседний трактир. Набрали там разных закусок, наелись на славу и принялись вертеть цилиндр в руках, приговаривая:

— Всё сполна заплачено! Всё сполна заплачено!

— Что за вздор вы там несёте? — насторожился трактирщик. — Заплачено, говорите? А где ж тогда деньги?

— Как где? Ведь цилиндр-то вам всё сполна заплатил, — гордо выпятил грудь один из приятелей.

Но не пожелал трактирщик и слушать глупые их побасёнки. Схватил он в руки палку и набросился на приятелей. Тут уж хочешь не хочешь, а надо раскошелиться.

Вышли они из трактира и начали бранить Бирона на все корки.

— Надул нас этот Бирон! Ну погоди, мошенник! Устроим мы ему такое веселье, что век не забудет...

И, не сговариваясь, двинулись приятели к дому Бирона.

Заметил их Бирон ещё издали и не на шутку встревожился. Но, будучи человеком смекалистым, тут же сообразил, как из беды выпутаться. Уложил он жену на кровать, велел лежать неподвижно и обрызгал её бычьей кровью.

Ворвались оба приятеля в комнату и видят: лежит на постели мёртвая женщина, а рядом с ней стоит Бирон с тросточкой в руке. Глядят приятели на Бирона и ничего

в толк не возьмут: что такое происходит? Неужто убил он свою жену? А Бирон легонько стукнул тросточкой свою жену, да и говорит:

— Тросточка-тросточка, оживи мою жену!

Стукнул так трижды, и встала жена. «Ну и чудеса!» — подумали приятели. А жена как ни в чём не бывало за хозяйство принялась.

— Вот это да! — раскрыли рты от изумления приятели. — Хоть объясни нам, Бирон, что здесь приключилось?

— А что там объяснять-то? Самая обычная вещь, — пожёвывая, ответил им Бирон. — С полчаса назад разозлила меня жена. Вот я и убил её, а потом, как сами видели, воскресил этой тросточкой.

Перемигнулись тут приятели: надо бы купить у него тросточку. И после долгих уговоров купили её за двести золотых пистолей. Порадовались приятели и поспешили в один дом, где утром умер их друг. Подошли они к покойному и начали ударять по нему тросточкой, приговаривая:

— Тросточка-тросточка, оживи нашего друга!

Но сколько ни стучали они тросточкой, сколько ни приговаривали, не ожил их друг. Поняли тогда приятели, что обманул их Бирон и на этот раз, и вне себя от гнева к его дому помчались: надо же за его шутки расквитаться!

А тем временем и Бирон не дремал. Знал он, что не оставят его в покое одураченные приятели. Поэтому тут же сварил себе похлёбку, потом выгреб из очага жар, а на горячую золу горшок с булькающей похлёбкой поставил. И как раз вовремя! Вломились в дверь приятели и видят: сидит у потухшего очага Бирон и помешивает ложкой булькающую в горшке похлёбку. Что за чудеса такие: огня в очаге нет, а похлёбка кипит!

Позабыли тут враз приятели все свои обиды и давай допытываться: что это за горшок диковинный? Объяснил им

Бирон, что горшок этот и в самом деле диковинный: можно, мол, в нём любую еду без огня сварить. Подивились приятели несказанно и, поторговавшись, купили у Бирона чудо-горшок. Прибежали они к себе, набросали в горшок сырого мяса и, не разжигая огня, над очагом повесили. Долго они ждали, когда мясо сварится, да так и не дождались, а потом, разбив в сердцах холодный горшок, закричали на всю улицу:

— Смерть Бирону! Смерть!

Примчались они к нему домой, скрутили ему руки, засунули его в мешок и потащили на берег реки, чтоб утопить за дерзкие его проделки. Дотащили они мешок до берега, отдышались, а потом и говорит один из приятелей:

— Ну, а теперь можно его и в воду бросить.

— Бросить-то можно, только вот боязно что-то, — засомневался другой. — Давай-ка для храбрости выпьем по стаканчику в соседней харчевне.

— Что ж, я не против...

Оставили они мешок на берегу, а сами в харчевню побежали. Слышал, конечно, Бирон их разговор и едва ушли они, начал выкрикивать:

— Не хочу я жениться на дочери короля! Не хочу я жениться на дочери короля!

А в это время проходил по берегу со своим стадом погонщик мулов. Услыхал он, что кричит Бирон, подбежал к мешку и спрашивает:

— Эй, приятель, что это ты там кричишь? Неужто ты и впрямь не хочешь на дочке короля жениться?

— Конечно, не хочу. Не пара я ей, — отвечает Бирон.

— Тогда вылезай поскорее из мешка и уступи мне своё место.

— Твоя воля, только мешок развяжи.

Развязал погонщик мешок. Вылез Бирон из мешка,

отряхнулся, потом помог влезть в него погонщику мулов и крепко-накрепко завязал верёвкой. Сам же прочь пошёл, подгоняя перед собой стадо мулов.

Вскоре вернулись на берег приятели и вдруг слышат из мешка голос:

— Согласен я жениться на дочери короля!

— Ишь, чего захотел! — рассмеялись приятели. — Лучше уж получи по заслугам!

Схватили они мешок, раскачали и — бултых! — в воду.

— Будь здоров, Бирон!

Наконец-то вздохнули они свободно и обратно домой направились. Шли они неторопливо и всё радовались, что избавились от этого ненавистного хитреца. И вдруг... что такое?! Шагает по дороге не кто иной, как Бирон, и погоняет хворостиной стадо жирных мулов. Протёрли приятели глаза: уж не наваждение ли это?

Да нет, какое там наваждение! Самый настоящий Бирон!

Но откуда он взялся, коли утопили они его в реке? Разобрало тут приятелей любопытство, подбежали они к нему и спрашивают:

— Эй, Бирон, неужто выбрался ты из реки?

— Разве сами не видите? — усмехнулся тот. — Ну, а что бросили вы меня в реку, большое вам спасибо. Ведь в реке-то, оказывается, ярмарка. Вот и купил я там почти даром это стадо. По правде говоря, обошёлся мне каждый мул всего по пяти франков.

— А как ты думаешь, товар там ещё есть?

— Куда же он денется? Конечно, есть. Только поторопиться надо бы.

— Это ты верно говоришь: поторопиться надо! — воскликнули приятели и недолго думая в реку бросились.

С той поры никто их не видел. Должно быть, и по сей день бродят по ярмарке и мулов подешевле отыскивают.

ФЕРМЕР
И
ЕГО ХОЗЯИН

Как-то раз собрался один фермер, по имени Гаспар, вернуть своему хозяину долг.

Пришёл он к нему домой и спрашивает у служанки:

— Хозяин-то дома?

— А где ж ему быть? Сидит за завтраком вместе со своими приятелями.

— Тогда скажи ему, что принёс я одолженные у него денежки.

Убежала служанка и тут же оповестила хозяина:

— Пришёл к вам Гаспар, деньги принёс.

— Очень хорошо! Проведи его ко мне, — расплылся в улыбке хозяин и, повернувшись к приятелям, добавил: — Это один из моих должников, изрядный глупец. Вот увидите, какую славную шутку я над ним сыграю. Он ничего и не заметит, зато мы посмеёмся вволю.

Ввела служанка Гаспара в комнату.

— Здравствуйте, хозяин.

— Здорово, Гаспар, здорово.

— Вот принёс вам деньги.

— Молодчина, Гаспар! Присаживайся вон там, у камина. Отдохни, небось устал с дороги.

Присел Гаспар на краешек лавки и уставился во все глаза на хозяина и его гостей. А тот подмигнул приятелям и спрашивает у Гаспара:

— Ну, что новенького на ферме?

— Да вот, хозяин, случилась у нас диковинная штука! Принесла наша корова целых пять телят.

— Пять телят?! — удивился хозяин. — Не может того быть! Что же делает пятый телёнок, когда остальные четверо молоко сосут?

— Что делает? Да то же самое, что и я сейчас: по сторонам глядит.

— Хм... — проворчал хозяин, уловив намёк. — Эй, Сюзанна, подай Гаспару тарелку!

Принесла служанка Гаспару тарелку, и уселся он за стол. Поставили тут перед хозяином огромное блюдо жареной рыбы.

Положил он на тарелку Гаспара две маленьких тощих рыбёшки. Взял их фермер за хвост, поднёс к уху, прислушался и, покачав головой, снова бросил на тарелку.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что они не очень свежие? — спросил хозяин, подмигивая гостям.

— Не в том дело, хозяин, — почесал за ухом крестьянин. — Год назад утонул в речке мой дядюшка. Вот я и спросил у рыбёшек, как ему там живётся. Только не утешили они меня, сказали, что ничего о дядюшке моём не знают, так как появились на свет уже после этого печального события... Возьму-ка я лучше вон того здорового карпа. Может, хоть он мне ответит...

— Вот чудак! Ну бери, коли надо...

После рыбы принесли подрумяненный окорок.

— Гаспар, не хочешь ли ветчины?

— С превеликим удовольствием...

— Тогда угощайся, — предложил хозяин и протянул крестьянину крошечный кусочек.

Проглотил Гаспар кусочек и крикнул одобрительно: славный окорок!

Вынул он из кармана складной нож, отрезал от окорока добрый кусок, съел и опять потянулся к окороку...

— Послушай, Гаспар, мне, конечно, не к лицу прерывать твою трапезу, но учти: у того, кто слишком много ветчины ест, пропадает дар речи. Слыхал об этом?

— Вот спасибо, что сказали, хозяин, а то у меня ужас какая говорливая старуха... Возьму-ка я, с вашего разрешения, остаток окорока да и заставлю её весь съесть. Может, тогда перестанет она меня пилить.

Забрал Гаспар ветчину и откланялся, а хозяин-то на всякий случай до двери решил его проводить.

Только вышли они из комнаты, как схватились тут приятели за бока и давай смеяться. Вот и сообразите сами, над кем они смеялись? Во всяком случае, не над Гаспаром!

В далёкие-предалёкие времена жили в одной деревне муж с женой, и был у них сынок, которого звали Бернардинёт. Красивое имя для крестьянского сына, не правда ли? Жили они безбедно и счастливо, да вот надо же было такой беде случиться: умерла у Бернардинета мать. Погоревал отец и вскоре женился снова. Так у Бернардинета появилась мачеха.

Едва переступила она порог дома, как возненавидела Бернардинета безо всякой к тому причины. День и ночь твердила она мужу: мол, сын тебя не любит и не слушается, совсем от рук отбился, пора его проучить, не то вырастет из него настоящий разбойник. Это она про маленького мальчонку-то, совести у неё нет!

Отец долго её не слушал, но всё-таки доняла она его. Однажды вечером уговорились они, что утром отец уведёт Бернардинета в лес и там бросит, чтобы попугать немножко. А через день за ним вернётся. Однако Бернардинет не спал и всё слышал, о чём говорили отец с мачехой. Выбрался он потихоньку из комнаты, насыпал в карманы пшеничных зёрен, а потом опять спать улёгся.

Утром разбудил его отец и говорит:

— Вставай, сынок! Пойдёшь со мной в лес по дрова. Вскочил Бернардинет, мигом оделся, и отправились они

с отцом в лес. Бернардинет следом за отцом шёл и потихоньку бросал на дорогу пшеничные зёрна, чтобы потом обратный путь отыскать. Когда забрались они в самую глушь лесную, отец и говорит сыну:

— Ты здесь пока валежник собирай, а я пойду деревья метить, какие мы рубить будем.

— Боязно мне без тебя оставаться, — говорит мальчик.

— Бояться нечего, я вмиг обернусь.

Ушёл отец. Ждал его, ждал Бернардинет, да так и не дождался. Когда понял он, что не придёт к нему отец, сам решил вернуться, ведь дорогу-то он пшеничными зёрнами отметил. Повернул он назад, смотрит, а ни одного зёрнышка на дороге не видно: всё птицы поклевали. Сел Бернардинет на землю и горько заплакал.

Но плачь не плачь, а делать что-то надо. Вытер Бернардинет слёзы, поднялся с земли и пошёл куда глаза глядят. Долго он плутал. Уж и день кончился, когда увидел он вдалеке огонёк. Пошёл он на огонёк и очутился перед большим-большим домом. Таких домов в жизни он не видел.

Постучал Бернардинет в дверь. Вышла на порог великанша, а Бернардинет у неё и спрашивает:

— Не приютите ли вы меня на ночь?

— Заходи, заходи! Мой муж, добрый великан Драк, будет рад познакомиться с тобой. Он очень любит есть маленьких мальчиков, особенно на ужин.

— Ой! — испугался было Бернардинет, но потом подумал, что ночью в лесу он так и так пропадёт, и сказал: — А вы научите, где мне спрятаться, и великан Драк меня не заметит.

Великанша впустила Бернардинета в дом и велела спрятаться под кроватью.

А надо вам сказать, что у Драка была дочка, добрая, не чета отцу, и хорошенькая, — видно, не в мать пошла. И зва-

ли её так славно — Солнышко. Пожалела она мальчика и решила ему помочь. Пока мать на кухне стряпала, подкралась Солнышко к кровати и шепнула Бернардинету:

— Вот, возьми-ка крысиный хвостик. Когда отец велит тебе показать ему мизинец, ты покажи этот хвостик.

Ночью ввалился в дом сам людоед Драк и как заревёт:

— Чую, человеческим духом пахнет!

А жена ему и говорит:

— Тсс... Сидит здесь под кроватью мальчишка, но слишком уж он тощий. Пусть пока поживёт у нас, немножко потолстеет.

— Надо бы поглядеть на него, — проворчал Драк. — Эй, ты, высунь-ка мне свой мизинец!

А Бернардинет показал ему крысиный хвостик, как наказала Солнышко. Принял Драк хвостик за мизинец, и не мудрено: в комнате-то горела лишь одна маленькая лампа, да и то тускло. К тому же Драк был подслеповат да и умом большим не отличался.

— Фу! Он и впрямь заморыш! — согласился Драк. — Пусть немножко подкормится.

На заре, когда Драк ушёл из дому. Бернардинет стал тайком в путь собираться. Но Солнышко его отговорила:

— Ну куда ты пойдёшь, не зная дороги? Только заблудишься в дремучем лесу. Оставайся лучше у нас. Да и мне будет веселее. Научу я тебя играть в разные игры, покажу все потайные места в нашем лесу, буду сказки рассказывать. Оставайся! Ну, а отца не бойся, я тебе помогу, если что...

И ведь уговорила она Бернардинета, остался он в доме Драка. Остался-то остался, но на душе у него беспокойно было: а вдруг попадётся он на глаза людоеду?

Так и побежали дни: день за днём, неделя за неделей...

И вот однажды вернулся Драк домой ещё засветло и увидал в саду Бернардинета, а рядом с ним свою дочку.

— Неужто это тот самый заморыш? — изумился Драк. — Ну и быстро подрос мальчонка! Слушай, жена, зажарь-ка его мне на завтрак. Ведь отъелся он на славу.

Бросилась тут к отцу Солнышко и говорит:

— Пощади Бернардинета, отец! Он мой друг, мне без него скучно будет.

Покосился Драк на дочку, но ругать не стал, только вот что сказал:

— Ладно, не трону его, но с одним условием: если выполнит он мой приказ.

Позвали Бернардинета, и Драк ему сказал:

— Возьмёшь мою большую лопату, выроешь глубокий колодец, и чтоб к вечеру на столе у меня стоял кувшин с прозрачной водой из этого колодца.

Получил Бернардинет от Драка большую лопату, еле поднял её и пошёл колодец рыть. Но только принялся за работу, лопата возьми и сломайся! Драк нарочно подсунул ему ржавую.

В полдень Солнышко говорит матери:

— Хочу я отнести Бернардинету горшочек супа.

— И дался тебе этот мальчишка! — недовольно проворчала великанша, однако горшочек супа дала.

Схватила Солнышко горшочек и побежала к Бернардинету. Видит, сидит он под деревом пригорюнившись.

— Что ты невесел, Бернардинет? — спрашивает Солнышко. — Может, работа не спорится?

— А чему мне веселиться? — отвечает Бернардинет. — Начал я было колодец копать, а лопата — раз! — и сломалась.

— Не огорчайся из-за этого, Бернардинет, я тебе помогу. А сейчас ешь лучше суп и ни о чём не думай.

Когда съел Бернардинет суп, вынула Солнышко из кармана деревянную палочку и, постучав ею о колено, молвила:

— Палочка, палочка, моя выручалочка, пусть появится здесь колодец с прозрачной водой!

И в тот же миг возник перед Бернардинетом колодец с чистой прозрачной водой.

— Вот это да! — обрадовался мальчик. — Это же чудо из чудес!

Весь день они по лесу гуляли, орехи собирали, а под вечер зачерпнул Бернардинет в кувшин холодной воды из колодца и поставил его на стол. Увидал Драк кувшин, усмехнулся и, обернувшись к дочери, погрозил пальцем:

— Ох, Солнышко, Солнышко, не обошлось тут без тебя!

— Что ты, отец! Я здесь совсем ни при чём.

После ужина сказал Драк жене:

— Положи мальчишку спать в маленькой комнате. На ту самую кровать...

А кровать эта была не простая, а кровать-жаровня! Кто-то, а уж Солнышко об этом хорошо знала и, потихоньку проскользнув в комнату, шепнула Бернардинету:

— Ложись на моё место, а я на этой кровати буду спать. Не страшна она мне!

Так и сделали. А наутро, увидев мальчишку живым и здоровым, удивился Драк, но виду не подал и говорит ему:

— Сегодня возмёшь в сарае виноградные лозы, высадишь их вон на том склоне, а вечером поставишь на стол полное блюдо спелого винограда.

Взял Бернардинет из сарая новую лопату, виноградные лозы и на склон горы ушёл. Но, как и накануне, опять сломалась лопата.

«Ах так! — рассердился на Драка Бернардинет. — Нарочно плохую лопату подсовывает! Ну и пусть. Всё равно я не управлюсь за день с этой работой, разве только Солнышко мне поможет?»

Забросил он обломки лопаты в кусты и стал ждать-под-

ждать Солнышко. Пришла она к нему в полдень и говорит:

— Добрый день, Бернардинет!

— Добрый день, Солнышко!

— Опять у тебя не ладится?

— Лопата вот сломалась. Да и всё равно, разве мне управиться до вечера с такой работой?

— Не горюй, я выручу тебя из беды. А пока лучше съешь суп, — видишь, я тебе принесла?

И пока Бернардинет ел суп, взяла Солнышко свою волшебную палочку, постучала ею о колено и говорит:

— Палочка, палочка, моя выручалочка, пусть вырастет на склоне горы виноградник!

Не успел Бернардинет глазом моргнуть, как вырос на склоне горы виноградник, усыпанный крупными, спелыми гроздьями винограда. Что ж, дело было сделано, и вечером Бернардинет поставил на стол Драку блюдо золотистого винограда.

— Вижу, вижу, Солнышко, помогла ты мальчишке и на этот раз, — покачал головой Драк, поглядывая на дочку.

— Что ты, отец! Я об этом и знать не знаю.

После ужина Драк поманил пальцем Бернардинета и говорит:

— Иди-ка сейчас спать, а когда под утро я позову тебя, тут же вставай. Понял?

Кивнул головой Бернардинет и пошёл спать, а людоед подошёл к дочке и сказал сердито:

— Не нравятся мне твои проделки! Не доведут они тебя до добра. Если не хочешь, чтобы хуже было, иди теперь спать, а когда под утро я окликну тебя, тут же вставай. Поняла?

Не иначе что-то задумал великан Драк. Когда ушли Бернардинет и Солнышко, он приказал жене:

— Поутру разведёшь огонь, поставишь на очаг котёл. По-моему, настало самое время разорвать дружбу моей дочки с этим Бернардинетом. Не нравится она мне! Пора его съесть!

— Что верно, то верно, — согласилась жена.

Так и погиб бы Бернардинет, если б не услышала Солнышко разговор родителей. Подкралась она на цыпочках к кровати своего друга и прошептала ему на ухо:

— Теперь, Бернардинет, бежать надо! Решил отец тебя утром сегодня совсем погубить. Тут палочка-выручалочка не поможет — ведь не имеет она волшебной силы в этом доме. Убежим с тобой вместе! На рассвете спросит у тебя отец: «Какой петух поёт?», а ты ответишь: «Красный!» Через час задаст он тебе такой же вопрос, а ты ответишь: «Черный!» Тогда и бежать можно.

Всё запомнил Бернардинет и стал назначенного часа ждать. До того ему было страшно в этом большом тёмном доме, что не сомкнул он глаз всю ночь. Да и какой сон, если жизнь его на волоске висит! И вот, когда заглянул в окна бледный рассвет, пропел вдалеке петух. Крикнул тут Драк на весь дом:

— Бернардинет, какой петух поёт?

— Красный!

И снова воцарилась в доме тишина. Прошёл час, и услышал Бернардинет тот же вопрос:

— Бернардинет, какой поёт петух?

— Чёрный! — отозвался мальчик, встал и потихоньку оделся.

А Солнышко уж здесь, рядом.

— Теперь в путь! — шепнул Бернардинет, но Солнышко приложила палец к губам и замотала головой: ещё, мол, не время. Взяла она прялку и на свою кровать положила, а на кровать Бернардинета — веретено.

— По моей воле будут они отвечать как надо! — объяснила она Бернардинету.

Потом вылезли они из окошка и, не оглядываясь, побежали в лес, подальше от страшного людоеда.

А Драк, ни о чём не догадываясь, снова через час крикнул:

— Эй, Солнышко, вставай!

— Сейчас встану, — ответила прялка.

— Эй, Бернардинет, вставай!

— Сейчас встану, — отозвалось веретено.

Подождал Драк немного и, не дождавшись их, крикнул ещё громче:

— Вставай, противная девчонка!

— Встаю я, встаю!

— Мигом вставай, Бернардинет!

— Встаю я, встаю!

— То-то, — недовольно пробурчал Драк и сладко зевнул.

Прошло ещё четверть часа, а Солнышко и Бернардинета всё нет и нет. Разозлился Драк, вскочил с постели и бросился в комнату дочери. А кровать-то пустая, лежит на ней вместо дочери прялка! Замер Драк на месте от негодования, рот раскрыл, слова вымолвить не может. Когда же пришёл в себя, бросился к Бернардинету. А там вместо мальчишки старое веретено на постели лежит.

Схватился глупый Драк за голову, от ярости клок волос выдрал, затряс кулаками и завопил на всю округу.

Прибежала жена, увидела пустые постели и так и всплеснула руками:

— Ну и Бернардинет, ну и хитрец! Впрочем, и дочка наша не лучше. А ты-то что стоишь столбом? Догони их скорей и верни домой!

Схватил Драк палицу и вслед за беглецами помчался.

А беглецы тем временем далеко уже были. Сами пони-

маете, что торопились они. Лишь у какого-то озерца передохнуть решили. Солнышко стала маргаритки собирать, а Бернардинет на траву прилёг. Через какое-то время глянул он на дорогу да как вдруг подскочит:

— Смотри-ка, Солнышко! Твой отец появился! Пропали мы!

А Солнышко ему в ответ:

— С моей палочкой нечего нам бояться... Палочка, палочка, моя выручалочка, преврати Бернардинета в селезня, а меня — в утку.

Подбежал Драк к озерцу и видит: скользят по зеленоватой воде селезень и утка.

— Куда это они исчезли? Я же сам их видел издали, — пробормотал Драк и, повернувшись к селезню и утке, спросил: — Эй, вы, не видали ли здесь двоих ребят?

А те ему в ответ:

— Кря! Кря! Кря!

— Тьфу, заладили свое дурацкое «кря-кря». От вас и толка не добьёшься! — махнул рукой Драк и домой вернулся.

Увидала его жена и удивилась:

— А где же Солнышко и Бернардинет? Неужто ты не нашёл их?

— Не нашёл. Издали я как будто увидел их, но, пока добежал, они как в воду канули. Я уж и селезня с уткой расспрашивал, да ничего от них не добился.

— Эх, глупая твоя голова! Ведь это и были они. Беги назад и без них не возвращайся!

Кинулся Драк к озерцу, да напрасно — не было уже на том месте ни селезня, ни утки. Вскипел тут от гнева Драк, швырнул оземь свою палицу и пошёл дальше беглецов разыскивать.

Да разве сыщешь их? Солнышко тем временем обернулась синицей, а Бернардинета превратила в щегла. Отлете-

ли они подальше в лес, уселись на ветках и давай петь — друг с другом переговариваться.

А Драк тоже по этому лесу шёл. Устал он и хотел уж было повернуть домой, как вдруг услышал птичьи трели. Остановился он и спрашивает:

— Эй, пичуги лесные, не видали вы двоих ребят?

— Чиу-чиу-сан! Чиу-чиу-сан! — залились трелью птицы.

— Ах бестолковые! Только и знают своё «чиу-чиу-сан»...

Вернулся он домой, рассказал жене про птиц, а та как набросится на него:

— Дурень ты, дурень! Ведь это они и были! Беги обратно!

Но заупрямился Драк и ни в какую: не пойду, мол, больше, пусть что хотят, то и делают.

Долго препирались муж с женой, но всё-таки сдался Драк и нехотя обратно поплёлся. Шёл он на этот раз не спеша и, конечно, знать не знал, что заметили его Солнышко и Бернардинет ещё издали. Тут превратилась Солнышко в мостик, через ручей перекинутый, а Бернардинет — в перила у мостика.

Подошёл Драк к ручейку, поднял голову и удивился: ведь хорошо он знал эти места, а мостик с перилами впервые увидел. Долго он смотрел на него и наконец-то сообразил, что это новая хитрость его родной дочки.

— Вот и настиг я вас, беглецы-обманщики! — злобно расхохотался Драк. — Теперь и расплачивайтесь! На этот раз вам от меня не уйти.

Но только хотел Драк за перила ухватиться, как исчезли вмиг и перила и мостик, а на лугу, откуда ни возьмись, оказались бык с белым пятном на лбу и зелёная пучеглазая лягушка. Может, и обошлось бы всё по-хорошему, если б не обронила Солнышко в ручей свою палочку-выручалочку.

Заметил Драк палочку, выхватил из воды и захохотал пуще прежнего:

— Вот она, палочка-то! Теперь что хочу, то и сделаю с вами! Нет, смерти я вас не предаю, а накажу пострашнее. Ты, Бернардинет, будешь ходить в быках целых десять лет, а потом забудешь своё ясное Солнышко, словно и не было её на свете. Ты же, дочка, за своё непослушание десять лет и ещё один год в лягушках попрыгаешь. Вот так-то!

Сунул он палочку-выручалочку в карман и был таков.

Погоревали тут Бернардинет и Солнышко, но делать нечего — не в их силах было снять с себя заклятье Драка. Почти десять лет провели они вместе на этом лугу и ни разу за это время не разлучались. Лишь однажды, к концу десятого года, решил бык побродить по окрестным густым лесам. Бродил он, бродил да и заблудился. Что ж тут удивительного, такое с кем угодно случается.

Долго он отыскивал знакомый луг, но так и не нашёл. А тут и десятый год миновал, и обернулся бык стройным, красивым юношей. Обрадовался Бернардинет, что обрёл наконец человеческое обличье, вмиг забыл свою верную подругу и ушёл один в далёкие, неведомые края.

Очень тосковала лягушка, когда исчез в лесах её Бернардинет. Но прошёл ещё год, и превратилась Солнышко из зелёной, пучеглазой лягушки в юную красавицу. Всё бы хорошо, да никак не могла забыть Солнышко своего Бернардинета. Тогда-то и отправилась она в те далёкие края, где затерялся её друг. Знать, подсказало ей сердце, куда надо идти.

Много она исходила дорог, во многих городах и селениях побывала, но Бернардинета так и не нашла. Совсем уж отчаялась Солнышко, и вот как-то раз остановилась она возле дома булочника отдохнуть и видит — идёт свадебная процессия. Глянула она на жениха да так и обмерла: жених-то не кто иной, как её Бернардинет.

Едва прошла процессия мимо, опомнилась тут Солнышко, подбежала к булочнице и попросила у неё кусочек теста. Отказала ей булочница: нет, мол, у неё теста, и лишь после слёзных просьб нашла всё-таки в квашне маленький комочек теста.

Схватила Солнышко тесто, вылепила из него двух крошечных голубей — голубя и голубку — и что-то зашептала над ними.

И вдруг ожили голуби, полетели прямо к жениху и невесте. Летают над их головой, кружат... Вот голубь-то и говорит голубке:

— Гур-гур-гур... Поцелуй меня, голубка.

— Гур-гур-гур... Не поцелую я тебя, — отвечает голубка. — Всё равно забудешь ты обо мне, как Бернардинет о своём Солнышке. Вон стоит у ограды его Солнышко, а он её словно и не видит. Совсем её забыл!

Услыхал Бернардинет их воркование и тут же всё вспомнил. Значит, оказалась любовь сильнее колдовских чар! Оставил Бернардинет невесту и к любимой своей подруге подбежал, крепко обнял её, усадил на коня и умчались они прочь, неизвестно куда.

Да и не важно, куда они умчались, где жили и что делали. Известно лишь, что с той поры никогда они не разлучались и были счастливы до скончания дней своих.

**«БЕРНИК,
БЕРНАК!»**

ак-то раз заказал один бедняк сапожнику башмаки и по своей бедности долго не мог с ним расплатиться. Надоело сапожнику напоминать бедняку о долге, вот и говорит он ему:

— Послушай, Жантуанэль, хочешь, я помогу тебе вернуть долг, не заплатив при этом ни единого су?

— Как не хотеть!

— Ну тогда уговоримся так. Должен ты с этой минуты всё время молчать и на все вопросы да расспросы отвечать двумя словами: «берник, бернак». И пока я сам не сниму с тебя этого запрета, молчи! Запомнил?

— Конечно, запомнил. Тверди себе одно и то же: «берник, бернак» — вот и всё, — обрадованно закивал головой бедняк и пошёл к себе домой.

Пришёл он, а жена и спрашивает у него ворчливо:

— Где это ты пропадал, голубчик?

— Берник! — смиренно отвечает ей муж.

— Где? — удивилась она.

— Бернак!

— Ой батюшки! Что это с тобой? Уж не рехнулся ли? — всплеснула жена руками.

Но ничего другого, кроме «берник, бернак», она не услышала. Что тут делать? Бросилась она к соседке и давай жаловаться:

— Ой, горе, горе! Сыплются на мою несчастную голову напасти!..

— Что-нибудь неладное случилось? — полюбопытствовала соседка.

— Ну как же! Муж-то мой вроде с ума тронулся.

— Не может того быть! Ведь был он в полном рассудке. Ошиблась ты, наверно.

— Как это ошиблась, ежели разучился он по-человечески разговаривать. Знай себе твердит одно и то же: «берник, бернак!» И ничего другого от него не добьёшься! Пойдём к нам, вот и убедишься сама, что не ошиблась я.

Согласилась соседка их навестить — ведь это же целое событие в деревне! Пришла она к Жантуанелю и говорит:

— Доброе здоровьечко, сосед! Как живётся-можетя?

— Берник!

— Что ты ерунду болтаешь?

— Бернак!

Так и не добилась соседка от Жантуанеля другого ответа.

Решили тогда женщины сходить к приходскому кюре. Может, он излечит несчастного, вернёт ему разум?

Прибежала жена Жантуанеля к кюре и — бух! — в ноги:

— Ваше преподобие! Ваше преподобие! Пойдёмте скорее к нам домой! Ведь муж-то мой совсем рехнулся!

— Неужто рехнулся? Что-то не верится мне, — усомнился кюре.

— Сами подумайте, ваше преподобие, разве может быть человек в своём уме, коли говорит одно и то же: «берник, бернак»?!

— Вот оно что... Ну, я заветное слово знаю, живо его вылечу! — Господин кюре любил прихвастнуть. — Только это будет стоить десять франков, — добавил он тут же, ибо ещё больше, чем прихвастнуть, любил кюре денежки получать.

Вздохнула тяжело бедная женщина, однако согласилась. И вот пришёл кюре в дом Жантуанеля и говорит:

— Бог в помощь, Жантуанель!

— Берник! — отвечает Жантуанель.

— Что это ты бормочешь, сын мой?

— Бернак! — отвечает Жантуанель.

Как ни пытался кюре образумить Жантуанеля, ничего путного, кроме этих двух слов, от него не услышал. И вскоре вся округа уже знала, что тронулся умом бедняга Жантуанель.

Вот как-то раз идёт кюре по деревне и встречает сапожника.

— Добрый день, ваше преподобие, — поклонился ему сапожник.

— Здравствуй, здравствуй!

— Какие новости в нашем приходе, ваше преподобие?

— Никаких, голубчик, кроме одной. Ты, конечно, знаешь, что рехнулся бедняга Жантуанель?

— Рехнулся? — будто удивился сапожник.

— Ну да, умом тронулся. Только и знает, что твердит: «берник, бернак».

— Ха-ха-ха! Жантуанель такой же сумасшедший, как я или вы, ей-ей!

— Не болтай глупостей, сын мой!

— Какие же это глупости, коли в полном он рассудке!

— Да что ты со мной споришь! Готов об заклад побиться, что Жантуанель свихнулся.

— А я говорю — нет! Спорим?

— Давай... На сколько поспорим?

— На десять франков.

— Мало! Давай на пятьдесят, — не удержался господин кюре.

— Идёт!

Побившись об заклад, отправились тут же кюре и сапожник к Жантуанелю. Пришли, а сапожник и говорит:

— Здорово, должничок! — И шепчет ему на ухо: — Можешь теперь говорить.

— Уф! — облегчённо вздохнул Жантуанель. — Долго что-то не приходил ты ко мне! Думается, что обошлись мне башмаки куда дороже, чем они того стоят.

— Э, пустяки... Лучше спроси, во что они обошлись господину кюре.

Побагровел от досады кюре, швырнул на стол пятьдесят франков и ушёл не прощаясь.

А когда узнали в округе, как ловко попался господин кюре, до того все хохотали, что, говорят, даже в Париже слышно было.

БЕЛЫЙ ДРОЗД,
ХРОМОЙ МУЛ И КРАСАВИЦА
С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

Жил в городе Труа один купец. Дела у него шли славно, и все бы хорошо, да не было у него детей. И надумал он усыновить мальчика-сироту. Назвали приёмыша Франсуа. Родители сразу полюбили мальчика, а на другой год у жены купца родились близнецы, и стал купец отцом троих детей — троих сыновей.

Время летело быстро, и, незаметно как, три сына стали уже взрослыми юношами, а купец, незаметно как, состарился. Задумался он, кому же своё дело передать? Ведь чтобы торговлю вести, надо смекалку иметь и с людьми умеючи разговаривать, а пуще всего честность блюсти.

Кто же из троих сыновей ему в деле наследует?

Решил купец испытать их. А надо вам сказать, неизвестно почему, но любил он больше своего приёмыша Франсуа, — может, потому, что был он и смел, и быстр, и чистосердечен. И всё-таки купец хотел поступить по справедливости, а потому ждал случая, чтобы проверить своих сыновей.

Долго ждать не пришлось. Привёз ему один засезжий гость интересную весть, что живёт в чужедальной стороне диковинная птица по прозванию Белый дрозд: кто её пение услышит, тот от всех недугов тут же излечится. А какой недуг хуже старости? И захотелось купцу старость одолеть, а заодно вот и верное испытание для молодых людей.

Позвал он к себе своих сыновей и рассказал им про Белого дрозда. Братья мешкать не стали и тут же собрались в дорогу. Поначалу все трое ехали вместе, но у развилки дороги близнецы распрощались с Франсуа и повернули своих коней в другую сторону: мол, не по пути им с каким-то там приёмышем.

Франсуа давно заметил, что недолюбливают его братья, и набиваться им в попутчики не стал, а поехал дальше один и, куда ни приезжал, всюду спрашивал: не видал ли кто чудесную птицу Белого дрозда? Но никто не видал и даже не слышал о ней.

А братья тем временем из города в город переезжали, но не потому, что птицу заветную искали, а в погоне за новыми развлечениями. И постепенно все отцовские денежки, какие щедрый купец дал им на дорогу, растаяли. Своих коней братья-близнецы сразу продали, и теперь им не на чем было даже домой вернуться. Пришлось им по дорогам бродить, попрошайничать.

Долго ездил по свету Франсуа и как-то раз заехал в дремучий лес. У корней могучего дуба увидел он хитрый капкан, а в капкане серого волка. Мечется волк в капкане, а вырваться не может. Пожалел его Франсуа и выпустил на волю.

Ох, не зря ли выпустил Франсуа серого волка на волю? А что, если волк возьмёт да съест его? Кто тогда Белого дрозда доброму купцу раздобудет?

Да нет, не зря! О добрых поступках никогда не жалеете. Едва волк вырвался на волю, как хвостом махнул и был таков.

А на другой день повстречал Франсуа в лесу рыжего лисёнка.

— Куда путь держишь, Франсуа? — спросил его лисёнок. Удивился Франсуа, откуда лисёнок знает, как его зовут,

но ничего на этот счёт не сказал, а поведал ему свою заботу:

— Да вот хожу по свету, ищу Белого дрозда. Кто его неение услышит, тот вмиг от всех недугов излечится: и от старости и от всех болезней. Ты, случайно, не слыхал о таком?

— Как же, как же! — говорит лисёнок. — Всё знаю. Этот дрозд живёт в королевстве Трёх Зелёных Холмов. Им правит король, который никогда в жизни не болел, потому что по утрам в его дворце поёт-разливается этот самый Белый дрозд. Только путь в королевство Трёх Зелёных Холмов далёкий и опасный.

— Я не боюсь, — говорит Франсуа. — За Белым дроздом я хоть на край света поеду.

— Тогда слушай...

И лисёнок поведал Франсуа, как попасть в королевство Трёх Зелёных Холмов.

— А когда доберёшься туда, — сказал лисёнок, — наймись к королю в работники. Он тебя примет, я знаю. Белого дрозда он держит в клетке, что висит в большом зале. Если дрозд будет в серебряной клетке, ты хватай его — и скорей на коня да в обратный путь. А если в золотой, ты его не трогай. Помни!

Так всё Франсуа и сделал. Нашёл королевство Трёх Зелёных Холмов, нанялся к королю в работники и стал ждать случая, чтобы прокрасться в большой зал, где держали в клетке Белого дрозда. Но вот досада: то стража у дверей в зал всю ночь стоит, а то балы король даёт и в зале танцуют до самого рассвета.

Наконец выдалась одна тихая ночь, когда все во дворце заснули, даже стража, и Франсуа проскользнул незаметно в зал. В окно заглянула луна, и Франсуа увидел в клетке Белого дрозда. В серебряной клетке, вот удача! А рядом висела золотая клетка, пустая.

— Эх, жаль, Белый дрозд в серебряной клетке, — вздохнул Франсуа. — В золотой бы красивой и богаче! Пересажуюка я его в золотую клетку!

Совсем забыл он наказ рыжего лисёнка и пересадил Белого дрозда в золотую клетку. Но только он защёлкнул клетку, дрозд вдруг очнулся, встрепнулся, крыльями захлопал и громко запел. Тут стража проснулась и схватила Франсуа. Такой переполох начался, сбежались все придворные и даже сам король.

— Ах ты разбойник! — закричал король. — Хотел моего Белого дрозда украсть? Казнить тебя мало за такое своевольство!

— Что вы, ваше величество, — отвечал, запинаясь, испуганный Франсуа. — Мне только страсть как захотелось полюбоваться, каков он в золотой-то клетке.

— Никак, полюбился тебе мой Белый дрозд? — говорит король. — А хочешь, я тебе его подарю? Но только если ты приведёшь мне хромого мула, что шагает семимильными шагами. По рукам?

Ударили по рукам. А что оставалось делать бедному Франсуа? И снова он пустился в путь искать хромого мула.

Долго бы он искал, а может, и вовсе не нашёл, кабы не повстречался ему опять рыжий лисёнок. Франсуа хотел было спрятаться от него, уж очень стыдно ему было, но лисёнок его сам окликнул:

— Ну что, Франсуа? Опять в путь-дорогу? Вот не послушался моего совета, теперь пеняй на себя.

— И не говори, — согласился Франсуа. — Сам не знаю, что со мной случилось. Так захотелось мне посадить дрозда в золотую клетку, что обо всём на свете я забыл. А теперь вот должен привести королю хромого мула, не то не видать мне больше Белого дрозда и родного дома.

— За то, что чистосердечно ты во всём признался мне,

я тебя ещё больше люблю, — сказал лисёнок. — И постараюсь ещё раз тебе помочь. Только делай всё, как я скажу. Хромой мул живёт в королевстве Семи Зелёных Холмов. Путь туда далёкий и опасный. Когда ты попадёшь туда, попросись к королю на службу, в конюхи. Там ты и увидишь хромого мула, что шагает семимильными шагами. Так вот, если будет на нём серебряная сбруя, ты, не мешкая, садись верхом и скачи назад в королевство Трёх Зелёных Холмов. А если золотая, ты его не трогай. Запомнил?

И пустился Франсуа опять в далёкий путь. Добрался до королевства Семи Зелёных Холмов и нанялся во дворец конюхом. Коням овёс задавал, чистил их, холил, а сам всё на хромого мула поглядывал, в какой он сбруе — серебряной или золотой? Но мул без всякой сбруи стоял, отдыхал. Со всем истомился Франсуа в ожидании. И вот как-то вечером видит он: надели на мула серебряную сбрую. Значит, пробил заветный час!

Подошёл Франсуа к мулу, по холке его потрепал. Мул покосился на него, но не шелохнулся. И вдруг словно что накатило на Франсуа: представил он себе хромого мула в золотой сбруе. До чего ж это, наверное, красиво! И, как на грех, золотая сбруя тут же в конюшне висит, поблёскивает. Забыл всё на свете Франсуа, сорвал с мула серебряное седло и хотел было надеть вместо него золотое, да мул тут копытами как забьёт, во весь голос как заревёт. Сбежались в конюшню и конюхи, и придворные, и сам король.

— Ах, злодей! — закричал на Франсуа король. — Ты моего мула надумал украсть? Казнить тебя мало за такое самоуправство!

— А вот и нет, — нашёлся что ответить Франсуа, — просто захотелось мне полюбоваться на него в золотой сбруе, только и всего-то.

— Верно, мул мой хорош! И в сбруе и без сбруи. А хо-

чешь, я подарю его тебе? А ты за него привези мне красавицу с золотыми волосами.

— Где же я её возьму, ваше величество?

— Это уж твое дело! Привезёшь красавицу — и мул твой.

И пустился бедный Франсуа опять в путь. Что ж, сам виноват. Зачем лисёнка не слушался? Был бы у него теперь хромой мул, поменял бы он мула на Белого дрозда и ехал бы сейчас с Белым дроздом домой.

— Эй, Франсуа, что голову повесил? — услышал он вдруг.

Оглянулся и видит — бежит к нему знакомый лисёнок. Так и так, всё рассказал ему Франсуа и себя поругать не забыл. За это лисёнок его похвалил, а за то, что не послушался, отчитал.

— В последний раз помогу тебе, — сказал лисёнок. — Теперь твоя удача в твоих руках: ошибёшься — и нет её, улетит, как Белый дрозд, убежит за семь миль, как хромой мул, и тогда уж её не поймает. — И лисёнок рассказал Франсуа, что ему надо делать: — Скачи к синему морю, там посреди моря замок стоит, в нём и живёт красавица с золотыми волосами. Стерегут её злые чудовища. Не одолеть их ни одному герою. Но я дам тебе волшебную палочку, смотри не потеряй её! Когда прискачешь к синему морю, прислушайся. Если красавица запела грустную песню, стукни три раза палочкой, приговаривая: «Расступись предомной пучина морская!» Волны расступятся, и ты посуху пройдёшь к замку. Ну, а там уж не зевай! Но помни: волшебная палочка тебе поможет, только если ты услышишь, как поёт красавица с золотыми волосами, потому что она поёт, когда все её стражи крепко спят. Понял?

Как не понять! Схватил Франсуа волшебную палочку и поскакал к синему морю. Вот так так, и спасибо лисёнку не сказал? Что вы, конечно, сказал, только некогда нам на этом задерживаться, нам надо следом за Франсуа спешить

к синему морю, где томится в неволе красавица с золотыми волосами. Ну, как вы думаете, сдержит на этот раз своё обещание Франсуа, послушается рыжего лисёнка?

А вот посмотрим!

День и ночь скакал Франсуа к синему морю, и ещё день и ночь, и ещё много дней и ночей. Наконец увидел он посреди моря скалу, а на скале — мрачный замок. Схватился он за волшебную палочку и...

К счастью, не успел он ударить по земле этой палочкой, как услышал вдруг издали грустную-грустную песню. То пела красавица с золотыми волосами, заточённая в замке посреди моря. Услышал Франсуа песню, вот тут-то и ударил три раза по земле волшебной палочкой, приговаривая:

— Расступись предо мной пучина морская! Расступись предо мной пучина морская! Расступись предо мной пучина морская!

Расступилось пред ним синее море, отхлынули высокие волны, и Франсуа по морскому дну к замку на коне поскакал. Увидала его красавица и несказанно обрадовалась: уж и не чаяла она, что снова на волю вырвется. Протянула она руки к Франсуа, а слова вымолвить не может, боится разбудить страшных чудовищ. Вместо шерсти на спине у чудовищ иглы острые, а из каждой пасти зубы кривые торчат, словно сабли. Но Франсуа на чудовищ и смотреть не стал, подхватил красавицу с золотыми волосами, посадил на коня и к берегу поскакал.

Услышали чудовища цокот конских копыт, вмиг проснулись и в погоню за Франсуа бросились. Но Франсуа вместе с красавицей уж до берега доскакал. И только конь его на землю ступил, как сомкнулись у них за спиной высокие волны, зашумело, заревело синее море и навек поглотило мрачный замок и всех чудовищ.

Ну, а Франсуа назад в королевство Семи Зелёных Хол-

мов поскакал. И красавица с золотыми волосами, само собой, вместе с ним. Всё так хорошо обошлось на этот раз! Но вот странно: чем ближе к цели, тем печальней на душе становилось у Франсуа. Почему же, как думаете?

— Знаю почему! — Вдруг, откуда ни возьмись, на дороге у них снова оказался рыжий лисёнок. — Молодец, Франсуа! — сказал он. — На этот раз ты поступил умно. А почему ты грустишь, я знаю. Ты не хочешь расставаться со своей красавицей, ведь верно?

— Верно. Как ты угадал? — удивился Франсуа.

— Ну, угадать — дело нехитрое. А вот как тебе дальше поступать, чтобы и Белого дрозда получить, и мула у себя оставить, и с красавицей не расставаться, тут подумать надо.

И вот что посоветовал лисёнок Франсуа:

— Как приедешь ты в королевство Семи Зелёных Холмов да обменяешь златокудрую красавицу на хромого мула,

ты попроси у короля разрешение поцеловать красавицу на прощанье. Ведь как-никак это ты спас её от чудовищ и привёз в королевский замок. Король тебе не откажет. А когда принцесса к тебе подойдёт, ты вмиг сажай её на хромого мула и скачи без оглядки. Пока король опомнится, вы уже за семь миль будете.

Франсуа поблагодарил лисёнка за добрый совет.

— Спасибо, лисёнок, — сказал он, — ты нам верный помощник в любви. Не знаю, как и благодарить тебя.

— Ты меня уже отблагодарил, а как, потом узнаешь.

Поскакал Франсуа со своей возлюбленной во дворец владыки Семи Зелёных Холмов. Как увидел король красавицу с золотыми волосами, так и ахнул — в жизни подобной красавицы не видел! С радостью обменял король хромого мула на златокудрую красавицу и поспешил с Франсуа распрощаться. А Франсуа ему и говорит:

— Дозвольте мне, ваше величество, поцеловать напоследок красавицу. Ведь как-никак, а это я спас её от страшных чудовищ и к вам во дворец привёз.

Только усмехнулся король, перечить не стал. А Франсуа подъехал на хромом муле к красавице, наклонился к ней, будто хотел поцеловать на прощание, и — хоп! — подхватил её в седло, и не успел король опомниться, как мул уже семью семь миль проскакал. Так остался владыка Семи Зелёных Холмов в дураках. Что ж, не зевай!

А наши герои той порой неслись к далёкому королевству Трёх Зелёных Холмов.

— Получайте мула, ваше величество! — сказал Франсуа королю, когда они туда прискакали. — А мне дайте Белого дрозда в серебряной клетке, по уговору.

Но король как увидел красавицу с золотыми волосами, так ни о чём другом слышать не захотел, а твердил только:

— Я тебе Белого дрозда, а ты мне златокудрую красавицу! А не хочешь, уходи! Скачи на своём хромом муле за семь миль.

Вот вам и честное королевское слово!

Но Франсуа спорить не стал, а велел поскорее принести клетку с Белым дроздом. Получил заветного дрозда, сел верхом на хромого мула и говорит:

— Дозвольте мне, ваше величество, поцеловать напоследок красавицу. Ведь, как-никак это я спас её от страшных чудовищ и к вам во дворец привёз.

Ну, король нехотя согласился. А Франсуа наклонился к красавице, будто хотел поцеловать её на прощание, и — хоп! — подхватил её, посадил перед собой на мула, и не успел король опомниться, как хромой мул уже семью семь миль проскакал.

Едут Франсуа и красавица лесами и полями, путь домой

держат, счастливой своей удаче радуются. Но не рано ли они радуются?

Однажды повстречались им на дороге двое нищих. Попритерев мула Франсуа, чтобы с ними поговорить, смотрит, — да это его же братья-близнецы. «Да-а, вот как с ними злая судьба посчиталась!» — подивился Франсуа. Сжалось у него сердце от горя, и он окликнул братьев. Те подошли поближе и тут же узнали своего приёмного брата.

— Никак, Франсуа! — обрадовались они. — И клетка с Белым дроздом, и красавица с золотыми волосами. Ну и счастливчик ты, братец!

А Франсуа увидел, какие они драные, грязные, и не стал их ни о чём расспрашивать: и без того понятно было, что не впрок пошли братьям отцовские денежки. Посадил он их вместе с собой на хромого мула, и поспешили они к родному дому. Невдомёк ему было, что снедает братьев-близнецов злая зависть. Подумать только, какой-то там приёмных их обскакал и теперь он перед отцом предстанет героем, а сами они навсегда посмешищем останутся, малых детей их именем дразнить будут. Нет, не бывать этому!

И вот, когда проезжали они мимо глубокого колодца, пожаловались братья, что мучит их жажда, и попросили Франсуа принести кувшин воды, чтобы напиться. Отвязал Франсуа от седла кувшин и хотел уж было на землю спрыгнуть, да красавица шепнула ему на ухо:

— Не слезай с мула! Не оставляй меня одну с ними!

— Да чего тебе бояться? Это же мои братья! — усмехнулся Франсуа, на землю с мула спрыгнул и к колодцу с кувшином направился.

Но братья времени не теряли и следом за ним пошли. Когда склонился Франсуа над колодцем, они подтолкнули его, и полетел Франсуа вниз. Хорошо ещё, что не разбился

и водой не захлебнулся, только вылезти никак не мог, слишком уж глубокий колодец.

Вернулись братья без Франсуа, вскочили на мула и к отцовскому дому поскакали.

Бедный Франсуа всю ночь в колодце просидел, а наутро туда заглянул... ну кто, как вы думаете? Да конечно, рыжий лисёнок, без него совсем бы пропасть Франсуа. Да и нашей сказке быстро конец бы пришёл, кабы не шустрый лисёнок, умный советчик и щедрый помощник.

— Как ночь провёл в глубоком колодце? — спросил он у Франсуа. — Наверх хочешь выйти?

Как не хотеть! Обрадовался Франсуа, от волнения слова вымолвить не может. А лисёнок опустил в колодец свой длинный рыжий хвост, Франсуа ухватился за кончик и вылез наверх.

— Как мне только благодарить тебя? — спрашивает он лисёнка.

— Да ты уже отблагодарил! — говорит лисёнок. — Помнишь серого волка, которого ты выпустил из капкана? Так знай, Франсуа, то был мой старший брат. Это он послал меня, чтобы я помог тебе. Вот я и помогал. А теперь ты всю науку жизни прошёл, помощь моя тебе больше не нужна, так что давай попрощаемся с тобой. Тебе домой спешить надо!

Что тут было возразить? Чудеса, да и только! Но Франсуа уже привыкать начал к чудесам разным. Подивился он только на редкую волчью благодарность. Вот это и впрямь чудо...

Прощался он с рыжим лисёнком и поспешил домой.

А дома всё отец пытался у близнецов, что стряслось с их старшим братом, куда он подевался? Но те знай отнекиваются: мол, ничего не знают и не ведают, брат-де давно от них отделился и своей дорогой поехал удачи искать.

Да, вот как отвечали отцу братья-близнецы. А тут, словно гром среди ясного неба, явился домой Франсуа. Купец даже прослезился от радости, а потом поведал ему все новости:

— Знаешь, сынок, и твои братья тоже домой вернулись. Великая удача им выпала! Только не знаю, как и расценить её. Привезли они с собой Белого дрозда в серебряной клетке, да не поёт дрозд, сидит в углу клетки нахохлившись. Ещё мула хромого они с собой привели. Мы его и сеном, и овсом кормим, а он всё равно бегать не хочет, стоит день-деньской в стойле, копытами бьёт и ревёт дурным голосом. А на муле том приехала к нам красавица с золотыми волосами. Кто она и откуда, ничего я не знаю, потому что молчит она, слова вымолвить не хочет и есть отказалась. Вот какие славные подарки я получил от моих близнецов.

— Не печалься, отец, кажется, я знаю, как исправить дело. Проводи-ка меня сначала на конюшню.

Как только подошёл Франсуа к хромому мулу и погладил его по холке, вострепнулся мул, весело хвостом себя по спине хлопнул. Франсуа сел на него верхом, шепнул на ухо слово заветное, и поскакал мул, вмиг из глаз скрылся, лишь облако пыли за собой оставил. Не успел купец такому чуду подивиться, а мул уж обратно прискакал.

— Да, хромой, а быстрый! — похвалил мула купец.

— Проголодался я что-то с дороги, — говорит Франсуа, — семь миль туда да семь миль обратно мы с ним проскакали в один миг. Неплохо было бы сейчас и отобедать.

Когда сели все за стол, купец попросил пригласить и красавицу с золотыми волосами. Еле уговорили её выйти к столу; но только она увидела Франсуа, весело рассмеялась и завела с ним разговор. Ещё больше подивился купец. А когда обед кончился, все вышли в сад, где в серебряной клетке сидел нахохлившись Белый дрозд. Франсуа

пощелкал перед ним пальцами, и тут Белый дрозд встрепенулся и звонко запел. А купец почувствовал себя вдруг молодым и счастливым.

Только одна печаль ещё тревожила его сердце: выходит, обманули его сыновья-близнецы. Спросил он своего приёмыша Франсуа, как всё получилось, но Франсуа не захотел позорить своих братьев, а посоветовал им уйти из отцовского дома куда глаза глядят.

А на другой день в доме купца весело отпраздновали свадьбу Франсуа и красавицы с золотыми волосами. Я сам на их свадьбе был, песни Белого дрозда слышал, и с тех пор ничего у меня не болит и старость меня не берёт. Вот и дожил я до наших дней, потому вы и услышали от меня эту историю.

НЕВЕДОМЫЙ ЗВЕРЬ

Как-то раз в давние времена купили чёрт с крестьянином маленькую ферму. Ферма-то маленькая, а работы всё равно много. Ну как её поделить? Вот чёрт и говорит крестьянину:

— Послушай, ты будешь землю обрабатывать, а я — насылать на поля дождь и солнце. И вырастим мы богатый урожай!

— Думаешь, вырастим? Богатый? А как его делить будем?

— Ха... — ухмыльнулся чёрт. — Ну, уж это проще простого: один получит вершки, другой — корешки. Вот и будет всё по справедливости.

— Думаешь, по справедливости? — не поверил крестьянин. — А сам ты что хочешь получить: вершки или корешки?

— Возьму, пожалуй, корешки.

— Что ж, значит, мне вершки достанутся.

Так и уговорились. Обрадовался чёрт: «Ловко я обвёл вокруг пальца этого простофилю. Пусть-ка погнёт он на поле спину, а я пока побездельничаю. Ха-ха-ха!..»

Посадил той порой крестьянин пшеницу. Прогремели грозы, обогрело землю своим теплом солнышко, и выросли на поле золотистые колосья пшеницы. Трудился крестьянин не покладая рук, а когда подошло время жатвы, припожаловал тут чёрт: руки за спину заложены, во весь рот улыбка. Увидал он пшеницу и засмеялся, довольный:

— Ну как дела, труженик?

— Сам видишь, — ответил ему крестьянин. — Значит, хотел ты взять себе корешки, верно?

— Верно! Я слово своё всегда держу, — ухмыльнулся чёрт.

— Тогда получай солому!

Лишь теперь сообразил чёрт, что дал маху. Забрал он солому, почесал затылок и буркнул:

— Надул ты меня ловко, но не очень-то радуйся — все ещё впереди. На следующее лето возьму я себе вершки. Договорились?

— Согласен! Только не забудь про наш уговор.

— Как можно! И солнце и дождь будут вовремя, раз я обещал, — сказал чёрт и поскакал по своим делам.

Весной посадил крестьянин картошку. Неизвестно, посылал ли чёрт на поле дождь и солнце, но доподлинно известно, что больше он ничего не делал. «Очень мне надо в земле копаться, — размышлял он. — Лучше веселиться да проказничать».

Но вот пришло время копать картошку, а чёрт уж тут как тут.

— Ха-ха!... — радовался чёрт. — Ну-ка, друг, давай мне вершки!

— Сделай одолжение, — вежливо ответил ему крестьянин, — забирай себе на здоровье всю ботву.

Поглядел чёрт на поле и чуть не лопнул от злости: ему-то одна пожухлая ботва досталась, а крестьянину — крупные, гладкие картофелины.

— Опять ты меня перехитрил! Ну погоди! Заберу я себе в следующий раз и вершки и корешки.

— Пусть будет по-твоему, — ответил крестьянин и посадил весной на поле кукурузу.

Пришёл осенью к нему чёрт и получил по уговору верш-

ки да корешки, а вернее, корни да сухие стебли. Сладкие же початки крестьянину достались. Таков был уговор!

Обозлился чёрт и давай стращать крестьянина:

— Ишь какой хитрец нашёлся! Смотри, не сносить тебе головы, ежели снова хитрить будешь.

— Да я и не хитрю, господин чёрт. Ты же сам пожелал взять вершки и корешки. Ну я тут при чём? — усмехнулся крестьянин. — Так что не будем ссориться.

— А мы и не ссоримся. Давай лучше посмотрим! Кто выиграет, тому и достанется вся ферма. Вот это будет по справедливости.

— Ну нет! Пока ты тучи по небу гонял да с солнышком переглядывался, я землю пахал, семена сажал, птиц пугал...

— Ладно, ладно... — прервал его чёрт. — Условие, значит, такое: кто камень выше забросит, тому и ферма достанется.

— Что ж, согласен. По справедливости так по справедливости. Только первым будешь бросать ты.

Подобрал чёрт на поле камень, да как швырнёт его вверх! Улетел камень высоко-высоко, так высоко, что показался он в небе маленькой чёрной точкой.

— Ну как, здорово? — похвастался чёрт.

— Неплохо, неплохо, — согласился крестьянин. — А мне надо домой сбегать, там у меня особый камень хранится.

— Ладно, только долго не задерживайся, — милостиво согласился чёрт.

Побежал крестьянин домой, поймал во дворе ласточку и, держа её в кулаке, мигом на поле вернулся.

— Теперь мой черёд. Гляди!

Размахнулся крестьянин и бросил ласточку в небо. Взметнулась она вверх и сразу же в необъятной выси исчезла. Не успел чёрт и разглядеть хорошенько, что это за «камень» такой. Вздохнул он и говорит крестьянину:

— Проиграл я тебе, это верно. Но, как хочешь, не уступ-

лю я тебе ферму без последнего спора-испытания. Давай встретимся завтра утром на лугу, и пусть приведёт туда каждый из нас какого-нибудь неведомого зверя. Кто не угадает, что это за зверь, тот и с фермой распрощается.

— Можно и так, — согласился крестьянин и поспешил домой.

Согласиться-то он согласился, но где найдёшь такого неведомого зверя, какого бы чёрт не признал? Рассказал он жене про свою заботу, а та только смеётся в ответ:

— Ну и дурни вы оба, особенно этот лохматый лодырь! Да ладно, муженёк, не печалься. Постараюсь я придумать, чтоб осталась ферма за нами.

Рано утром жена обмазалась вся с головы до пят мёдом, а потом, распоров перину, в пуху вывалялась. Глядя на неё, чуть не лопнул от смеха крестьянин.

— Ну и страшилище! Ну и зверюга!

— То-то! Говорила я тебе, что чего-нибудь да придумаю. Теперь никакой чёрт нам не страшен.

И пошли они к чёрту на свидание. Но, не дойдя до луга, спрятались под мостом и стали чёрта ждать-поджидать.

— Так оно лучше, — рассудила жена. — Сначала поглядим на его зверя, а потом уж и объявимся.

Не прошло и минуты, как появился, словно из-под земли, чёрт на каком-то звере: на лбу у того витые рога торчат, с подбородка длинная борода свисает, тело бурой шерстью покрыто, а копыта так и цокают по дороге: цок-цок-цок... Скачет чёрт по мосту и всё покрикивает:

— Гоп, гоп, вперёд! Гоп, гоп, вперёд!

Подтолкнула жена крестьянина локтем и что-то прошептала ему на ухо. Выскочил тут из-под моста крестьянин и кричит чёрту вдогонку:

— Эй, стой, чертяка!

— А, это ты! — остановился чёрт. — Ну, коли уж мы встретились, скажи мне: что это за зверь у меня?

— Разве это зверь! — пренебрежительно отозвался крестьянин. — Да это же самый обыкновенный горный козёл.

— А ведь верно! — поразился чёрт. — Как ты догадался?

— Ха-ха-ха! Как догадался, про то знать тебе не положено, — рассмеялся крестьянин. — А теперь скажи, кого я к тебе привёл?

И вывел из-под моста свою жену-пугало. Взглянул чёрт на неё и обомлел от неожиданности: сроду не видал он такого диковинного зверя. Обошёл он его кругом раз, другой, но так ничего и не понял.

— Что за диковинный зверь, ума не приложу. Весь в пуху и стоит на четырёх лапах. Нет, не могу я тебе сказать, что это за зверь. Ладно, забирай ферму, но на будущее лучше не попадайся мне на пути!

Вскочил раздосадованный чёрт на козла и умчался прочь, а ферма так и осталась за трудолюбивым, находчивым крестьянином и его женой.

**МАЛЕНЬКИЙ КОЧАН КАПУСТЫ,
КОТОРЫЙ НИКАК НЕ ХОТЕЛ
РАСТИ**

идел на грядке кочан капусты и никак не хотел больше расти.

— Эй, Антуанетта! — крикнул хозяин.

— Что вам?

— Пойди полей кочан капусты.

— Очень надо! Лучше я пойду погуляю.

— Собачонка, укуси непослушную Антуанетту за ногу!

— Лучше я буду грызть кость.

— Ветка, отхлестай хорошенько собачонку!

— Лучше я останусь на дереве.

— Огонь, сожги эту ветку!

— Она слишком зелёная: буду только дымить.

— Вода, загаси огонь!

— Лучше я побегу ручейком/ по цветущему лугу.

— Корова, выпей всю воду из ручейка!

— Не хочу я пить.

— Мясник, зарежь корову!

— Она слишком тощая.

— Смерть, возьми к себе мясника!

— Охотно.

И говорит тогда мясник:

— Сейчас я зарежу корову.

— Лучше я выпью всю воду из ручья, — говорит ко-
рова.

— Сию же минуту загашу огонь, — говорит вода.

— Я мигом сожгу зелёную ветку, — говорит огонь.

— Я тут же отхлестаю собачонку, — говорит ветка.

— Я враз укушу непослушную Антуанетту за ногу, —
говорит собачонка.

— Сию же минуту полью я маленький кочан капусты! —
кричит Антуанетта.

И стал тогда маленький кочан капусты расти и расти...

ПЛОТНИК ИЗ АРЛЯ

Жил-был однажды в городе Арль плотник. Любил он своё ремесло до страсти, ну а кроме прочего, был человеком на диво гостеприимным. И вот как-то раз зашли к нему в дом двое странников. Один из них — толстый, с большой бородой, а другой — маленький, тощенький. Как увидал их плотник, так сразу и смекнул, что никакие они не странники. Бородатый — сам господь бог, а его спутник — святой Пётр, тот самый, у которого ключи от дверей рая хранятся. Ну ладно. Узнал, значит, их плотник, но виду не показал. А пышнобородый-то к нему подошёл и спрашивает:

— Не накормишь ли ты нас, добрый человек?

— С превеликим удовольствием, — отозвался плотник и приготовил для них такой вкусный обед, что после него остались на столе одни пустые тарелки. Насытившись, распустил бог ремень на животе и спросил у плотника, сколько они должны ему за обед.

— Ни единого су, — ответил плотник. — Ведь даже по одежке видно, что пуст ваш кошелёк. Ладно уж, в другой раз сочтёмся.

Удивился бог такой доброте и говорит:

— Коли так, отблагодарим мы тебя иначе. Назови мне три желания, и я непременно их исполню.

Был плотник человеком смекалистым и тут же понял, какой необыкновенный случай ему представился. Задумался он и вдруг слышит, как шепчет ему на ухо святой Пётр:

— Попроси местечко в раю!

Взглянул на него плотник, поморщился и говорит богу:

— Люблю я в карты перекинуться. Вот бы мне всегда в выигрыше быть!

— Что ж, это дело не хитрое. С этой минуты будешь ты всегда выигрывать. Какое же второе твоё желание?

Подтолкнул тут плотника локтем святой Пётр и снова зашептал:

— Не будь дураком! Проси себе местечко в раю!

— Не говори под руку, до рая-то мне ещё далеко, — усмехнулся плотник и, отвернувшись от святого Петра, говорит богу: — Лежит у меня здесь, в углу, здоровенный тук полотна. Вот бы сделать так: кто сядет на него, пусть на нём и сидит до тех пор, пока я сам ему встать не разрешу.

— Хорошо, так и будет отныне. Ну, а какое же третье, и последнее, у тебя желание?

Снова задумался плотник, а святой Пётр просто из себя выходит: всё толкает да толкает плотника локтем:

— Подумай о рае! Проси себе местечко!

— Погоди, не мешай мне...: Вот вам и моё последнее желание. Растёт у меня в саду персиковое дерево. И тот, кто залезет на него, пусть там и сидит, пока не разрешу я ему спуститься.

— Что ж, и это желание исполнится. Ну, а теперь спасибо за хлеб-соль и до свидания.

— До свидания, до свидания... — поклонился плотник.

— До свидания, дурень, во грехах погрязший! — буркнул святой Пётр. — Мы ещё с тобой встретимся, приятель.

И пошли путники дальше, оставив гостеприимного плотника со своими радостями и заботами.

Пробежали годы, постарел плотник, сторбился, и однажды пришла к нему в дом госпожа Смерть.

— Ну, плотник, пожил ты немало на белом свете. Теперь в путь-дорогу собирайся, со мной пойдёшь.

— Подожди минутку, — попросил плотник, — я только переобуюсь. А ты пока вот на этом тюке посиди. На нём мягко.

— Хм... Так и быть, посижу, отдохну. Только время ты не тяни!

Уселась Смерть на тюк полотна и ждёт. Не прошло и минуты, как предстал перед нею плотник.

— Уже готов? — усмехнулась Смерть. — Что ж, идём!

Хотела Смерть с тюка подняться, да не тут-то было! Рванулась она раз, другой, да всё попусту. Так и осталась на тюке сидеть как приклеенная. А плотник руками в бока упёрся и знай себе смеётся-заливается:

— Попалась, Косая! Так что посиди здесь да поразмысли: к кому надо приходить. А я тем временем добрым людям помогу: кому дом поставлю, кому сарай построю, кому дверь или раму сделаю... Забот у меня, как видишь, много.

— Пойми, ведь и меня дела ждут! — говорит Смерть.

— Э, твои дела не спешные, могут и подождать, — махнул рукой плотник.

Поняв, что не собирается старик её отпускать, взмолилась тут Смерть:

— Отпусти меня, миленький! Не помешаю я тебе твоим плотничьим ремеслом заниматься. Уж поверь мне!

— Ну хорошо, отпущу я тебя на все четыре стороны при одном только условии: раньше, чем через сто лет, ко мне и не являйся.

Вздохнула Смерть — жаль ведь упускать плотника! — но всё-таки согласилась. Разрешил ей тут плотник встать с тюка. Вскочила Смерть и умчалась без оглядки.

Прошло сто лет, и снова пришла Смерть к плотнику.

— Здорово, приятель! — расплылась она в улыбке. — Я за тобой, пора и честь знать!

— А, это ты, Косая! Я мигом соберусь, а ты пока вон на то дерево полезай и полакомись сладкими персиками.

— А ведь и верно: хороши у тебя персики!

— Вот и угощайся ими.

Забралась Смерть на дерево и давай лакомиться сочными плодами. Наелась всласть и хотела уже с дерева спуститься, но не тут-то было! Не может она оторваться от ствола, да и только.

Поняла Смерть, что и на этот раз оставил её в дураках плотник.

— Попалась, Курносая! Вот и сиди на дереве.

— Не с руки мне торчать здесь, на дереве-то. Отпусти меня лучше домой, плотник, а я пока тебя не трону.

— Отпущу, но лишь с одним уговором: подаришь мне ещё двести лет жизни, а то не успел я все свои плотничьи дела переделать. Согласна?

— Что ж поделаешь! Согласна.

— Коли так, поклянись, что не явишься ты ко мне раньше срока.

— Клянусь, будь ты неладен!

— Ладно, слезай тогда с дерева и убирайся прочь! Придёшь теперь через двести лет.

— Уж к кому-кому, а к тебе-то непременно наведаюсь, — пробурчала Смерть и тут же исчезла.

Прошло двести лет, и снова припожаловала Косая к плотнику. Однако, чтоб не попасть впросак и на этот раз, пришла к нему ночью. Схватила спящего плотника и потащила его напрямик в рай.

Но в рай плотник не попал. Едва увидел его святой

Пётр, как тут же захлопнул ворота и принялся кричать во весь голос:

— Прочь, нечестивец! Не хотел в своё время место в раю получить, вот и пеняй теперь на себя. Тащи-ка его, Курносая, прямо в ад!

Но вместо ада потащила плотника Смерть сначала в чистилище. И в чистилище его не приняли: не числился он в списках.

Только тогда привела его Смерть в ад. Ну, а в ад, сами знаете, милости просим!

— Заходи, господин плотник, не бойся. Мы всех у себя принимаем, — тут же любезно объяснил ему чертёнок, стоявший у ворот на часах.

— Спасибо за приглашение, придётся мне у вас пожить, — протянул уныло плотник и будто по нечаянности переложил

из куртки в жилетный карман новенькую колоду карт. Заметил это чертёнок и спрашивает:

— Уж не игрок ли ты?

— Ещё бы! На земле-то меня ни в жизнь никто не обыгрывал. Ну, а здесь не до карт, конечно. А жаль!

— Ты небось просто похваляешься, будто всех обыгрывал. Не бывает такого! Врешь ты всё, плотник!

— Вру?! Если хочешь знать, могу я обыграть даже самого сатану!

Приволок чертёнок плотника к сатане и рассказал ему про его похвальбу. Выслушал сатана чертёнка, насунился да как гаркнет на плотника:

— Что такое?! Как смеешь ты похваляться, будто можешь даже меня, сатану, обыграть?

— Не гневайся на меня, господин сатана, но я и впрямь могу тебя обыграть.

— Хм... Смел ты, как я погляжу. Ну давай тогда сыграем. Только на что же ты играть будешь?

— Как видите, нет у меня ничего, кроме души. Вот и поставлю я на кон свою душу. Если выиграете, забирайте душу, а если нет, отпустите меня обратно.

— Ладно, так и сделаем.

И стали они играть. Сначала играли в экарте, потом в марьяж, в три листика, в джокер, и все время сатана в дураках оказывался.

Выиграл плотник последнюю игру, и по уговору выставили его за дверь, а саму дверь на тяжёлый засов задвинули: пусть, мол, этот плотник никогда больше на глаза сатане не попадается, а то не миновать ему беды!

Посидел плотник у самой стены ада, отдохнул и двинулся к воротам рая. Пришёл, постучал.

— Кто там? — отозвался сонным голосом святой Пётр. — А, это ты опять. Наверно, хитростью удрал из ада? Но

напрасно ты сюда явился: места для тебя нет и не будет. Почему ты тогда меня не послушался?

— Откуда же мне было знать, что вы — святой Пётр, — смущённо почесал плотник затылок. — Сжальтесь надо мной, беднягой, позвольте у вас где-нибудь приютиться. Не скитаться же мне в вечности...

— Ну нет, твоё место в аду. Как это удалось тебе оттуда вырваться?

Рассказал плотник святому Петру, как поставил он на кон свою бессмертную душу, как играли они с сатаной, как обыграл он его и как выгнали его из ада, да ещё пригрозили, чтоб никогда обратно не возвращался.

И пока рассказывал плотник, собрались у ворот рая все его обитатели и, слушая весёлую болтовню плотника, со смеху покатывались. До того им плотник понравился, что принялись они упрашивать святого Петра оставить беднягу в раю. Но не согласился с ним святой Пётр и тут же, хлопнув двери, повернул на два оборота тяжёлый ключ.

Поглядел плотник на запертые ворота, плюнул с досады и вернулся к себе домой, к своему верстаку.

Там, наверно, и по сей день живёт и трудится.

А кто хочет в том убедиться, пусть сам в Арль ходит, найдёт там плотника и послушает его весёлые истории.

ПОРОСЁНОК ПО ПРОЗВИЩУ ХИТРЮШКА

Жил-был когда-то у самого подножия горы Беврэ один бедный крестьянин. Был у него клочок земли, такой каменистый, что не росло на нём почти ничего. Но как бы там ни было, построил себе крестьянин птичник.

Целый год трудился он не покладая рук, а к концу года купил утёнка, на следующий год — гусёнка, а ещё через год — маленького весёлого поросёнка. Поросёнок этот был до того шустрый и хитрый, что прозвали его Хитрюшкой.

Все трое — утёнок, гусёнок и поросёнок — жили вместе, ели-пили вместе и отлично меж собой ладили.

Но однажды прикупил себе крестьянин ещё маленький кусочек земли, о котором мечтал уже давно. Землю-то он купил, однако денег у него не осталось, а кроме того, выдался в ту пору голодный год. Вот и говорит он жене:

— Послушай, жена, нечем нам кормить утку, гуся и поросёнка. Придётся их прирезать и съесть.

Услыхал Хитрюшка слова хозяина и бросился бегом к своим товарищам: надо же предупредить о нависшей беде!

Прибежал он к ним и, не переводя дыхания, выпалил:

— Задумал хозяин лишить нас жизни! А коли так, бежать надо отсюда! Видите вон ту высокую гору, всю лесом поросшую? Вот и спрячемся мы там, в густом лесу...

Поняли утка и гусь, что нет у них другого выхода,

тут же с Хитрюшкой согласились и, не теряя времени, в путь двинулись.

Но когда добрались они до леса, утка и говорит:

— Послушай, Хитрюшка, я так устала, так устала, что не могу больше идти.

— Вот досада! Надо бы подальше в лес забраться. Но делать нечего, — вздохнул Хитрюшка, — построю я тебе здесь маленький домик, и живи в нём до поры до времени.

Набрал Хитрюшка веточек, сухой травы, перьев и сделал для утки дом. Попрощались они с уткой и тронулись в путь вдвоём. Но не долго они шли, потому что остановился гусь и говорит поросёнку:

— Ох, устал я так, что не могу больше идти.

— Как, и ты устал?! Вот беда! Придётся тогда и для тебя построить домик.

Выщипал гусь из крыльев перья, а Хитрюшка из перьев, веточек и камышинок построил ему хороший домик.

Попрощался Хитрюшка с гусем и пошёл дальше. Шёл он, шёл, устал, прилёг отдохнуть под кустом ежевики и заснул как убитый. Проснулся он от грохота колёс. Раздвинул он своим пяточком кусты и видит: едет по дороге повозка, гружённая досками и гвоздями.

«Вот кстати!» — обрадовался Хитрюшка. Вскрабкался он на повозку, сбросил на дорогу доски и тут же на землю соскочил, прихватив с собой целый мешок гвоздей. Потом собрал Хитрюшка доски и построил для себя на полянке прочный домик. Уселся он на пенёк и залюбовался своим творением.

Не домик, а загляденье: крыша высокая, стены добротные, дверь надёжная, окошко со ставнями, а в комнате даже очаг маленький!

А в ту пору жил в этом лесу злющий-презлющий волк, и поскольку был он старожилом, то всех обитателей мохна-

того и пернатого царства знал наперечёт. Пронюхал он сразу о трёх новых домах в лесу. Сообразил Серый, что может он полакомиться новыми пришельцами без особых трудов. И тут же, не мешкая, отправился к домику утки. Пришёл, постучал в дверь, да как зарычит:

— Утка, утка, открой мне дверь, а не то

Тут я когти в ход пушу
И весь домик растащу...
Или дуну раз-другой,
Вот и рухнет домик твой!

Закрякала утка в ответ:

— Волк-волчище, в домике-то я тебя совсем не боюсь.

Хоть и когти в ход тыпустишь,
Хоть и дунешь раз-другой,
Всё равно не в силах будешь
Разорить домишко мой!

— Ах так! Ну погоди же! — разозлился волк и стал обдирать когтями стены.

Всё расшвырял по веточке, по пёрышку и растоптал, а потом дунул, домишко-то и развалился. Однако не заметил волк за работой, как выскочила утка из домика и побежала к гусю. Прибежала к гусю и стучит в дверь:

— Гусь, а гусь! Открой скорей, не то волк меня съест!

Пустил гусь утку в домик, запер дверь на засов и ждёт, что дальше будет. А волк уж тут как тут:

— Открой дверь, гусь, а не то

Тут я когти в ход пушу
И весь домик растащу...
Или дуну раз-другой,
Вот и рухнет домик твой!

Заготовал гусь, захлопал крыльями и отвечает волку:

— Волк-волчище, в домике-то я тебя не боюсь.

Хоть и когти в ход ты пустишь,
Хоть и дунешь раз-другой,
Всё равно не в силах будешь
Разорить домишко мой!

Зарычал от злости волк и принялся когтями стены обдирать. По пруту да по пёрышку растащил, растоптал, а потом как дунет, домик-то и рухнул. Но гусь с уткой вовремя выскочили из окошка и поспешили к домику Хитрюшки. Прибежали и забарабанили в дверь:

— Хитрюшка, отпри нам скорей дверь, а то нас волк съест!

Открыл Хитрюшка дверь, впустил друзей в домик, а дверь на засов закрыл. Едва успел он всё это проделать, как подбежал к домику волк:

— Открой мне дверь, Хитрюшка, а не то

Тут я когти в ход пущу
И весь домик растащу...
Или дуну раз-другой,
Вот и рухнет домик твой!

Засмеялся Хитрюшка и говорит волку:

— Нечего меня пугать, Серый. Домик-то мой прочный, сколочен на славу.

Хоть и когти в ход ты пустишь,
Хоть и дунешь раз-другой,
Всё равно не в силах будешь
Разорить домишко мой!

Рассвирепел волк: глазами сверкает, зубами щёлкает, землю когтями роет... А потом подскочил к домику и стал отдирать когтями и зубами крепко-накрепко прибитые доски. Но как ни старался, ничего у него не вышло. Ещё пуще разъярился волк. Отскочил он от домика на шаг-другой и принялся на него дуть что было сил. Однако и тогда уцелел домик. Плюнул тут волк с досады и, поняв, что ничего у него не выйдет, говорит поросёнку:

— Послушай, Хитрюшка, пошутил я немножко, так что на это не сердись. Лучше завтра утром загляну я к тебе по дороге, и пойдём мы вместе за вишнями. Знаю я один хороший сад, вот там и полакомимся.

— Что ж, я не прочь. Приходи сюда, коли хочешь, — согласился Хитрюшка.

Когда рассвело, не стал Хитрюшка дожидаться волка и сам отправился в сад. Набрал там себе вишен и тут же вернулся домой. Немного погодя постучал в дверь волк:

— Эй, Хитрюшка, ты готов?

— Долго же ты спишь, волчище! Я уж давным-давно вернулся из сада с полной корзиной вишен. Если не веришь, глянь, сколько косточек от вишен у порога валяется.

— Вижу, вижу... Проспал я. Может, дашь мне горстку вишен?

— Конечно, дам.

Схватил поросёнок совок у очага и насыпал в него горячих углей.

— Ну-ка, волчище, подойди поближе к окошку да пасть свою пошире раскрой.

Подошёл волк к окошку, пасть разинул, а Хитрюшка возьми да и высыпи в неё целый совок горячих углей. Взвыл волк от боли, закашлялся, зачихал, заплевался, отскочил от окошка и задал такого стрекача, что даже лапы засверкали. Однако не отступился он от Хитрюшки — очень

уж не хотелось ему такой лакомый кусочек терять — и вскоре опять к нему пришёл.

— Я на тебя не сержусь, Хитрюшка. Давай лучше пойдём завтра на ярмарку. Вдвоём-то идти веселее. Так что поутру зайду я за тобой.

— Заходи, если не проспишь! — засмеялся Хитрюшка. — Вдвоём-то и впрямь идти веселее.

Чуть свет прибежал волк к домику поросёнка.

— Хитрюшка, а Хитрюшка! Ты готов? — постучал волк в дверь.

— Опоздал ты, волчище, — ответили ему в один голос утка и гусь. — Хитрюшка-то давным-давно ушёл.

— Досадно... Ну ничего, нагоню его по дороге.

А Хитрюшка тем временем уже по ярмарке расхаживал. Посмотрел он все товары и купил себе бочонок, чтоб засолить в нём капусту. Взял он бочонок на спину и двинулся в обратный путь. Но едва поднялся он на холм, как увидел издали волка. Что тут делать? Поставил он бочонок на землю, перевернул вверх дном, подлез под него и затаился. Подошёл волк к бочонку, оглядел его со всех сторон, постучал по нему лапой и хмыкнул в недоумении:

— Что это такое? Должно быть, кресло для уставших путников. Посижу и я на нём, отдохну и Хитрюшку подожду: дорога здесь одна.

Уселся волк на бочонок и стал ждать-поджидать Хитрюшку. Долго он его ждал, а поросёнка-то всё нет и нет. Надоело, наконец, волку на бочонке сидеть. Встал он тогда, потянулся и двинулся прямо на ярмарку: может, там его разыщет?

А Хитрюшка, не теряя времени, взял опять на себя бочонок и заторопился к дому.

Целый день провёл волк на ярмарке, но Хитрюшку так и не нашёл. А вечером снова постучал к нему в дверь:

— Что-то не видал я тебя на ярмарке.

— Зато я тебя видал, волчище. Сидел я под бочонком, на котором ты отдыхал.

— А я и не знал! Впрочем, я на тебя не в обиде. Если хочешь, пойдём завтра по груши. Растут они как раз возле лачуги дровосеков.

Согласился поросёнок.

А когда утром постучал волк в дверь к Хитрюшке, его и след простыл.

«Опять он меня надул! Ну погоди! На сей раз ни за что его не упущу», — решил волк.

И в самом деле: едва подошёл он к груше, как сразу же увидел Хитрюшку, сидевшего на дереве.

— Ага, всё-таки встретились мы! Теперь ты от меня не уйдёшь.

— Да я и не собираюсь уходить, — ответил ему Хитрюш-

ка. — На-ка отведай грушу, а потом уж и делай что знаешь. Вот сюда становись, а я тебе брошу. Лови!

Разинул волк пасть, а Хитрюшка грушу-то бросил, но так далеко, что, пока волк бегал за ней, Хитрюшка мигом спустился с дерева и задал стрекача. Однако у самой лачуги дровосеков волк его всё-таки настиг.

— Попался, Хитрюшка! Теперь припомню я тебе все мои обиды и съем тебя!

— Что ж, поделом мне, — закивал головой поросёнок. — Ведь сам я во всём виноват. Только вот когда примешься за меня, не очень шуми, а то, не дай бог, услышат дровосеки... А чтобы прошло всё тихо и гладко, надо бы тебе для начала успокоиться. Вот присядь на минутку на этот пенёк и поостынь немного.

— Это, пожалуй, верно. Очень уж я рассердился на тебя.

Сел волк на пенёк рядом с Хитрюшкой, а пенёк-то был старый, весь в трещинах. И пока сидели они рядышком, засунул Хитрюшка поглубже в трещину длинный волчий хвост, а потом как крикнет на весь лес:

— Волк! Волк! Держи его!

Услыхали дровосеки его крики, прибежали из леса и видят: со всех ног несётся прочь от лачуги поросёнок, а у пня мечется здоровенный волчище. Хвост-то у него в трещине застрял, вот и не может он удрать. Замахнулись дровосеки своими дубинами, волк дёрнулся из последних сил — хвост-то у него и оторвись. Так без хвоста и убежал он в свою чащобу.

Вот тогда-то и ушёл злой волк с горы Беврэ и поселился в другом лесу, где не знал никто про его бесчестье. Стыдно ему было, что оставил его в дураках какой-то там поросёнок. Так стыдно, что больше он и носу не казал в старые места. А Хитрюшка, утка и гусь преспокойно стали жить-поживать в своём маленьком домике из прочных досок.

ВОЛШЕБНЫЙ СВИСТОК
И
ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ

Жил да был король с красавицей дочкой, прекрасной, как солнце ясное, но строптивой и свое нравной, как все королевские дочки. Когда стукнул ей двадцать один год, задумал король выдать её замуж. Но кто ни сватался к принцессе, никто ей не нравился. Однако отец-король стоял на своём, и тогда принцесса задумала одну хитрость.

А на хитрые выдумки она была мастерица! Вот и объявила она, что только тот женихом её станет, кто испытание пройдёт.

В назначенный день съехались в замок короля — да что там замок, дворец настоящий! — да, так съехались к королю со всех концов земли женихи богатые, все разнаряженные: кто в шляпе с пером, кто в сапогах с серебряными пряжками, кто в бархатном камзоле с кружевами. На всех украшения золотые и драгоценные. Только собой не очень хороши женихи были. Кто толстопуз, кто косоглаз, один прихрамывает, другой на ногу припадает.

Как увидела их принцесса, со смеху прыснула. А стоял в толпе один пригожий юноша. Да не среди женихов, нет, в толпе зрителей. Был он простой пастух и попал в королевский замок — да что я говорю — замок, дворец настоящий! — совсем случайно, мимоходом зашёл.

Вышел он утром рано из дому и повстречал по дороге древнюю старушку с большой вязанкой хвороста. Тяжело было бедной такую ношу тащить, а пастуху тяжесть не в диковинку, и подхватил он у неё вязанку, до самого дома её проводил. А там они распрощались, и на память старушка подарила юноше свисток. Обыкновенный деревянный свисток. Таким свистком пастух своё стадо привык созывать да собак скликать.

— Очень ты мне по сердцу пришёлся, — сказала ему старушка. — За доброту тебе и моя награда. Если что случится с тобой, только свистни, и в миг к тебе мои помощники явятся.

Поблагодарил пастух старушку. «Доброго вам здоровья», — сказал и своей дорогой пошёл. А свисток в карман сунул и тут же про него забыл — подумаешь, диковинка! Старушкины слова ему просто шуткой показались. Он и сам не прочь был пошутить.

Вот идёт пастух по дороге, а его обгоняют и кареты золочёные, и господа нарядные, да и простой люд. Человек сто, наверное, прошло! Да что я — сто, не меньше как две-сти! И все спешат куда-то. Решил пастух со всеми вместе пойти. Что ж, молодой ведь был, любопытный, как синица, и весёлый, как дрозд-пересмешник.

Пришли все в замок, то есть во дворец — во дворец, а не в замок, — а принцесса уже ждёт своих женихов и испытание им приготовила, не такое уж и затейливое, а всё же. Принесла она в корзинке золотые яблоки — у принцесс всегда про запас золотые яблоки имеются. Как собрались все женихи в зале — человек пятнадцать, наверное; да нет, что я, двадцать, не меньше! — она и кинула им золотое яблочко.

— Кто поймает, тот женихом будет! — сказала она. — Считаю до трёх!

Бросила она золотое яблочко, а женихи-то все в разные

стороны разбежались: испугались, видно, что зашибёт их. Вдруг шишка на макушке вскочит, а то на лбу, всю красоту их попортит! Были ведь они без шляп, нельзя в шляпе перед принцессой оставаться, воспитанные люди так не делают. Да, испугались они и в стороны бросились, друг на друга наталкиваются, спотыкаются, а кто понескладней, и вовсе на полу растянулся.

Принцесса смеётся, и все смеются, за животы держатся, а громче других смеётся молодой пастух — очень ему шутка принцессы понравилась.

Но вот бросила принцесса второе яблоко. Тут уж женихи не разбежались, всё-таки не хотелось им без невесты домой возвращаться. Стали они ловить золотое яблоко, руками машут, друг друга толкают, да только мешают им кружевные манжеты, да одежда тесная, парадная, да каблуки высокие.

Словом, мимо и это яблочко пролетело. А принцесса и довольна, знай себе посмеивается.

Но вот она в третий раз бросила золотое яблочко. Женихи засуетились-замешкались, а пастух — ловкий он парень был — хоп и поймал яблочко! Не думайте, что хотел он на принцессе жениться, пастухи на принцессах не женятся! А всё ж поймал яблочко для веселья да на потеху людям.

А принцесса возьми да и подведи его к отцу-королю:
— Вот, ваше величество, жених мой!

Говорил я вам, что своенравна она была, но чтоб такую шутку сыграть, вот уж не ожидал король! Ох и рассердился он!

— Не бывать этому! — вскричал он.

— А ваше слово королевское? — сказала принцесса.

Пришлось королю уступить — нет, не совсем уступить, придумал он для жениха три испытания. Вот если пройдёт

он эти испытания, тогда уж, что делать, пусть на принцессе женится.

— Есть у меня в зайчатнике сто зайцев, — сказал пастуху король. — Завтра ты пойдёшь их в поле пасти, а к вечеру всех домой приведёшь. Да чтоб ни один не пропал!

Нелёгкое это было задание. С утра пораньше выпустили зайцев из зайчатника на волю, и тут же все они разбежались кто куда. Ну как их соберёшь? И вспомнил тогда пастух про деревянный свисток — подарок старушки. Засвистел он в этот свисток, и — о чудо! — с разных сторон к нему сбежались зайцы. Ровно сто зайцев! Обрадовался пастух и давай на свистке этом песенки насвистывать, а зайцы как зачарованные вокруг него кружат, травку пощипывают, но далеко не убегают.

Решил король проведать, как управляется с его заданием самозванный жених, и отправил в поле своего главного министра. Только велел сначала ему переодеться в платье дровосека, чтоб не заподозрил чего пастух.

Вернулся главный министр от пастуха и рассказал королю про невиданное чудо: мол, все зайцы вокруг пастуха пляшут, травку пощипывают, а он знай себе на свистке насвистывает. Очень удивился король и велел своей дочке-принцессе идти к пастуху в поле.

— Делай как знаешь, но уговори ты его продать тебе хоть одного зайца! — приказал король.

Переделась принцесса простой крестьянкой: на ноги сабо́ деревянные надела, на голову шляпку с цветными лентами, в руки корзину плетёную взяла — и в поле побежала. Очень ей интересно было, кто кого перехитрит: она пастуха или пастух её.

— Не продашь ли бедной девушке одного зайца? — спросила пастуха принцесса, когда пришла на поле, где он королевских зайцев пас.

— Не продажные они, — сказал пастух. — Так что продать не могу, но заслужить одного можешь, моя красавица. — Он сразу смекнул, что разговаривает с принцессой, а не с простой крестьянкой.

— А как? — обрадовалась принцесса.

— Со мной на травке посиди, один поцелуй мне подари!

Очень рассердилась принцесса, но делать нечего, села рядом с пастухом, посидела, о том о сем они поговорили, время быстро пролетело, и собралась принцесса уходить. Зажмурившись, поцеловала она пастуха, а он ей зайца в корзину по́ложил. Да только не успела принцесса к королевскому замку — ой, что я, ко дворцу королевскому подойти, как пастух в свисток свой засвистел, и заяц тут же из корзины выскочил и в поле убежал.

Ни с чем, стало быть, вернулась к отцу принцесса. А сердиться ей или радоваться, она и сама не знала. Почему, как вы думаете?

Догадались? Ну, а король-то просто в ярость пришёл и сам в поле надумал ехать. Переоделся в крестьянское платье и верхом на осле перед пастухом предстал.

— Продай зайца, пастух! — говорит.

— Зайцы мои не продажные, — сказал пастух. — Но заслужить одного можешь! — Узнал короля пастух, потому так и сказал.

— А как? — спросил король.

— Поцелуй три раза хвост своему ослу — и получишь зайца! — нашёлся что ответить пастух, парень он был не промах.

Такие шутки шутить с королём, а?

А что ж, хоть король и был настоящим королём, а пришлось ему с осла слезать да три раза его в хвост поцеловать. Потом схватил зайца, сунул в корзинку и без оглядки во дворец поскакал.

Да только не долго заяц в его корзинке сидел: как свистнул пастух, так заяц тут же к нему вернулся. А легко ли королю в дураках-то оставаться? Хвост ослу целовал, да не один раз, а три! И всё зря. Одно утешенье: хорошо, хоть не узнал его пастух, так думал король.

На другой день король новое задание придумал пастуху.

— Когда ночь тёмная настанет, — сказал он пастуху, — ты спустишься в подвал, там в кучу свалено сто мер гороха и сто мер чечевицы. До утра ты их на две равные кучи и разделишь. В одной чтоб горох был, а в другой чечевица.

Вот это задание! Лишь в затылке почесал пастух. Пошутил разок с королём и с принцессой, да пора, видно, и честь знать.

Что ж, никто его и не просил золотые яблоки ловить!

А всё-таки, когда ночь пришла, вместо того чтобы спать лечь, как то положено, спустился пастух в подвал и — была не была! — посвистел в свой свисток. И тут же, откуда

ни возмись, напоззли из разных щелей муравьи, да жуки, да букашки и, пока пастух спал спокойно, как всем людям положено, разделили они горох и чечевицу на две равные кучи.

Ох и рассердился король, когда поутру их работу увидел! Да виду не подал: стыдно как-то перед пастухом в дураках ходить. Целый день думал король, какое бы ещё задание для пастуха придумать. Третье, и последнее! И надумал:

— Ступай в мою королевскую пекарню и съешь весь хлеб, все булки да пирожные! Чтоб утром там пусто было!

Ох, ох, ох... Вы, конечно, можете себе представить, сколько разных разностей напекли на свадьбу королевские пекари — и для гостей, и для господ, для слуг и всех ближайших родственников! Как увидел эти хлебы, да булочки, да пирожные наш пастух, так за голову схватился: с чего же начинать? И начал с того, что засвистел в волшебный свисток.

Вы и сами, видно, догадались, что свисток этот был не простой, а волшебный. Засвистел пастух, и тут же набежали в королевскую пекарню крысы да мыши со всего королевства и живо с хлебом да булками и разными разностями разделались. Ничегошеньки в пекарне не осталось. Пришлось королю смеяться на голодный желудок.

Пришлось бы, кабы ему до смеха было!

— Что ж, все мои задания ты выполнил, — сказал он пастуху. — Можешь забирать принцессу в жёны, только окажи мне напоследок небольшую услугу.

Ай да король! Грозился три испытания пастуху сделать, а уж четвёртое придумал. Ну, разве это по-королевски?

— Вот наполни-ка мне этот мешок ложью! Наполнишь, и дочка — твоя.

Почесал в затылке пастух: шутка ли. целый мешок лжи!

Решил он ко лжи пару истин прибавить, чтобы ложь перевесить, и говорит:

— Ваше величество, велели вы мне поначалу зайцев пасти. И пришла ко мне на лужок принцесса, переодетая крестьянкой. Попросил я её со мной на травке посидеть, а на прощанье поцеловать разок. И мою просьбу принцесса выполнила в точности, как я вашу.

— Ложь, ложь! — закричал король.

— Ложь так ложь, — согласился пастух. — Стало быть, полмешка полны? — И добавил ещё одну истину: — А после принцессы пришёл ко мне сам король в крестьянском платье и три раза...

— Хватит! Хватит! Мешок полон! — закричал король.

— А коли полон и принцесса с этим тоже согласна, самое время нам свадьбу сыграть.

Что ж, принцесса не возражала. Может, и тут пастуху волшебный свисток помог? Но чего не знаю, о том не говорю, а только и у меня самого такой свисток был, да потерял я его, вот беда-то!

МАЙЕНСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Как-то раз шли по дороге майенские мальчишки: мальчишки из деревни Майены. И нашли три золотые монеты. Вот удача!

Только как разделить их? Мальчишек-то было двое, а монет — три. Вот задача!

Думали они да гадали, голову себе сломали, но ничего не придумали и решили посчитаться:

— Раз — моя!

— Два — твоя!

А третья чья? Нет, так не годится.

— Ты да я — это два!

— Я да ты — это три!

А где же раз? Опять не вышло. И решили майенские мальчишки пойти за советом к дядюшке Эрбинаку.

Дядюшка Эрбинак недолго думая одну монетку дал одному мальчишке, другую — другому, а третью себе оставил. Ловко, а?

И пошли майенские мальчишки к себе домой очень довольные.

Золотая голова у дядюшки Эрбинака!

Тс-с, не голова, а сундук. «Золотой сундук» — так прозвали его в деревне. А за что, как вы думаете?

СТАРЫЙ ГОРШОК С ЗОЛОТЫМИ ЭКЮ

Лэн-о-Буа́, что неподалёку от большого города Труа, жил богатый кюре, то есть священник. Почти все земли широкой равнины принадлежали ему. Пастухи пасли там его баранов. И леса на Высоких Холмах тоже были его, и, уж поверьте, дровосекам не приходилось жаловаться, что им не хватает работы. Так что вы и сами, наверное, догадались, что денежки у этого кюре водились, и немалые.

Жить бы ему да радоваться, так нет, подозрительность его одолела. Никому он не доверял и прятал свои деньги в старом горшке, а горшок зарыл на капустных грядках в огороде.

Была у кюре служанка, девушка честная и весёлая, и приходил к ней часто в гости один молодой человек — верно, жених её.

И вот однажды получил кюре новые денежки за проданный лес и решил прибавить их к тем, что лежали в старом горшке на капустной грядке. Дождался он тёмной ночи, разрыл землю в положенном месте, приподнял тяжёлую крышку с горшка и... язык прикусил, чтобы не выругаться. Не полагается святым отцам скверными словами выражаться, сами знаете. Но как было не выразиться, коли горшок-то оказался пуст! Не иначе, вор побывал здесь.

Наутро кюре призвал к себе служанку и спросил строго:

— Где твой дружок?

— Уехал утром рано в Труа!

— Пусть вернётся, не то хуже будет!

— Никак невозможно, господин кюре. Он по делу уехал.

А что случилось?

— А то... то... — замялся кюре, — что пропала у меня с огорода капуста.

— Ох, так бы сразу и сказали! Я вчера вечером её срезала, чтобы засолить, а то как бы заморозки не начались.

— И твой милый тебе помогал?

— А то как же! Одной мне бы ни за что не управиться. И так мы дотемна в огороде работали, а когда собрались уходить, я ещё заметила у забора — в том самом месте, где большая дыра, знаете? — нашего соседа-сапожника. «И что он в такой темноте здесь делает?» — ещё подумала я.

— Так, говоришь, сапожника? Позови-ка его ко мне!

«Ах эта проклятая дыра в стене! — подумал кюре. — Верно, через неё сапожник и увидел, как я прячу в горшок деньги, и украл их. Негодяй, ломаного экю мне не оставил!»

Когда сапожник явился, господин кюре его спросил:

— Как дела, сосед?

— Лучше, чем когда бы то ни было! — ответил сапожник.

«Вот наглец!» — подумал кюре, но виду не показал, что сердится, а сказал вежливо так, по-дружески:

— Вот что, друг: нужна мне пара башмаков, крепких и удобных, а то часто мне приходится ходить к господину епископу в Труа. По секрету скажу тебе: доверил он мне прикупить ему в наших краях землицы.

— Будут у вас башмаки! — пообещал сапожник. — Сегодня же примусь за работу.

— Вот спасибо! А может, тебе деньги вперёд нужны, чтобы кожи купить? Ты не стесняйся, скажи!

Но кожи у сапожника было много, и через два дня он принёс господину кюре башмаки. Никогда у кюре не было такой прочной, удобной и красивой пары! Он быстренько в них обулся и зашагал в город Труа к господину епископу. А может, в какое другое место.

Когда он вернулся, сапожник встретил его у порога и спрашивает:

— Ну как, довольны вы башмаками?

— Как же, премного доволен, я и дороги не заметил.

— А как чувствует себя господин епископ?

— Неплохо, неплохо. Вот дал он мне денег, чтобы купил я для него участок земли получше. — И кюре показал сапожнику увесистый мешок, а что в нём было, кто знает? — Только тсс-с, никому ни слова!

А надо вам сказать, что, пока кюре ходил в Труа или там в какое другое место, сапожник сбегал в огород да положил на место что брал. На другую ночь он решил вернуться и тогда уже забрать все денежки — и господина кюре и епископские. Вот хитрец!

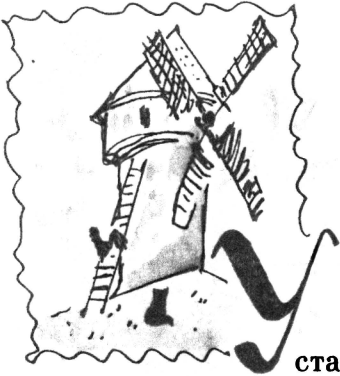
Но на всякого хитреца есть свой хитрец!

В ту же ночь господин кюре побежал к себе на огород, откопал старый горшок и вынул из него свои дорогие денежки. А вместо них положил пучок чертополоха.

На другую ночь сапожник, как и задумал, пошёл проведать заветный горшок. И ведь нашёл его всё на том же месте! Да только денег там было не больше, чем в моём кошельке сейчас. А вместо них вы уж знаете, что он нашёл. И хоть есть чертополох он не стал, вид у него был и впрямь ослиный. Или дурацкий, как вам больше нравится.

ЗАВЕЩАНИЕ МЕЛЬНИКА

старого мельника было четверо сыновей. Не богат он был, а всё же четверых сыновей вырастил и, помирая, завещал им: старшему — мельницу, средним братьям — петуха и лестницу, а младшему — кота.

Жить бы им дружно да поживать, только не очень покладистым оказался старший брат. Как стал хозяином на мельнице, так к братьям своим начал придирааться, попрекать их куском хлеба. Не выдержал младший брат, подхватил кота под мышку — всё богатство своё! — и счастья искать пошёл.

Далеко ли, близко ли, пришёл он в такие края, где кошек сроду не видывали. Позвала его в дом одна добрая женщина. Она как раз кашу варила для своих детей — всего их семеро было, — а заодно и усталому путнику поесть предложила. Как только готова была каша, сели все за стол, она по мискам её разложила. Но тут вдруг набежали мыши, тьма-тьмушая, и за кашу принялись.

— Вот так всякий раз! — пожаловалась женщина. — Отбою от них нет! Скоро мы все с голоду здесь помрём, если не надумаем, как нам от мышей избавиться.

— Не печальтесь, это беда поправимая! — сказал ей младший брат и выпустил на мышей своего кота.

Кот живо с ними расправился: кого не съел, те разбежались. Женщина не знала, как и благодарить юношу.

— Так подчистую всё бы и съели, кабы не ваш зверёк славный.

— Что ж, берите его в подарок. Вам он нужней, а мне и так ни хорошо, ни плохо.

В награду за кошку все жители деревни чего только не подарили славному юноше, даже целый кошель денег собрали. И вернулся он домой очень довольный своей удачей.

— Пожалуй, и нам дома отсиживаться нет радости, — решили средние братья. — Удача сама в руки не идёт, надо её поискать!

Но старший брат не отпустил сразу обоих братьев, и ушёл искать счастья тот, которому в наследство достался петух.

Далеко ли, близко ли зашёл, только застала его на дороге ночь, и он постучался в один дом на краю деревни, чтобы переночевать у добрых людей.

— Только знай, — сказали ему хозяева, — сегодня наша очередь день встречать, так что нам рано вставать придётся.

— Как это день встречать? — удивился юноша.

— А вот как, — отвечал хозяин. — Встаём мы затемно, садимся в повозку и едем на край поля день встречать. Как засветится заря, мы в деревню возвращаемся и всех будим: вставайте, мол, день пришёл!

Да-а, не простые они были люди, а предусмотрительные!

— Вот чудачки, — посмеялся второй брат. — Да разве нет у вас петухов?

— Пе-пе-петухов? — удивились люди.

Тогда юноша показал им своего петуха.

— Ложитесь спокойно спать, — сказал он, — моя птица за вас день встретит и вам о том трижды скажет. Вот на третий раз и вставать пора.

Поверили люди, легли спать. А как начало светать, петух, известное дело, как все петухи, закричал:

— Ку-ка-ре-ку, день на носу!

А потом и второй и третий раз прокукарекал, когда солнце встало. А за ним следом и люди встали. Поблагодарили юношу за науку и за помощь и ну просить, чтобы он петуха им продал.

Жалко было юноше со своим петухом расставаться, но посочувствовал он людям и отдал своего петуха. А те его за это наградили чем бог послал. И второй брат домой тоже не с пустыми руками воротился. Да по дороге попал он в одно престранное местечко, где мельница высокая стояла. А престранное потому, что крестьяне там не знали, не ведали, что такое лестница, и один лез на спину другому, чтобы наверх попасть и оттуда мешки с зерном вниз передавать.

Вот вернулся второй брат домой и рассказал об этих чудаках третьему брату, тому самому, кому в наследство лестница досталась. А дальше небось сами догадываетесь, что получилось.

Словом, разжились трое младших братьев кой-каким добром и сами добрую мельницу построили. Хорошо у неё колёса вертелись, сам ветер подгонял её крылья. А у весёлых братьев и зерно слаще, чем у хмурого да придиричивого.

Долго ли, коротко ли, разорился старший брат и пошёл по свету горе мыкать. Младшие братья его к себе звали, да отказался он.

ЖАН СЧАСТЛИВЫЙ

Жил в одной деревушке сирота Жан. Плохо ему жилось, голодно. И решил он однажды в город уйти. Может, там ему улыбнётся счастье?

Поначалу нанялся он слугой к одному господину. А господин тот был не кто иной, как сам дьявол. Да откуда было знать про это такому простому деревенскому парню, как Жан?

Службу он нёс исправно, платье господину чистил, дом прибирал. А главное, за его конями ходил. Были у хозяина два коня: вороной жеребец и белая кобылица.

Однажды собрался господин в соседний город по делам съездить и говорит своему слуге Жану:

— Уезжаю я, может, на день, может, на два, а может, на неделю, а то и на месяц. Велю я тебе всё это время строго выполнять мой приказ: корми вороного коня овсом; а пока он овёс будет есть, ты белую кобылицу кнутом стегай. Но не вздумай меня ослушаться, а то живым не уйдёшь!

Удивился Жан такому приказу, но всё же побоялся злого хозяина рассердить, и, когда тот уехал и настал час задавать коням корм, насыпал Жан в кормушку вороного коня овса, а сам за кнут взялся да на белую кобылу как замахнётся! И вдруг говорит она ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Жан! Лучше беги скорей от своего хозяина. Знаешь, кто он? Сам дьявол!

Очень удивился Жан, но кобылу не тронул, а засыпал и ей овса. Поев, кобыла сказала:

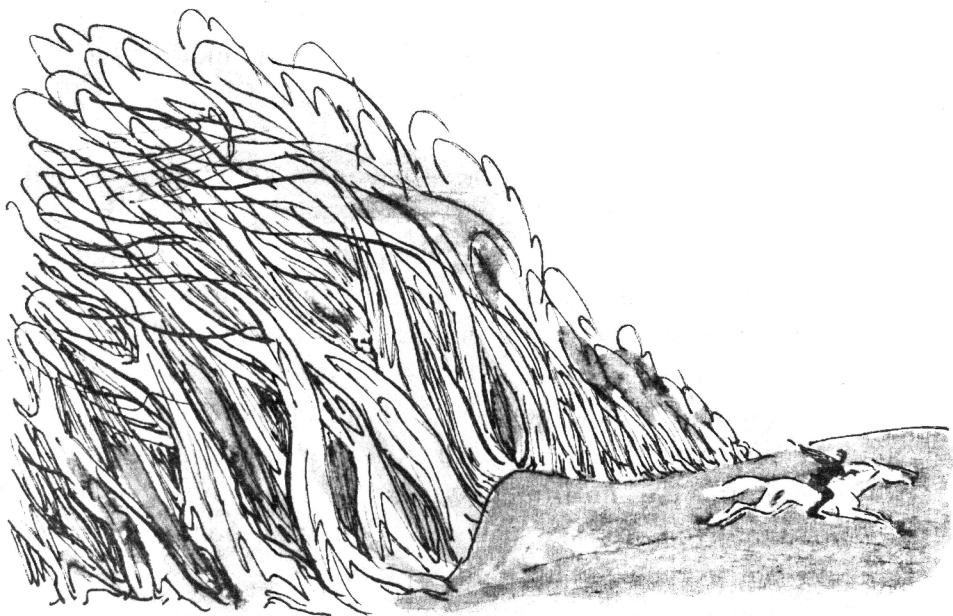
— Ты пожалел меня, Жан! И я тебе этого ввек не забуду. А сейчас нам надо бежать отсюда. Не верь, что хозяин долго не вернётся. Он сегодня же придёт, чтобы проверить, как ты выполняешь его приказ, и тогда плохо тебе будет. Садись-ка на меня верхом, да прихвати в дорогу мешок овса, скребницу и мокрую мочалку.

Вскочил Жан верхом на белую кобылицу и был таков.

Вот скачут они и день, и два, а может, неделю, а то и месяц и ещё немного, и говорит кобылица:

— Оглянись, Жан, нет ли чего чудного позади?

Оглянулся Жан и видит — ползёт за ними чёрный дым, по земле стелется.

— Дым чёрный, а больше ничего, — говорит он кобылице.

— Беда! — говорит кобылица. — Значит, пустился дьявол за нами, в погоню и сейчас догонит. Брось-ка скорей на землю скребницу!

Бросил Жан на землю скребницу, и тут же позади них вырос лес густой да кустарник колючий. Скачут они дальше. День скачут и два скачут, а может, неделю, а то и месяц и ещё немного, и говорит Жану белая кобылица:

— Оглянись, Жан, нет ли чего чудного позади?

Оглянулся Жан и видит, что уже не дым чёрный ползёт за ними, а пламя красное бежит.

— Огонь бежит за нами! — говорит Жан.

— Ох, беда, не отступился дьявол, хочет нас догнать и погубить! Брось скорее на землю мокрую мочалку!

Бросил Жан на землю мокрую мочалку, и тут же разлилась позади них широкая река. Поднялся тут ветер, за-

гуляли по воде волны, вскипела река, из берегов рвётся. А белая кобылица вперёд скачет. И день скачет, и два, и неделю, а может, и месяц и ещё немного. Обернулся Жан — позади ничего.

— Значит, сгинул дьявол, — говорит кобылица. — Теперь мы с тобой свободны, Жан, и можем тут расстаться.

Опечалился Жан: не хотелось ему с белой кобылицей расставаться, да и куда он пойдёт в незнакомых краях?

— Не горюй, Жан, — говорит кобылица. — Ты меня от несчастья спас, а я тебе счастье подарю. Иди теперь один по этой дороге, а как дойдёшь до графского замка, попросись на службу в помощники к садовнику. А дальше всё сам увидишь. Но помни: коли худо тебе будет и помощь моя понадобится, только позови: «Ко мне, белая кобылица!» И я тут же к тебе на помощь приду.

Расстались они, и Жан пошёл по дороге один. Пришёл в графский замок и нанялся, как сказала белая кобылица, в помощники к графскому садовнику. А у графа дочка была прехорошенькая. Она часто ходила в сад гулять и однажды повстречала там Жана, ну и, конечно, влюбилась в него, а Жан в неё. В сказках всегда так случается, хочешь не хочешь, а какая ж сказка без девицы и доброго молодца?

Да только не по сердцу пришлась любовь эта самому-то графу. Не о таком женихе для своей дочки мечтал сиятельный граф. И подумал он от Жана избавиться. Дал он ему приказ за один день прополоть весь сад и от сухих веток деревья все очистить. А не очистит, может убираться по-добру-поздорову. А сад был большой, конца-краю не видно. И деревьев не счесть, да всё яблоки, груши и сливы.

Ушёл Жан в дальний конец сада, где кусты да деревья погуще, и крикнул громко:

— Ко мне, белая кобылица!

И тотчас белая кобылица перед ним очутилась, копытом

землю бьёт, из ноздрей пар вырывается. Повёдал ей свою беду бедняга Жан: мол, так и так, жаль ему с графской дочкой расставаться.

— Бывают задачи и потрудней, — сказала ему на то белая кобылица и велела скорей верхом садиться. — Три раза мы с тобой вокруг сада объедем, и смело иди тогда к графу — ни сучка, ни травинки лишней в саду не останется.

Так всё и сделал Жан. Подивился граф его ловкости, прогнать не прогнал, порешил новое задание дать, труднее прежнего.

— Коли ты ловкий такой, — сказал он Жану, — сделай так, чтобы все мои деревья к завтрашнему утру снова зацвели. А не сумеешь — значит, плохой ты садовник и можешь тогда уходить куда глаза глядят.

Испугался Жан, что такого задания даже белая кобылица не выполнит: здесь уже глубокая осень стояла, даже первый снег выпал. И всё же ушёл Жан в дальний конец сада и позвал тихо:

— Ко мне, белая кобылица!

И тотчас белая кобылица пред ним предстала. Пожаловался Жан, какое задание дал ему граф, но и на этот раз белая кобылица ему помогла. Три раза объехали они вокруг сада, и Жан вернулся домой в свою каморку. А наутро выглянул он в окно — вот чудо! Весь сад снова зацвёл, и птицы по веткам порхают, поют, словно весна наступила. Все обрадовались новой весне. Все, кроме самого графа: ведь известное дело, — весной не только цветы цветут, но и любовь расцветает. И решил он скорее своей дочке жениха найти, чтобы забыла она садовника Жана.

И вот объявил граф по всем соседним графствам, что собирается выдать замуж свою дочку. А кто хочет её руки добиться, должен принять участие в турнире. Достанется же она тому, кто ранит самого графа в правую ногу.

Чудное условие, скажете вы? Так ведь требовать, чтобы яблоня расцвела, когда яблоки уже созрели, ещё чудней! Но уж, видно, такой человек был этот граф, всё он по-чудному делал.

И в назначенный день съехались к графскому замку знатные дворяне, графы да виконты, князья да бароны. Каждому хотелось получить в жёны такую красавицу, да ещё богатую наследницу притом.

Невесело было только самой невесте. Бедная девушка знала, что простому садовнику не позволят на турнире драться. А если б и позволили, где же он коня возьмёт и доспехи? Неужели придётся ей с милым Жаном навсегда расстаться?

И вот затрубили трубы, и все участники турнира выехали на ристалище, чтобы своих коней показать и дорогими доспехами похвастать. У всех кони были хороши, а доспехи ещё лучше, да ни один не сумел к графу ближе, чем на длину меча, приблизиться, чтобы ранить его в правую ногу.

«Неужто нет достойного воина, чтобы дочку мою заслужить?» — начинал уж сердиться граф. Как вдруг на ристалище появился новый всадник, только одет он был бедновато да и конь под ним на одну ногу прихрамывал. Всмотрелся в него граф и узнал своего садовника Жана.

— Вон! Вон! — закричал граф. — Не смеет простолюдин на благородном турнире драться!

И все прочие женихи и зрители закричали на него и руками замахали. Пришлось бедному Жану на своей кляче покинуть ристалище.

Однако не прошло и мгновенья, как вырос перед графом новый противник. Конь под ним вороной, глаза у коня огнём горят, грива по ветру развевается. Сбруя и уздечка на коне из чистого серебра, а доспехи на прекрасном рыцаре из червонного золота. Не успел граф от изумления в себя

раз, другой и воспарил ввысь. Летит Ля Раме, вперёд смотрит. Видит, вдали замок стоит, башнями облака подпирает.

Подлетел Ля Раме ближе. Вокруг замка стены высокие, неприступные. Но не орлу просить, чтобы подвесные мосты опустили. Перелетел он через толстые стены. А перед входом в замок два страшных пса сидят, огонь из пасти у них вырывается.

— Волк, возьми меня в братья! — вскричал тут Ля Раме, и в миг один в волка обратился.

Расправился волк со злыми сторожами и к дверям замка бросился. Но как через замкнутые двери проникнешь? Пришлось Ля Раме третьего друга на помощь звать:

— Муравей, муравей, возьми меня в братья!

Не успел сказать, как тут же в чёрного муравья обратился и в замочную скважину пролез. А потом сквозь щели и трещины прямоком в заветный тайник пополз-побежал. Стены в тайнике были толще вала крепостного, а на окнах решётки густые, даже света ясного не видать, хотя брезжил уже рассвет, приближался ясный день. Но кому ясный, а кому последний... И потому спешил муравей. Что ему решётки да стены? Была бы щёлочка узкая.

И вот проник муравей в заветный тайник. Посреди большой залы стоял стол высокий, а на столе — ларец золотой.

Пришла пора Ля Раме самому за дело приниматься. Обернулся он снова человеком, схватил свой верный палаш, сбил замок с золотого ларца, а там яйцо — крепкое, крепче камня, и чёрное, чернее железа.

Разбил Ля Раме яйцо, и потекла из него чёрная кровь. А как последняя чёрная капля вытекла, услышал он предсмертный крик злого чудовища.

Вот и весь подвиг славного Ля Раме. Обошёл он весь замок и в последней башне на самом верху нашёл бедную Жаннет. Она сидела и плакала и к каждому шороху при-

слушивалась, страшное чудовище ждала. Когда вошёл к ней Ля Раме, она глазам своим не поверила.

— Кто ты? — спросила Жаннет чуть дыша.

— Я — капитан Ля Раме. И пришёл сюда, чтобы освободить тебя от страшилища. Его больше нет, и ты свободна!

Ну, само собой, девушка без памяти влюбилась в отважного Ля Раме. И скоро сыграли свадьбу. А когда Ля Раме сделался королём, он приказал в гербе своего города нарисовать муравья, волка и орла — в память о верных друзьях.

С тех пор у города Буржé такой вот красивый герб.

СОДЕРЖАНИЕ

Неугомонный петушок	3
Ученик чародея	11
Плут-Малыш	20
Собака пономаря	31
Дочь дровосека	36
Хитрец-молодец	46
«Овечий командир»	54
Как не уберегли звери свои тайны	61
«Попался, сверчок!»	70
Обидчивый Кэрбели	76
Лиса и куропатка	81
«Святой» Грамэр	82
Анри-Пьер и принцесса-лягушка	85
Бирон	96
Фермер и его хозяин	101
Солнышко	104
«Берник, бернак!»	117
Белый дрозд, хромо́й мул и красавица с золотыми волосами	121
Неведомый зверь	135
Маленький кочан капусты, который никак не хотел расти	140
Плотник из Арля	142
Поросёнок по прозвищу Хитрюшка	150
Волшебный свисток и золотые яблоки	158
Майенские мальчишки	167
Старый горшок с золотыми э́кю	168
Завещание мельника	171
Жан Счастливый	175
Откуда совы взялись	182
Возвращение Ля Раме	186

Для младшего школьного возраста

ПОПАЛСЯ, СВЕРЧОК!

Французские народные сказки

От составителей:

В. Шере

Художественный редактор

С. И. Нижняя

Технический редактор

Е. М. Захарова

Корректоры

Л. М. Азифинова и Л. М. Короткина

Подписано к печати 10/X 1975 г. Формат 70X90/16. Бум.
офс № 1. Печ. л 12 Усл. печ. л 14,04 Уч.-изд. л 8,9
Доп. тираж 200 000 экз.

Заказ № 112. Цена 33 коп.

Отпечатано с диапозитивов Ордена Трудового Красного
Знамени фабрики «Детская книга» № 1, Москва, на
Смоленском полиграфкомбинате Росглавполиграфпрома
Госкомиздата СМ РСФСР, г. Смоленск, м/р Поповка

П57 Попался, сверчок! Французские народные сказки. Составление и пересказ В. Финикова. Рис. Т. Шишмарёвой. М., «Дет. лит.», 1975.

191 с. с ил.

В сборник вошли лучшие образцы французского фольклора — притчи о животных, весёлые бытовые сказки, насмешливые истории о церковниках и богатеях, увлекательные волшебные сказки.

И(Фр)

Цена 33 коп.